

*Правда не делает
тебя свободным.*

ВСЯ ПРАВДА

ЛОЖЬ & ПРАВДА #2
<https://vk.com/neviofal>

РИНА КЕНТ

Вся Правда - Рина Кент

Книга: Вся Правда

Автор: Рина Кент

Серия: Ложь & Правда #2

Перевод Группы: <https://vk.com/neviofal>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, дорогой друг!

Если тебе раньше не доводилось познакомиться с моими книгами, возможно, ты не знаешь, но я пишу мрачные истории, которые могут тебя расстроить и вызвать беспокойство. Мои книги и главные герои не для слабонервных.

Вся Правда — вторая книга дилогии и НЕ является самостоятельной.

АННОТАЦИЯ

Правда не освобождает.

Мечь не должна быть поспешной. Ею нужно наслаждаться.

Рейна разрушила мою жизнь, и будет справедливо, если я разрушу ее в ответ.

Или таков был план.

Это было до того, как она проникла под мою кожу и влилась в мою кровь.

Жизнь, как мы ее знаем, рушится и сгорает.

Все, что у нас осталось — это мечь.

Или нет?

ПЛЕЙЛИСТ

Illuminated — Hurts

Infinite — Silverstein & Aaron Gillespie

Divide — Bastille

Good Lesson — Bastille

Wherever You Are — Kodamine

Call Me — Shinedown

State of My Head — Shinedown

Kill Our Way to Heaven — Michl

Emperor's New Clothes — Panic! At The Disco

No Shame — 5 Seconds of Summer

Empty Thoughts — Glass Tides

Death of Me — SAINT PHNX

Willow Tree — Twin Wild

Wrong — Depeche Mode

Running From My Shadow — Mike Shinoda & grandson

I Found — Amber Run

The Unknown — Crossfade

Just Give Me a Reason — Pink & Nate Ruess

What Have You Done — Within Temptation & Keith Caputo

Roots — In This Moment

Wasting My Time — Default

The Very Last Time — Bullet For My Valentine

Haemorrhage — Fuel

Love Falls — HELLYEAH

Some Kind of Disaster — All Time Low

Глава 1

Рейна

В ночь происшествия

Жизнь несправедлива.

Ее параллельные линии и никогда не пересекающиеся узоры подобны проклятию.

Независимо от того, как сильно ты убегаешь от этого, тебя всегда тянет назад.

Огни пятничного вечера наполняют стадион, когда члены моей команды улыбаются и прыгают. Шум толпы подобен приливу адреналина как для болельщиц, так и для футболистов.

Легкая улыбка появляется на моих губах, когда я останавливаюсь у выхода и бросаю последний взгляд назад, на Бри и Прескотта, Люси и Наоми, Оуэна и Себа.

И на всех остальных.

Я никогда не думала, что буду скучать по ним, но опять же, весь этот роботизированный акт был просто актом. Я ни разу не думала, что они не важны, но я была профессионалом в том, чтобы заставить их поверить, что они важны.

Мой взгляд сам по себе устремляется вверх, к зрителям — секции для семей игроков.

Вот где он всегда сидит. В своем замкнутом, черном сознании он все еще считает Оуэна и Себастьяна семьей.

Чего никогда нельзя сказать обо мне.

Мои пальцы скользят к браслету, ощупывая изящный материал, пока я блуждаю в толпе.

Я знаю, что не найду его, но все равно продолжаю поиски; это кое-что говорит о моем отчаянии.

Это кое-что говорит о том, насколько мы дисфункциональны.

Хотела бы я, чтобы это началось три года назад, но это продолжается с тех пор, как дядя Алекс и папа решили, что мы должны быть помолвлены.

Наши отношения были неправильными и с тех пор отказывались быть правильными.

Мы просто продолжаем скучать друг по другу, снова и снова.

Затем он сказал мне эти слова, те самые, которые разбили остатки моего сердца на крошечные кровавые кусочки, которые невозможно собрать или потрогать.

Моя грудь не перестаёт болеть с тех пор, как я наконец осознала болезненную истину: мы живем в параллельных линиях. Нашим мирам никогда не суждено пересечься.

Нам никогда не суждено было быть вместе.

Отказавшись от надежды найти его в толпе, я разворачиваюсь и иду по длинному пустому туннелю. Радостные возгласы и музыка в конце концов затихают, превращаясь в ничто.

С каждым шагом мой дух лишается равновесия. Мои конечности дрожат, будто умоляя меня вернуться, найти его, сказать то, чего я не могла все эти годы.

Нет.

Это закончилось.

Все кончено.

Теперь я должна спасти единственного другого человека, который важен больше, чем я.

Я достаю телефон и открываю Инстаграм. Мне не требуется много времени, чтобы найти переписку годичной давности. Жаль, что я не могла прийти еще раз или сказать этому придурку эти слова лично, но, несмотря на мой жесткий поступок, я трусиха во многих отношениях.

Я просто знаю, как хорошо скрывать свою трусость.

В течение долгого времени я научилась превращать слабость в сильный фасад, в нечто прочное и твердое, о чем никто бы не заподозрил.

Дрожащими пальцами я печатаю.

Рейна Эллис: *Мы больше не будем встречаться.*

Ответ следует незамедлительно. Иногда у меня возникает ощущение, что его никогда нет рядом, а иногда — как сейчас — мне кажется, что он дышит мне в затылок.

Cloud003: *Хорошая попытка, моя шлюха.*

Рейна Эллис: *Я серьезно. Я переворачиваю страницу, а ты решил не быть частью этого. Знаю, что ты блокируешь любые чувства, которые испытываешь ко мне, и я понимаю. Наверное, мне следовало сделать то же самое. Мне жаль и прощай.*

Когда я нажимаю «Отправить», мои глаза затуманиваются, и я закрываю их, чтобы противостоять натиску.

Теперь все кончено.

Вся эта дурная кровь и невысказанные слова.

Все секреты и ложь.

Все... кончено.

Ответа нет — не то, чтобы я его ожидала. В этом смысле он придурок, всегда заставляющий меня гадать, о чем он думает.

Надеюсь, что это закончится данным прощанием, но сомневаюсь, что это произойдет.

Эта штука уже течет у меня в крови, и, в отличие от распространенного мнения в Блэквудском колледже, я действительно истекаю кровью, как физически, так и эмоционально.

Я только что овладела искусством обмана и не показываю этого.

В последний раз прикоснувшись к своему браслету, я продвигаюсь вперед.

Сегодня я оставлю все позади и воссоединюсь с единственным человеком, который всегда любил меня безоговорочно.

Тот, кто подарил мне свою жизнь.

Глава 2

Рейна

Настоящее

Силуэт Ашера становится размытым, пока я пытаюсь отдышаться.

В боли есть что-то парализующее. Не сама агония, а реакция мозга на метафорический удар ножом.

Она отключается при натиске и вместо этого выбирает оцепенение, потому что иногда оцепенение — единственный способ выжить.

Я бы хотела, чтобы это была физическая боль. Я бы хотела, чтобы это было то нападение и боль в затылке и плечах каждый раз, когда я двигаюсь.

По крайней мере, тогда я жила с верой в то, что это скоро пройдет.

Эта боль не пройдет.

Это в самой грубой, истинной форме.

Мои бедра все еще болят от того, как Ашер взял меня прошлой ночью. Внутренности все еще ноют от его прикосновений, от того, как он заполнял меня, как целовал и растянул целиком.

Несколько мгновений назад мое сердце парило, почти достигая потолка вместе со всеми бабочками. *Глупые* маленькие бабочки.

Теперь их убивают, оставляя за собой кровь и слизь.

Когда я подтягиваю дрожащие ноги к груди, то слышу это громко и ясно: разрыв сердца. Удар, падение. Я почти вижу осколки, окружающие меня, как битое стекло.

И все это из-за парня в строгом костюме, стоящего перед столбом.

Парень, который приблизился ко мне только ради мести.

Я доверял ему. Я *влюбилась* в него.

Я проигнорировала все знаки и свой инстинкт и пошла к нему. Я считала его своим спасителем, когда все это время он был моим Мрачным Жнецом.

По логике вещей, я должна встать и подойти. Я должна схватить его за плечо, дать ему пощечину и спросить, почему он так поступил со мной — с нами.

Слезы наворачиваются у меня на глаза при одной только мысли об этом. Я не могу встретиться с ним лицом к лицу, не сломавшись у его ног. Он станет насмехаться надо мной и называть меня монстром; он скажет мне, что это все моя вина. Я не могу принять это прямо сейчас. Моя броня раскололась и теперь свалена в бесполезную кучу среди осколков.

Поэтому я делаю единственное, что могу в данный момент. Мои ногти впиваются в грязь, когда я использую ее, поднимаясь на ноги.

Есть что-то такое невероятно трудное в том, чтобы встать после падения. Земля продолжает тянуть меня вниз, будто не хочет отпускать. Это гравитация, я знаю это, но мой мозг сейчас не в состоянии осознать этот факт.

Это занимает у меня долгие секунды, но мне удастся подняться на нетвердые ноги. Я не смотрю на Ашера — даже не бросаю взгляда.

Если я это взгляну, то сделаю осколки еще хуже. Я пропитаю их кровью, закопаю в своей груди, и это будет неразрешимый беспорядок.

Я делаю шаг за шагом, ставя одну ногу перед другой.

Один шаг.

Два шага.

Я могу это сделать. Я могу двигаться.

Мне кажется, что у меня уходит целая вечность, чтобы добраться до входа. Здесь пусто и... неправильно.

Ощущение от больницы возвращается с удвоенной силой.

Неправильно.

Все так чертовски неправильно, от дома до пустоты и проклятого воздуха.

Джейсон стоит впереди, прислонившись к двойным дверям. Его руки скрещены на груди, когда он наблюдает за мной, нахмутив брови.

Он знал все это время.

Вот почему он предупредил меня об аккаунте Cloud003 в Инстаграм. Если бы я уделила достаточно внимания, я, вероятно, могла бы что-то с этим сделать.

Я могла бы остановить себя до того, как так глубоко попала в ловушку Ашера.

Проблема в том, что я даже не почувствовала этого, когда меня заманили. Я не могла учуять замысел или ощутить манипуляции. Я подозревала, но не настолько, чтобы думать, что он охотился за моей жизнью — в буквальном смысле этого слова.

Я почувствовала толчок только тогда, когда упала. Я заметила, что падаю только тогда, когда все осколки разлетелись вокруг меня под этим деревом.

— Ты в порядке? — медленно спрашивает Джейсон, но не двигается с места.

Мои ноги со скрежетом останавливаются на ступеньке. Когда я встречаюсь с ним взглядом, мои движения медленные и почти роботизированные. В своих попытках удержаться от слез я оцепенела.

Горячее солнце наверху с таким же успехом могло бы превратиться в серое облако. Я ничего не чувствую и ничего не вижу. Мир внезапно стал бесцветным, и я понятия не имею, хочу ли я вернуть цвета.

— Ах, черт. — он потирает затылок и медленно приближается ко мне, будто я раненое животное. — Ашер что-то сказал? Я знал, что этот мудака растопчет тебя.

— Почему ты не сказал мне раньше?

Я не узнаю свой голос; он нейтральный и мёртвый, без эмоциональный, как окружающий меня мир.

Он снова потирает затылок, ощущая неловкость.

— Ашер угрожал мне и моей маме. Ей некуда будет уйти, если Алекс уволит ее, так что мы вынуждены остаться здесь, пока я не обеспечу себе место в НФЛ.

— Что заставило тебя передумать?

— Я не могу продолжать смотреть, как ты считаешь его героем, когда он твой худший злодей. — его тон становится жестче с каждым словом. — Он никогда не заботился о тебе, Рейна. Ни разу за все свое эгоистичное, испорченное существование Ашер Карсон не смотрел на тебя так, словно ему не наплевать на твое благополучие.

Мои брови хмурятся.

Да, Ашер, возможно, приблизился ко мне только ради мести, и он всегда был своим собственным типом мудака, но я видела эти маленькие жесты ... то, как его глаза смягчались, проявляя привязанность в его зеленых глазах, сжимая челюсть после этого, будто он не хотел заботиться.

Впрочем, это не имеет значения, не так ли?

Ничто из этого не стирает того, что он сделал. Его намерение было громким и ясным на крыше, в классе и в раздевалке.

Он хотел убить меня.

Разве люди не говорят, что поступки говорят громче слов?

Я была свидетелем его действий. Черт, я все еще чувствую эти жуткие вибрации до самых костей.

— Расскажи мне все, что ты знаешь, Джейс.

Я встречаю его добрый карий взгляд своим решительным.

Мой мозг говорит мне уйти в свою комнату, спрятаться под одеялом и поплакать, но мои простыни все еще пахнут им. Черт, все мое тело пропитано им.

Я все еще страдаю от него, все еще полна им так, как даже не хочу признавать.

Кроме того, если я дам мрачному облаку хоть какую-то свободу, оно просто схватит верх и не оставит меня ни с чем, кроме депрессии и мрачных мыслей.

Мой лучший выбор — знать, что я сделала. Нет ничего страшнее невежества. Это медленно заползает вам под кожу и съедает заживо, и когда вы решаете действовать, уже слишком поздно.

Я решаю эту проблему до того, как она станет неразрешимой.

Джейсон наклоняет голову набок.

— Следуй за мной.

Я не спрашиваю и иду за ним, когда он направляется к домику у бассейна.

Его плечи становятся моим фокусом, когда я пытаюсь правильно идти. Мой мозг продолжает тянуть меня в разные стороны. Одна часть хочет побежать обратно к Ашеру и потребовать от него правды. Другая часть — позволить мрачному облаку нашептывать гадости в моем мозгу.

Видишь? Ты ничто.

Почему бы тебе не последовать за Арианной и просто не умереть?

Никому нет до тебя дела.

Звук закрывающейся двери затыкает этих демонов. Я не понимала, что мы в домике у бассейна, пока Джейсон не запер двойные двери.

Полагаю, что-то достаточно секретное, чтобы оправдать это.

— Я знал, что этот день настанет. — он говорит, направляясь к телевизору на противоположной стене. — Я знал, что мне это пригодится. — он достает флешку из кармана и подключает ее к телевизору, запрокидывая голову назад. — Ты готова?

— К чему?

— Эти кадры дадут тебе представление о том, что ты должна знать.

Мои ладони становятся липкими, когда я медленно киваю.

Он указывает на подушки, разложенные перед телевизором.

— Возможно, ты захочешь присесть, Рейна.

Я приближаюсь к ним со скоростью улитки, внезапно засомневавшись, то ли это место, в котором я хочу находиться.

Прежде чем я успеваю высказать свои мысли, Джейсон включает видео.

Угол съемки боковой, а качество зернистое, как на тех старых видео с камер видеонаблюдения. Это почти так же, как если бы это было записано тайно.

Нет звука.

Это просто кадр, на котором мы с Ашером стоим перед раздевалкой. Футбольная команда, я думаю. На мне синяя форма чирлидерши, а на Ашере голубой бомбер Тигров, а это значит, что она из школьных времен.

Хотя я не слышу никаких слов, я чувствую злобу на своей коже. Ашер выглядит взбешенным, его челюсть напряжена, а руки сжаты в кулаки по бокам. Я, с другой стороны, кажусь спокойной. Мои руки скрещены на груди, а выражение лица роботизированное, как на фальшивых снимках в Интернете.

Пока он стискивает зубы, выдавливая слова, я неподвижна. Тиха. Не подаю реакций.

Я очарована этой сценой: переменчивое напряжение в его теле, полное расслабление моего.

Только действительно ли я расслаблена?

Я наклоняю голову набок, внимательно наблюдая. Со стороны, я кажусь совершенно невозмутимой. Однако мои ногти впиваются в руки. Привлечь внимание недостаточно сложно, но оно есть. Я делаю это, чтобы обуздать его. Я могу сказать это, не вспоминая ту конкретную сцену.

Но что я сдерживала? Мою реакцию? Мои эмоции?

Что именно ты скрывала, Старая Рейна?

Ашер протискивается мимо меня, направляясь к выходу. Я отшатываюсь назад от этой силы, но стою. Когда он исчезает, я смотрю

прямо в камеру. Это яркий взгляд, предназначенный для расчленения души и разрушения жизни.

Это суровая Рейна.

Рейна, с которой никто не связывается.

Сразу после этого экран становится черным.

Я продолжаю смотреть на него, как мы с Ашером все еще там.

— Это только часть ваших отношений. — Джейсон возвращает мое внимание к нему. — На самом деле вы никогда не были вместе.

Мой взгляд скользит от черного экрана к его лицу.

— Кто это снимал?

Он делает паузу, словно это последний вопрос, который он ожидал, что я задам. Я хочу знать, на кого я посмотрела этим ледяным взглядом. Был кто-то, кто снимал то, чего не должен был снимать, и я хочу знать, заплатили ли они за вторжение в мою частную жизнь.

— Кто-то из футбольной команды? Я не уверен. Я нашел это в Интернете несколько лет назад.

— Ты сохраняешь все видео, которые находишь в Интернете?

— Те, которые касаются тебя, да. Мы друзья, принцесса, не забыла?

— Нет, я не помню. В этом-то все и дело, Джейс. — мой голос звучит смиренно больше, чем что-либо другое. — Что ты знаешь о моей связи с Арианной?

У нас с Ашером могли быть проблемы, но они не были настолько серьезными, чтобы у него имелись убийственные намерения по отношению ко мне. Что-то подсказывает мне, что все это началось после смерти Арианны.

Джейсон покидает свое место у телевизора и плюхается рядом со мной. Его взгляд теряется в черном экране, как и мой раньше.

— Вы были подругами.

— Определи понятие подруг.

— Со стороны? Лучшие подруги. Она никогда ничего не делала без тебя рядом. Ты была ее образцом для подражания, и она так сильно полагалась на тебя, что Ашеру это не нравилось.

Звук его имени убивает меня снова и снова.

Мои ресницы трепещут, пока я борюсь с натиском боли, обрушивающейся на меня из ниоткуда. Эти осколки теперь пытаются проколоть то, что осталось от моего сердца, будто требуя, чтобы все было оставлено умирать.

— Что изменилось? — мой голос звучит выше, чем обычно. — Ранее ты сказал, что она причинила мне боль, и я не сдержалась.

— Я тоже не уверен. — он приподнимает плечо. — Все, что я знаю, это то, что Арианна вела себя странно прямо перед своим самоубийством.

— В каком смысле странно?

— Она сильнее цеплялась за тебя. Ашер отдалялся от тебя больше, чем обычно. Ты была несчастна, и, казалось, в твоей голове крутился миллион мыслей.

— Ты говорил, что я довела ее до самоубийства — как?

— Это слова Ашера, не мои. Очевидно, Арианна сказала, что ты виновата, прежде чем прыгнула.

Тихий вздох вырывается из меня, и мой голос становится затравленным.

— В чем я была виновата?

— Понятия не имею, но Ашер верит в это так, будто это его религия. Он поссорился с Алексом из-за этого сразу после смерти Арианны. Он потребовал, чтобы его отец разорвал все связи с тобой, но он этого не сделал и сказал ему перестать быть иррациональным.

Моя грудь сжимается от доброты человека, который исполнял роль отца с тех пор, как мой папа скончался.

— Алекс ему не поверил?

Джейсон качает головой.

— А что насчет тебя? — мой голос так полон надежды.

— Не имеет значения, во что я верю.

— Это важно для меня.

Если Джейс — Cloud003, он, быть может, единственный друг, который у меня есть в этой куче хаоса, и прямо сейчас мне нужен кто-то, на кого я могу опереться.

— Конечно, нет, Рейна. Возможно, перед ее смертью у вас и имелись разногласия, но ты любила Арианну так, как если бы она была твоей сестрой. Она была единственной, с кем ты никогда не вела себя как сноб или робот.

— Тогда почему Ашер считает, что я причинила бы ей боль?

— Я не знаю. Честно говоря, нет никаких доказательств его словам. Он был единственным на крыше, когда Арианна покончила с собой, так что других свидетелей нет. Думаю, что он использует смерть своей сестры только для того, чтобы причинить тебе боль. Поскольку он не мог избавиться от тебя раньше, эта возможность стала для него золотой.

Мои ладони становятся потными, когда я складываю руки вместе.

Нет.

Какой бы чудовищной ни была обида Ашера, она реальна и осязаема. Я видела интенсивность этого в его зеленых глазах и почувствовала ее на своем языке.

Он ничего не выдумал. Он действительно думает, что я имею какое-то отношение к самоубийству Арианны.

Теперь я должна придумать способ доказать свою невиновность, и мне нужно найти это как можно скорее.

Судя по темпу Ашера, мне не так повезет в следующий раз, когда он вернется за моей душой.

Я встречаюсь взглядом с Джейсоном.

— Вчера ты сказал что-то об обострении ситуации, прежде чем Иззи остановила тебя.

— Да. — он потирает затылок. — Думаю, что он охотится за твоей жизнью, Рейна. Эти атаки были лишь подготовкой к грандиозному финалу. В

следующий раз он заставит тебя спрыгнуть с крыши, как это сделала Арианна.

Я сглатываю при этой мысли не потому, что мне страшно, а больше из-за того, как больно от такой возможности.

— Ты думаешь, это он избил меня в лесу? — я спрашиваю.

— Возможно.

Оставшаяся часть моего сердца сжимается и превращается в камень.

Ашер отнял у меня все.

Может, я тоже отняла у него все.

Теперь мы остались ни с чем.

Разве люди не говорят, что те, кому нечего терять, наиболее опасные?

Глава 3

Ашер

Жизнь странная штука.

В один прекрасный день это сплошные единороги и радуги, а на следующий — прямое путешествие в ад.

Борьба или бегство.

Убить или быть убитым.

Я выпрямляюсь перед могилой Ари, одной рукой сжимая другую перед собой.

Арианна Карсон, любимая дочь и сестра.

Каждое слово безжалостный удар. Приговор столь же ужасен, как если бы он был написан кровью.

Она умерла такой молодой, в расцвете лет, семнадцать, затем восемнадцать.

Ее улыбка начинает исчезать из моих воспоминаний. Она разбилась и сгорела в тот день три года назад.

Все, что я вижу, это ее залитое слезами лицо, дрожащие губы и белое платье, которое развевалось на ветру позади, когда она стояла на краю.

Ее лицо было бледным, она дрожала как осиновый лист и призналась в словах, которые убили меня на месте.

Слова, закончившие мою гребаную жизнь с ее.

Мне так жаль.

Я ненадолго закрываю глаза, отгоняя нахлынувшие воспоминания — выражение ее лица, то, как подкосились ее ноги...

Она должна стоять здесь со мной, когда мы посетим могилу мамы. Она бы сказала мне не ненавидеть человека, который был нашим отцом. Она бы сказала, что скучает по маме, и обняла меня.

С тех пор как мне исполнилось десять, я знал, что Александр никчемный отец. Если я хотел, чтобы у нас с младшей сестрой была хорошая жизнь после мамы, мне нужно было сделать шаг вперед. Поэтому я так и сделал; я стал ее матерью, отцом, братом и лучшим другом.

Я стал миром Ари, а она была моим миром.

Пока она не бросила меня и не присоединилась к маме.

Я наклоняюсь и провожу пальцами по надгробию. На ее похоронах я просидел здесь всю ночь, гадая, где я ошибся.

Был ли я слишком заботливым? Был ли я недостаточно внимателен? Был ли я слишком чертовски глуп?

Потом я понял, что ничего не сделал. Ари сказала мне, что ей очень жаль. Она не хотела покидать меня, но она не могла оставаться в этом мире.

В мире, в котором существовала Рейна.

После этого я решил уйти, потому что я тоже не хотел находиться в таком мире. Я не хотел видеть, как она, блядь, дышит, когда моя единственная семья лежит в шести метрах под землей.

Александр не в счет. Для меня он был всего лишь донором спермы, а не отцом. Выписывание чеков делало его спонсором, а не родителем.

На самом деле, он был родителем для Рейны больше, чем для своих настоящих детей. Она дочь его драгоценного партнера и источник дохода. Мы были гребаной обузой, на которую ему приходилось тратить свои деньги.

Когда я уезжал в Англию, я пообещал, что оставлю все позади.

Тогда Рейна точно знала, что я о ней думаю, и я хотел, чтобы она страдала до самой смерти. Я хотел, чтобы чувство вины съедало ее изнутри, пока она не станет старой и седой и все еще будет жить в Блэквуде.

И она приняла свое наказание. *Наше* наказание.

Но в ту ночь она нарушила правила.

Она хотела сбежать.

К черту *это*. К черту мое терпение, когда я вижу, как она постепенно истощается.

Я устал наблюдать, устал пытаться держаться подальше.

Рейна заплатит, и заплатит, по-моему. Она сделает это, свисая с края крыши, связанная, и будет молить о помощи, которая не придет.

— Ее могила будет рядом с твоей и моей, Ари.

Моя сестра была моей целью в жизни. В тот день, когда она умерла, я умер вместе с ней.

Существо, восставшее из пепла, было демоном, жаждущим крови.

Крови Рейны.

Глава 4

Ашер

В тот момент, когда Александр ступает на кладбище, я ухожу.

Он смотрит на меня испепеляющим взглядом, и у меня возникает искушение сразиться с ним, но я бы никогда не сделал этого перед могилой Ари.

Интересно, напомнила ли ему его помощница, что сегодня годовщина смерти его дочери? Интересно, делает ли он это только для видимости или на самом деле помнит, как сильно Ари любила его, несмотря на его бесполезность.

Поездка домой похожа на возвращение напрямик в ад. Здания Блэквуда простираются насколько хватает глаз — все величественные и такое чертовски пустое, как люди внутри них.

В этом городе такие люди, как Ари, никогда не вписываются. Тихие ботаники, застенчивые люди, которые не одеваются по моде и не общаются — это изгой, те, о ком никто не заботится и не замечает их отсутствия.

В этом богом забытом городе правят такие люди, как Рейна и я — популярные, красивые и чертовски чудовищные.

Мы были рождены, чтобы находиться на вершине пищевой цепочки, в то время как Ари всегда была обречена стоять в самом низу, где любой мог наступить на нее.

Три года назад я ушел и никогда не оглядывался назад. Лицемерие и... что-то еще душило меня. Я должен был держаться подальше от Блэквуда.

Пока я не сделал этого.

Пока я не вернулся, будто никогда и не уходил.

Забавно, как три года могут казаться слишком долгими и в то же время слишком короткими.

На первый взгляд ничего не изменилось. Блэквуд все еще полон пустых душ и безликих людей. В глубине души это почти неузнаваемо.

Я паркуюсь перед домом и направляюсь ко входу. Понятия не имею, какого хрена я здесь делаю. Это последнее место, где я хотел бы быть в годовщину смерти Ари.

Именно здесь она впервые встретила Рейну, и я улыбнулась, когда они подружились.

Как чертова идиотка.

Я ослабляю галстук; эта штука стесняет мое дыхание. Мои движения замирают, когда открывается дверь в домик у бассейна. Джейсон выходит первым и перепрыгивает через ступеньку, затем с улыбкой протягивает руку.

Бледные мягкие пальцы вцепляются в его, и моя хватка на галстук становится смертельной.

Я знаю, кто это, еще до того, как она выходит на улицу. Эти пальцы. Эта гребаная рука.

Вся накопившаяся энергия, которая мучила меня с утра, выливается в красный туман, который застилает мне глаза и перехватывает дыхание. Потребность отрезать ему руку и скормить ее собакам переполняет меня.

Как, блядь, он смеет трогать то, что принадлежит мне?

Как она смеет, черт возьми, позволять ему это?

Мой убийственный взгляд перебегает с нее на него. Мои демоны шепчут, чтобы я подошел, ударил Джейсона по чертовой физиономии и вернул то, что принадлежит мне.

Рейна моя. Моя, блядь.

И я испорчу весь мир, чтобы она такой и осталась.

То, что я запланировал для нее, не противоречит этому факту. Просто потому, что я предоставил ей свободу, не значит, что она может разгуливать с другим мужчиной, будто у нее есть на это полное право.

Что они вообще делали в домике у бассейна?

Я прекращаю свои убийственные планы только тогда, когда Джейсон машет ей рукой и направляется к маленькому домику, который он делит с Элизабет. Рейна едва замечает его, когда ноги сами несут ее в моем направлении.

Она не поднимает головы, чтобы не видеть, как я наблюдаю за легкой дрожью ее полных губ, за тем, как ее светлые волосы падают на плечо с отрешенностью. Ее шорты поднимаются по ее бледным бедрам с каждым шагом, который она делает, словно соблазняя меня тем, что под ними, тем, что я попробовал прошлой ночью.

В тот момент, когда она находилась в моих руках, в тот момент, когда я погрузился в ее тепло и посмотрел в ее голубые, как океан, глаза, я почувствовал странную энергию.

Это похоже на притяжение океана, когда он топит тебя, или на песню сирен, когда они заманивают тебя в небытие.

Рейна именно так действует на людей.

Она заманивает, а затем ставит ловушки.

Она манипулирует, а затем наносит удар.

Она дьявол, переодетый в ангела.

В течение трех лет я верил в это и до сих пор верю — в некотором роде. Просто она придумала эту гребаную штуку с амнезией, которая продолжает тасовать мои карты.

Она продолжает вести себя спорадически, и это сбивает меня с толку.

Она не должна залезать мне в голову, не говоря уже о том, чтобы вмешиваться в нее.

Мой план был прост: пытаться, а потом убить ее. Заставить ее страдать, а потом закончить ее жалкую жизнь.

Сделать ее своей в последний раз, а потом отбросить ее в сторону.

Теперь границы размываются с каждым словом из ее проклятого рта, с тем, как она встала передо мной на колени, как подчинилась мне, как

открыла рот и раздвинула ноги, будто они всегда принадлежали мне. Они мои.

Она делала это не только со мной. Я заметил, как она ведёт себя со своими болельщицами, как она смеется и отвечает, как черт возьми улыбается.

Рейна не улыбается.

Она перестала улыбаться примерно в свой шестнадцатый день рождения.

Когда она улыбается, улыбка наполняется презрением и злобой.

Фальшей.

После больницы я ловил ее улыбающейся и смеющейся от всего сердца больше раз, чем могу сосчитать.

Я фотографировал эти улыбки, пока она не смотрела, и изучал их позже, рассматривая, не притворяется ли она снова.

Она не притворялась.

Улыбки почти такими же искренними, как когда мы были подростками.

Но сейчас она не улыбается. Ее плечи напрягаются от напряжения, а голова, кажется, потеряна где-то в другом месте. Она проходит мимо меня, даже не взглянув.

Сомневаюсь, что она вообще замечает мое присутствие.

Ее шаги тяжелые и медленные, когда она поднимается по лестнице, хватаясь за перила для равновесия.

Я рывком отпускаю галстук.

С тех пор как она пришла в себя в больнице, Рейна впервые не признала моего существования. Обычно она ощущала меня за милю и пристально смотрела на меня с вызовом и остротой, от которых мой член становился твердым.

Она зажгла бы во мне это, огонь, намек, гребаную связь, которую я думал, что никогда больше не почувствую к человеческому существу.

Сегодняшняя Рейна совсем другая. Она так чертовски похожа на себя прежнюю.

Но разве это не то, чего я хочу? Старая Рейна та, с кем я могу иметь дело, та, кого я могу пытаться и убивать. Она бы это заслужила. Вот почему я потребовал, чтобы она вернулась к своим старым привычкам.

Теперь, когда я получил то, о чем мечтал, я хочу схватить ее за горло и выебать из нее эту старую суку.

Новая Рейна мертва?

Глава 5

Рейна

Я останусь в своей комнате на два дня — или это то, что я определила, основываясь на подсчете количества блюд, которые принесла мне Иззи.

Это мрачное облако нависает над моей головой, как неминуемая гибель.

Я боролась с этим — я пыталась, во всяком случае.

Я старалась не позволять этому занимать мои мысли, но в какой-то момент это просто произошло.

Впервые у меня пропал аппетит к еде, которую Иззи оставила перед дверью. Я даже не приняла душ и не переоделась. Я не спала и ничего не делала.

В течение двух дней я свернулась калачиком под одеялом в темноте и позволила этим черным мыслям просочиться внутрь.

Они продолжают шептать и бормотать приглушенными голосами, будто никто другой не должен их слышать. В конце концов, они предназначены только для меня.

Почему бы тебе просто не отпустить?

Почему ты цепляешься за жизнь, которая для тебя ничего не значит?

Никто не заметит, что тебя нет, ты же знаешь.

Ни один чертов человек.

В носу покалывает, а в глазах нарастает давление, но я не плачу. Как будто я не могу. Я не имею на это права.

Я ни на что не имею права.

Я сопротивлялась шепоту и бормотанию облака, но почему я должна это делать? Чему тут сопротивляться?

Моя жизнь сплошное дерьмо, и хотя мне нечего терять, мне также нечего и приобретать.

Если я пойду против Ашера, если я заставлю его заплатить за то, что он сделал со мной, что хорошего это принесет?

Буду ли я чувствовать себя освобождённой в конце? Найду ли я новую цель в жизни?

Вчера он постучал в мою дверь. Я не ответила, и он ушел.

Хорошо. Не хочу снова видеть его лицо, никогда.

Я не хочу думать о том, как он играл с моим сердцем, телом и разумом, как позволил мрачному облаку пронестись надо мной.

Или нет? В конце концов, мрачное облако все еще со мной. Я понимаю это, я понимаю, но это не значит, что я могу сопротивляться.

Моя броня все еще не может восстановиться после полученных мной ударов.

Стук в дверь выводит меня из оцепенения. Я не отвечаю. Если это Иззи, она оставит тарелку перед дверью, а затем вернется, чтобы забрать ее нетронутой.

— Рейна.

Сердце, которое я считала давно мертвым, пульсирует, возвращаясь к жизни при этом голосе, глубоком голосе с легкой хрипотцой, голосе, который принес мне счастье прямо перед тем, как он разбил его вдребезги и оставил меня в когтях этого мрачного облака.

Дверная ручка дребезжит, а затем встает на место благодаря замку.

— Открой.

Зачем? Чтобы он мог назвать меня монстром и вонзить нож ещё глубже? Так, что я посмотрю на его лицо и пойму, что он никогда не был моим, и я все это время была душой?

Нет, спасибо.

Кроме того, он охотится за моей жизнью. Он не остановится, пока не высосет из меня последний вздох.

Дрожь во всем теле пробегает у меня по коже при этой мысли.

— Открой гребаную дверь, или я выбью ее.

Его голос теряет всякое терпение, пульсируя от сдерживаемой ярости.

Не сомневаюсь, что он сломает эту штуку, если захочет.

Меня это волнует? Нет.

Он может делать все, что захочет, но если он ожидает, что я буду той, кто откроет ему эту дверь, он будет разочарован. Этого не произойдет.

Злодеев не следует пускать внутрь ни при каких обстоятельствах.

Однажды я совершила эту ошибку, и посмотрите, к чему она меня привела.

— Рейна.

Он рычит мое имя глубоким мужским голосом, от которого у меня до сих пор сводит пальцы на ногах.

Когда он перестанет доставать меня? На следующей неделе? В следующем месяце? Как насчет следующего года?

— Прячься, пока можешь, — говорит он, прежде чем его присутствие исчезает перед дверью.

Не знаю, почему я чувствую, что его больше нет, но я просто чувствую.

Он ушел. На сегодня.

Я сбрасываю одеяло. Каким-то образом его визит поднял температуру моего тела, и на моих бровях и висках выступил пот.

Он производит такое впечатление, Ашер. Он проникает под кожу, и не успеваешь оглянуться, как он заманивает в ловушку, привязывает на крыше, душит и планирует убить.

Боже, это кошмар.

В комнате темно и пахнет моим дыханием и остаточным ароматом Ашера на простынях: сандаловое дерево и цитрусовые, тепло и холод.

Я не меняла простыни, на которых мы спали.

Наверное, мне следовало бы это сделать, но я не могла беспокоиться.

Из-за плотных штор, задернутых на окне, я даже не знаю, ночь сейчас или день.

Я достаю свой телефон, проверяя время. Я перевела его в режим полета и с тех пор не обращала на него внимания.

Сейчас пять часов вечера.

Как только я выключаю режим, мой телефон гудит от бесконечных сообщений, электронных писем и пропущенных звонков от команды. Люси и Наоми прислали мне кричащие сообщения о том, где я.

Я думаю о том, чтобы придумать какую-нибудь ложь. В конце концов, именно такой была моя жизнь в прошлом: лживой, разлучающей и все, что между ними.

Кроме того, я не хочу объяснять, в каком я состоянии. Я даже сама этого не понимаю.

Я подумываю сказать им, что у меня грипп, когда мой аккаунт в Инстаграм привлекает внимание.

Cloud003. Он отправил сообщение два дня назад, то есть в ночь после того, как Джейсон отвёл меня в домик у бассейна.

Как будто он проверял меня. У меня в груди теплеет от этой мысли.

Джейсон действительно заходил вчера, но после того, как постучал и не получил ответа, он ушел.

Я нажимаю на сообщение.

Cloud003: ...

Какого черта? Всего три точки?

Я печатаю еще до того, как задумываюсь об этом.

Рейна Эллис: *Что, черт возьми, это должно означать?*

Ответ следует незамедлительно.

Cloud003: *Иностранный язык. Продолжай, Эллис.*

Это вызывает у меня легкую улыбку.

Рейна Эллис: *Чего ты хочешь от меня?*

Cloud003: *Кроме твоей киски?*

Я закатываю глаза.

Рейна Эллис: *Да, кроме этого.*

Cloud003: *Все, что ты можешь предложить, моя шлюха.*

Рейна Эллис: *Как насчет моих мрачных мыслей?*

Не знаю, какого черта я упоминаю об этом. Наверное, мне нужно с кем-то поделиться. Конечно, я могла бы сказать это Джейсону лично, но полуанонимность — с его стороны, а не с моей — придает мне необъяснимое чувство мужества.

Cloud003: *Мрачное облако?*

Мои губы приоткрываются, когда я смотрю на эти слова.

Рейна Эллис: *Откуда ты об этом знаешь?*

Cloud003: Я знаю о тебе все.

Рейна Эллис: *Ты в моем мозгу или что-то в этом роде?*

Cloud003: *Хотел бы я. Таким образом, я бы знал все из первых рук.*

Может, я рассказывала ему об этом во время наших встреч в прошлом. В конце концов, Старая Рейна призналась, что испытывает к нему чувства. Может, именно поэтому Джейсон пришел проведать меня.

Рейна Эллис: *Это причиняет боль. Я не могу ни двигаться, ни пить, ни есть, ни что-либо делать. Единственное движение в моем мозгу это сигнал, побуждающий меня открыть окно и прыгнуть, просто прыгнуть и посмотреть, насколько это освобождает.*

Мои пальцы висят над телефоном, когда точки появляются и исчезают, указывая на то, что он печатает.

Понятия не имею, почему я призналась ему в этом. Раньше я даже себе в этом не признавалась.

Внезапно мне понадобились эти мысли.

Они есть в этом мире, и я не могу забрать их обратно.

Cloud003: *Ты прыгаешь в команде поддержки — почему ты хочешь прыгать по-другому?*

Я не знаю, чего я ожидала в качестве его ответа, но определенно не то. По какой-то причине я думала, что он посмеётся надо мной, потому что он слегка дурочка. Или, может, я хотела, чтобы он посмеялся надо мной, чтобы я не чувствовала себя так напуганной этими мыслями.

Я делаю паузу, обдумывая ответ.

Рейна Эллис: *Это другой тип прыжка.*

Cloud003: *Не надо.*

Рейна Эллис: *Не надо?*

Cloud003: *Ты моя шлюха, не забыла? Ты не можешь покончить со своей жизнью.*

Рейна Эллис: *Я же сказала тебе, что я больше не твоя шлюха.*

Cloud003: *Я никогда не соглашался на это.*

Рейна Эллис: *Это не значит, что ты можешь указывать мне, что делать.*

Cloud003: *Чего ты с нетерпением ждёшь, когда просыпаешься утром?*

Мои пальцы парят над экраном, когда я читаю его ответ.

Я... никогда об этом не думала.

Рейна Эллис: *Ничего.*

Cloud003: *В этом-то и проблема. Тебе нужна цель.*

Рейна Эллис: *У меня ее нет.*

Cloud003: *Да, у тебя есть цель — быть моей шлюхой, помнишь?*

Рейна Эллис: **закатываю глаза**

Cloud003: *Отлично. Давай подумаем о другой цели, кроме этой. Как насчет чирлидинга? Твои друзей? Семьи?*

Нет. Это весело, но это не обязательно то, что я с нетерпением жду каждый день.

Затем это поражает меня, как ничто другое, и я набираю слово так быстро, как только могу.

Рейна Эллис: *Искушение.*

Cloud003: *Искушение?*

Рейна Эллис: *Да, с тех пор, как я поняла, каким человеком я была в прошлом, я каждый день просыпаюсь, думая о том, как это исправить.*

Вот почему я чувствую себя подавленной. С тех пор как я узнала, что мое искушение наткнулось на прочную стену с Ашером, я потеряла цель и необходимость продолжать.

Я потеряла волю к жизни.

Он тот, перед кем я хотела искупить вину больше всего, и когда я поняла, что ничто из того, что я делаю, не подействует на него, я просто ушла в себя и позволила мрачному облаку проникнуть.

Требуется несколько секунд, чтобы его ответ пришел.

Cloud003: *Почему?*

Рейна Эллис: *Что ты подразумеваешь под «почему»?*

Cloud003: *Почему искупление важно для тебя?*

Рейна Эллис: *Потому что я больше не Старая Рейна. Я не знаю, кто я и куда я движусь с этой точки, но я знаю, что мне не нравится причинять боль людям. Это просто не я.*

Cloud003: *Что, если те, кого ты обидела, не простят тебя?*

Мое разбитое сердце продолжает умирать медленной смертью при напоминании об Ашере. Он, конечно, никогда бы меня не простил. Его восприятие меня громкое и ясное.

Рейна Эллис: *Тогда, по крайней мере, я пыталась.*

На меня снизошло озарение.

Я пыталась.

Если я не попытаюсь, как я узнаю, что Ашер меня не простит? Может, я смогу изменить его восприятие или доказать, что он ошибается.

Старая или Новая Рейна никогда бы не причинила боль тому, кого они считали другом. Это просто не работает таким образом в моем мозгу.

Я никогда не обижала Бри в прошлом, а она сука, так что это должно что-то значить.

Раздается стук в дверь, и я вздрагиваю, чуть не роняя телефон.

— Открой, Рей! — снаружи доносится голос Наоми. — Я принесла свои инструменты. Я могу взломать этот замок.

— Прекрати, Нао. — мягкий голос Люси делает ей выговор, прежде чем она обращается ко мне. — Ты в порядке, капитан? Тебе что-нибудь нужно? Я

просто хочу, чтобы ты знала, что мы здесь ради тебя, хорошо? Выходи, когда будешь готова.

— Да, в кампусе так скучно без тебя или что-то в этом роде, — ворчит Наоми.

Мои внутренности расширяются от ее слов, и дрожь во всем теле охватывает меня.

Вы слышали это, темные мысли?

Им не все равно.

Мои ноги двигаются сами по себе, когда я спотыкаюсь с кровати и чуть не падаю, когда простыня оборачивается вокруг моих ног. Я сбрасываю ее и подхожу к двери, как испуганный котенок.

Щелчок громкий в тихой комнате, когда я открываю дверь, совсем чуть-чуть, достаточно, чтобы моя голова выглянула наружу. Свет из коридора ослепляет меня, и я шурюсь, пытаюсь привыкнуть.

Наоми и Люси стоят напротив, обе со своими школьными сумками.

— Привет, — шепчу я хриплым голосом, который не похож на мой собственный.

Я, должно быть, дерьмово выгляжу. Мой макияж, наверное, размазан, волосы в полном беспорядке, а одежда помята.

Если они это замечают, то не комментируют. Люси ухмыляется, ее щеки двигаются в такт движению. Наоми прямо пинком распахивает дверь и врывается внутрь, будто это ее дом.

— Быстро-быстро! — она щелкает пальцами. — Тебе нужно принять душ, и мы выберемся из этой камеры пыток.

— Я так рада, что ты открыла дверь для нас, Рей. — Люси заключает меня в объятия, и я борюсь с желанием разрыдаться, обнимая ее.

До этого момента я не знала, как сильно нуждалась в их компании, в их присутствии.

С этого момента я не позволю этому облаку застать меня в полном одиночестве. Оно просто проглотит меня живьем и выпустит труп.

Наоми подталкивает меня к ванной, заявляя, что я взрослая задница, которая должна принимать душ самостоятельно.

Я ухмыляюсь, когда она пыхтит и помогает мне, роясь в моей одежде, чтобы найти мне что-нибудь надеть.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я, выходя из душа с полотенцем, обернутым вокруг меня, и еще одним вокруг волос.

Люси роется в косметике, а Наоми бросает мне кофточку и темные джинсы.

— Куда угодно в центр города.

— Только не в Гриль, — говорит Люси.

— Что это? — спрашиваю я, вытирая волосы.

— Ресторан. — Люси убирает полотенце для волос. — Нао ненавидит его.

— Я не ненавижу его. — она вскидывает руки в воздух. — Вообще-то, давайте поедem туда.

Люси прикусывает нижнюю губу.

— Ты уверена? Себастьян будет там.

— Трахни этого мудака, — ворчит она.

— Боком, — добавляю я, собирая волосы в шиньон. — Ты действительно ненавидишь его?

Глаза Наоми чуть не вылезают из орбит.

— Это вопрос с подвохом?

— Я думала... забудь об этом.

— Нет, что? Скажи.

— Не знаю. Я думала, между вами двумя что-то есть. Ты ведешь себя жестко, но хорошо, ты следишь за ним.

— Нет.

— Угу. — я хватаю кофточку и натягиваю ее через голову.

Выражение лица Наоми становится выражением чистого презрения.

— Как ты смотришь на Ашера?

Моя грудь сжимается, и хорошее настроение, в котором я была с тех пор, как они появились, почти исчезает.

— Дело не в нем.

— Да, верно. — Наоми поправляет волосы. — Мы всего лишь иллюзия, как сказала Люси.

Я плюхаюсь перед зеркалом и смотрю на свои глаза. Они становятся безжизненными, как мрачные глубины океана.

— Это было раньше. — Люси сжимает мои плечи сзади, глядя на меня через зеркало. — Вы, девочки, теперь другие. Ты заставляешь меня хотеть заснять твою жизнь.

— Нет, мы не собираемся это делать.

— Угу. — Наоми бросает штаны мне в голову, и Люси ловит их. — Так вот почему он позвонил нам и попросил проверить, как ты?

Мои глаза расширяются, когда я смотрю на них.

— Он... он сделал это?

Улыбка Люси мягкая и мечтательная.

— Он также казался встревоженным. Мне нужен Ашер в моей жизни.

Это не может быть правдой.

Подождите — это еще одна из его игр?

Если он хочет моей смерти, зачем ему беспокоиться обо мне?

В этом нет никакого смысла.

Глава 6

Рейна

На следующий день я возвращаюсь в школу.

Я стараюсь держаться особняком и не разговаривать ни с кем, кроме Наоми и Люси. Я не могу терпеть никаких уколов в мою сторону, пока все еще пытаюсь отогнать это мрачное облако.

Оно не отлипает.

Как суперклей, он ни не исчезнет, сколько бы я ни пыталась от него отделаться. Это меньше связано с моим душевным состоянием и больше с тем, как, черт возьми, я должна жить дальше после того, что я обнаружила.

Это не значит, что я прячусь от ехидных замечаний или завистливых взглядов, которые я постоянно получаю от всех в кампусе. По-видимому, инцидент в раздевалке циркулировал вокруг этого сомнительного аккаунта в Инстаграм. Тот факт, что я исчезла два дня спустя, еще одна причина для всех поджаривать меня, говорить за моей спиной и шептать мне в лицо.

Колледж Блэквуд полон гребанных лицемеров. Но опять же, Старая Рейна дала им все основания возвести ее на высокий пьедестал. Чего она не знала, так это того, что как бы высоко ты ни поднялся, однажды ты упадешь. Чем выше позиция, тем громче падение.

Наоми, Люси и я идем в спортзал на тренировку. Мы должны отрепетировать еще несколько раз перед игрой в пятницу.

Люси шутила о каком-то шоу, и мое сердце согревается от того, как она пытается подбодрить меня и отвлечь от ядовитых языков, преследующих повсюду.

Как только мы оказываемся внутри, Бри замолкает на полуслове в своем разговоре с Прескоттом. Они оба смотрят на меня с разинутыми ртами.

— Капитан? — пищит она. — Что ты здесь делаешь?

Все остальные делают паузу в середине тренировки, внимательно наблюдая за нами.

Я вздыхаю.

— Как это выглядит, что я делаю, Бри? Я здесь для тренировки.

— Э-э... нет, — огрызается она. — О тебе говорят все в кампусе, и не в хорошем смысле. Команда не нуждается в подобном внимании.

Мой взгляд блуждает по остальным. Парни опускают головы, некоторые из них пинают воображаемые камни. Девушки застыли, будто им не хотелось бы здесь находиться.

— Она все еще капитан, — огрызается Наоми в ответ.

— Капитан не стал бы привлекать к себе такое внимание. — Бри указывает пальцем на Наоми. — И тебе, как никому другому, нужно захлопнуть свою ловушку. Ты не практикуешься, как мы. Не сидишь на диете, как мы. Ты даже не должна быть с нами.

Наоми бросается в ее сторону, но я кладу руку ей на плечо, останавливая на полпути.

— Не ты решаешь, кто заслуживает быть в команде. — я скрещиваю руки на груди и расправляю плечи. — Так ведь, Бри?

— Может, так и должно быть.

Несколько вздохов раздаются от других девушек.

Глаза Прескотта расширяются, когда он хватает ее за руку.

— Бри.

Она стряхивает его с себя и шагает в мою сторону, так что мы стоим лицом к лицу.

— Ты не заслуживаешь быть капитаном, Рей. Признай это.

Хотя я и не вижу перемен, я их чувствую. Мое лицо, должно быть, становится лишенным всяких эмоций. Сердцебиение замедляется, будто я больше ничего не чувствую. Мои ногти впиваются в кожу моих рук, когда я смотрю вниз на Бри. Когда я говорю, мой тон ровный и не подлежащий обсуждению.

— Знай свое место, прежде чем я верну тебя на него.

— Я больше не боюсь тебя, Рейна. — она смеется, писклявый звук отражается от стен. — Кто захочет следовать за капитаном, на которого постоянно нападают и который становится посмешищем в кампусе? Не я.

— Тогда уходи, — говорю я.

— Что насчет того, чтобы ты сделала это? — она указывает пальцем на мое плечо. — Мы снимаем тебя с должности капитана.

Я пристально смотрю на девушек.

— Кто отстраняет меня от должности капитана?

Почти все склоняют головы.

— Не бойтесь. — Бри поворачивается к ним лицом. — Все, кто хочет отстранить Рейну Эллис от должности капитана, поднимите руку.

— Да, поднимите руку. — мой голос по-прежнему нейтрален. — Но прежде, чем вы это сделаете, знайте вот что. Бри никогда не заботилась о команде или штате-победителе. У нее уже есть контракт с университетом танцев, и она хочет, чтобы должность капитана была добавлена в ее резюме, а не для того, чтобы помочь вам осуществить ваши мечты. Бри будет продолжать называть вас жирными свиньями, даже если вы умрете с голоду. Она всегда отодвигает самых красивых девушек на задний план, потому что они угрожают ей. Она всегда будет красить волосы в тот же цвет, что и у меня, и пытаться одеваться, как я, и вести себя, как я, и красть мои вещи, но знаешь что, Бри. — я пристально смотрю на ее раскрасневшиеся щеки, мой тон становится медленным и холодным, как камень. — Ты *никогда* не станешь мной.

Ее лицо почти становится пунцовым.

— Ты, блядь...

— Следи за своим гребаным ртом, когда разговариваешь со своим капитаном, — обрываю я ее.

Наоми рассказала мне о контракте Бри, как только решила, что будет со мной союзницей. Я знала, что моя бывшая лучшая подруга однажды выкинет это дерьмо, и не собиралась оставлять команду на ее милость.

Возможно, чирлидинг и не является моей целью в жизни, но это мой последний год, и я закончу его на ура. Я осуществлю их мечты, прежде чем добровольно уйду. Никто не заставит меня уйти, как пытается Бри.

— Продолжайте. — я стою лицом к команде. — Голосуйте. Кто-нибудь хочет, чтобы я покинула должность капитана?

Никто не поднимает руку.

— Вы обещали. — Бри визжит, но никто не обращает на нее внимания.
— Прескотт!

Он просто отводит взгляд на других парней.

— Тогда все решено. — я выпускаю ногти из своей плоти. — Как я уже сказала, уходи, Бри.

Ее стон почти животный, когда она протискивается мимо меня в раздевалку.

— Вот что происходит, когда ты используешь других в качестве ступеньки, *Би!* — Наоми кричит ей вслед.

Все остальные продолжают смотреть на меня, как будто я выгону их, как только что сделала с Бри.

— Продолжайте. — я поворачиваюсь. — Продолжайте то, чем вы занимались. Победа не достигается стоянием без дела.

— Да, капитан!

Как пчелиный улей, все возвращаются к разминке или отработке бросков. Наоми и Люси улыбаются мне, прежде чем присоединиться к остальным.

— Прескотт, — зову я, когда он направляется к парням.

Он вздрагивает, прежде чем повернуться ко мне лицом. Я указываю на укромный уголок, и он присоединяется ко мне без единого слова протеста. Как только мы оказываемся вне пределов слышимости, я внимательно

наблюдаю за ним. Его плечи поникли под мужской формой, и он отводит взгляд.

Прескотт второй капитан мужского пола, и если я собираюсь все наладить, мне нужно смотреть ему в глаза, сохраняя при этом свой авторитет.

Он не скрывал того факта, что на стороне Бри с тех пор, как я вернулась, и мне нужно увидеть конец этого.

— Что я сделала тебе раньше?

Я не хожу вокруг да около.

— К-капитан?

Он, кажется, опешил, как будто не ожидал этого вопроса.

— Очевидно, я причинила тебе какую-то боль. — он колеблется. —

Скажи мне, Прескотт. — я смягчаю тон. — Если мы собираемся возглавить команду, мы должны наладить наши отношения. Помоги мне.

Он сглатывает.

— Это... это первый раз, когда ты просишь меня помочь тебе.

— Это не будет последним. Капитану нужны надежные лидеры. А теперь скажи мне.

— На самом деле ничего особенного не было.

— Позволь мне самой судить об этом.

Он переплетает пальцы, затем отпускает их.

— В прошлом году ты сказала, что познакомишь меня с Люси, а потом, ну, ты сказала, что я ее не заслуживаю, и, чтобы я катился к чертям. Ты пригрозила, что, если я каким-либо образом приближусь к Люси, ты создашь проблемы моим родителям — они работают в компании твоего отца.

Я делаю паузу. По какой-то причине я не думаю, что выполнила бы эту угрозу, не имея ничего, что могло бы ее подкрепить. Возможно, я заботилась о Люси и думала, что Прескотт действительно ее не заслуживает.

Как бы я ни ненавидела Старую Рейну, у нее имелись причины так себя вести. Она не была глупой.

Она была просто бесчувственной — на первый взгляд. Понятия не имею, как она справлялась с тем, что происходило внутри.

Может, именно поэтому я потеряла свои воспоминания и вернулась с этой новой версией себя — версией, которая больше смирилась со своими эмоциями и показывает их снаружи.

— Что произошло между тем, когда я пообещала тебе, и тем, когда я сказала тебе забыть об этом?

Он приподнимает плечо.

— Ничего.

— Подумай хорошенько. Должно быть, что-то произошло.

— Я думаю, ты застучала меня за тем, что я дурачился со второкурсницей, но это был всего лишь поцелуй, и мы были пьяны, и она была так похожа на Люси. Блядь. Думаешь, это было из-за этого?

Если бы я думала, что Прескотт несерьезно относится к Люси, я бы определенно прикончила его.

— Возможно. Ты также был близок с Бри?

— Немного. Я имею в виду, вы с ней были лучшими подругами.

Или, может, я притворялась, что мы с ней лучшие подруги по другим причинам.

У старой Рейны интересно работал мозг. Мне потребуется некоторое время, чтобы разобраться в этом, но в конце концов я разгадаю ее мыслительный процесс.

— Ты собираешься быть на моей стороне или я должна относиться к тебе как к врагу? — я спрашиваю его.

— Я хочу лучшего для команды.

— Замечательно. И Прескотт?

— Да?

— У тебя есть девушка?

Он опускает глаза.

— Нет.

— Если я сочту тебя достойным и, если Люси согласится, я отменю запрет.

Выражение его лица загорается, когда он переводит взгляд с меня на Люси, которая изо всех сил пытается заставить Наоми поддержать ее.

— Это что, еще одна игра?

— Никаких игр. — я похлопываю его по плечу. — Не разочаровывай меня.

После тренировки я принимаю душ и выхожу с Люси и Наоми. Они продолжают преследовать меня повсюду. Хотя они и не высказывают этого вслух, я знаю, что они не оставят меня в покое, опасаясь, что на меня снова нападут.

Если бы я не знала, кто на меня напал, я бы тоже испугалась. Я могла бы оглянуться через плечо и поискать эти зеленые глаза, которые разъедали мою душу.

Теперь у меня есть план другого типа, о котором им не нужно знать. Если они узнают, то скажут мне не делать этого.

С тех пор как я пришла в себя в больнице, я ни в чем не была так уверена, как в этом.

Мой телефон вибрирует. Губы растягиваются в улыбке, когда имя появляется в уведомлениях.

Cloud003: *Есть ли какие-нибудь мрачные тучи сегодня?*

Мое сердце трепещет от крошечных вспышек счастья. Он помнит. Не знаю, почему я так тронута тем, что он помнит.

Рейна Эллис: *Я пытаюсь избавиться от них.*

Cloud003: *Как это работает?*

Рейна Эллис: *Не очень хорошо.*

Cloud003: *Уверен, что у тебя все получится. Ты боец.*

Я прикусываю нижнюю губу.

Боец.

Почему это единственное слово наполняет меня такой энергией? Оно жужжит у меня под кожей, требуя, чтобы я прокричала это.

Я боец. Выжившая.

Рейна Эллис: *Откуда ты это знаешь?*

Cloud003: *Просто знаю.*

Я улыбаюсь.

Cloud003: *В конце концов, ты моя шлюха, не забыла?*

И он должен был все испортить.

Придурок.

Я печатаю это слово и отправляю его. Он отвечает подмигивающим смайликом. По какой-то причине это кажется таким интимным, словно, может быть, он подмигнул мне таким образом в реальной жизни. Быть, в конце концов, наша связь была чем-то большим, чем секс.

Несмотря на снобистское отношение Рейны, она обратилась к нему и попросила о встрече, и я точно знаю, что Старая Рейна не выставляла себя напоказ без причины.

Знала ли я тогда, что это был Джейсон? Честно говоря, с таким уровнем скрытного коварства Рейны, все могло пойти в любом случае.

— Ты не идешь? — Люси указывает на свой Мини Купер.

— Я должна встретиться с Алексом. — я поворачиваю голову в сторону такси. — Я уже вызвала такси.

— Напиши нам, если сможешь выбраться позже. — Наоми открывает пассажирскую дверь.

— Хорошо.

Я машу им, сохраняя улыбку на лице, пока они не исчезают из виду.

Я солгала.

Я не встречаюсь с Алексом, но я должна была сказать это, чтобы они не задавали вопросов.

Если бы они знали, куда я направляюсь, они бы либо остановили меня, либо настояли на том, чтобы пойти со мной. Это сработает, только если я пойду туда одна, как делала это раньше.

Если я хочу восстановить свои воспоминания, мне нужно вернуться туда, где все началось.

Я проскальзываю на заднее сиденье и говорю водителю:

— Блэквуд Форест.

Глава 7

Ашер

Я остаюсь позади, пока Рейна идёт со своими двумя подругами. Люси и Наоми это те, кто вчера вывел ее из комнаты, и те, с кем она любит проводить большую часть своего времени.

В прошлом она была бы полностью поглощена пластичной личностью Брианны — еще одна вещь, которая изменилась в Рейне.

Оуэн рассказывал мне ранее о какой-то войне между Рейной и Брианной из-за должности капитана и о том, как Рейна выгнала свою предполагаемую лучшую подругу из команды.

Это так похоже на Старую Рейну, и все же нет. Я почти чувствую ощутимую перемену в ней.

То, как она говорит, ходит и выглядит, то же самое, но отношение иное. Как и постоянные возражения.

Так и эта чертова улыбка.

В тот день, когда она прошла мимо меня, не взглянув, я почувствовал то, чего никогда не думал, что почувствую снова.

Горе.

Я оплакивал новую Рейну, думая, что она полностью исчезла. В тот момент, когда она вышла из своей комнаты со своими подругами, я облегченно вздохнул. Затем разозлился на себя за то, что позволил ей таким образом залезть мне под кожу.

Она делает это незаметно. Каждый раз, когда я просыпаюсь, она первый человек, который приходит на ум.

И, к моему гребаному ужасу, это не мысли о лучшем способе уничтожить ее. Нет. Это мысли о *ней*.

О ее душевном состоянии. О том, что она хочет? Куда направляется? О ком думает?

Если я позволю своему мозгу расслабиться, это станет причиной моего падения, поэтому я заполняю его другими мыслями.

Рейна принадлежит мне, чтобы править и владеть ею.

Это единственная причина, по которой я позволяю ей занимать мои мысли.

На стоянке Рейна машет своим подругам. Ее короткая кожаная юбка едва доходит до середины бедер. Черный цвет контрастирует с ее кожей, делая ее похожей на самое восхитительное блюдо, которое только и ждет, чтобы его подали. Ее топ спадает на одно плечо, открывая изгиб шеи, когда она отбрасывает свои светлые пряди в сторону.

Если бы у соблазна было имя, то это была бы Рейна.

Ее бедра мягко покачиваются, когда она поворачивается, бедра, которые созданы для моих гребанных рук, когда я хватаю их и врезаюсь в ее тепло.

Мой член дергается, и я стону, поправляя солнцезащитные очки. Прошло меньше недели с тех пор, как она находилась полностью в моем распоряжении.

На памяти моего члена, это чертовски долгий срок.

Я бы не ощущал себя таким отчаянным, если бы у меня не было ее, если бы я придерживался своих правил и заставил свой член ждать.

Теперь, когда я попробовал, я хочу ее руки, рот и киску для себя.

Я хочу ее всю.

Мои фантазии резко обрываются, когда я вижу решительное выражение ее лица, темнеющие глаза и смыкающиеся черты.

Черты старой Рейны.

Она нарывается на неприятности.

Она хочет разрушить чью-то жизнь.

Выражение ее лица исчезает, когда она садится в такси. Я беру ключи и направляюсь к своей машине.

Только один способ узнать ее планы.

Глава 8

Рейна

Я стою посреди сгоревшего коттеджа в лесу.

Стены почернели от остатков пожара. Солнце проникает сквозь щели между камнями и наполовину исчезнувшим потолком.

Несмотря на солнечные лучи, холодный порыв ветра кружится вокруг меня, будто пытаюсь вышвырнуть вон. Здесь все еще пахнет дымом и немного сосной, как в здешних высоких деревьях. Какая-то желтая полицейская лента окружает этот район, но его никто не охраняет.

Если они подозревают, что произошло убийство, как они могут посчитать нужным уйти? В конце концов, детектив Дэниелс, похоже, одержим идеей поймать преступника.

В небольшом пространстве я стою спиной к полуобгоревшей двери. Моя грудь сжимается с того момента, как я расплатилась с таксистом и сказала ему, что он может ехать.

Именно здесь полиция нашла человеческие останки и мой браслет. Это недалеко от того места, где меня нашли позже, так что я, должно быть, находилась здесь.

Должно быть, я была на месте преступления.

Человеческие останки.

Дрожь пробегает у меня по спине при этой мысли. Что я могла делать с человеком, чьи останки они нашли?

Поскольку отец Люси заместитель комиссара полиции, я спрашивала ее, слышала ли она что-нибудь.

Очевидно, они все молчат об этом, но из того, что она узнала, подслушав, у полиции все еще нет тела или достаточного количества останков, чтобы создать профиль.

Я молилась, чтобы этот человек был только тяжело ранен, а не мертв.

Несмотря на мой жесткий разговор, я не могу смириться с тем фактом, что я была свидетелем чьего-то убийства и ничего не сделала по этому поводу — или, что еще хуже, принимала участие.

На тяжелых ногах я подхожу к каменной скамье в углу. По какой-то причине оно кажется знакомым.

Слишком знакомым.

Я беру салфетку и вытираю пыль и сажу с поверхности, затем сажусь. Мне кажется правильным сидеть здесь.

Так, *так* правильно.

Мои пальцы скользят по спинке скамейки, брови хмурятся. Это правильно — быть здесь, но что-то не так.

Или, скорее, чего-то не хватает.

Мои глаза расширяются.

Это не что-то. Это *кто-то*.

Я вдыхаю сосновый аромат, доносящийся снаружи, и воспоминание поражает меня, как сверкающий фейерверк Четвертого июля.

В ночь происшествия

Я сижу на скамейке, мои глаза наполнены слезами. Всю дорогу сюда я едва держалась на ногах.

Теперь, когда она сидит прямо передо мной, почти невозможно остановить натиск эмоций.

Ее волосы немного короче моих, и она собрала их в конский хвост. У нее те же глубокие голубые глаза, те же полные губы, тот же крошечный носик, который соответствует форме ее лица.

Рейна.

Наконец-то она здесь. Мы наконец-то нашли дорогу друг к другу спустя девять лет.

Она смотрит на обручальное кольцо у себя на пальце. Оно поблескивает в мягком свете коттеджа, когда она улыбается.

Я скрещиваю руки на груди.

— Ты здесь из-за меня или из-за этого обручального кольца?

— Кольца. Определенно кольца.

Я фыркаю.

— Неважно.

— Ты просто ревнуешь. — Рейна ударяет меня по плечу своим. — Не моя вина, что я получаю все взгляды.

— О, я тебя умоляю. — я поправляю волосы. — Ты вообще смотришь на меня?

— Да. — на этот раз ее улыбка немного грустная. — Я вижу себя.

— Я тоже вижу себя. Рей... — я беру ее руки в свои. — Я собираюсь все исправить для нас. Я выполняю это обещание. Ты спасла меня. Пришло время мне спасти тебя.

Она качает головой, выражение ее лица спокойное и мудрое.

— Не хочу, чтобы ты вмешивалась. Папа вмешался, и мы обе знаем, к чему это его привело. Я тебя не потеряю, Рай.

Я вскакиваю, провожу рукой по волосам и расхаживаю по коттеджу.

— Ты не можешь ожидать, что я буду сидеть и ничего не делать. Папа бы понял.

— Рай. — она встает и медленно приближается ко мне, будто боится вывести меня из себя. — Послушай. Папа знал, почему я должна была это сделать. Как думаешь, почему он держал это в секрете? Кроме того, у меня есть кое-кто, кто мне поможет, но у тебя ничего нет, хорошо? Ты не знаешь этих людей так хорошо, как я. Они убьют тебя и похоронят твои останки на новой строительной площадке. Они опасные люди.

— Ты слушаешь себя? — слёзы навернулись мне на глаза. — Если они опасны, как думаешь, я оставлю тебя в их лапах и буду вести себя так, словно ничего не случилось?

— Ты забыла маленькую хитрость, сестренка. — она ухмыляется, потирая нос указательным пальцем, как делала, когда мы были детьми. — Я изучала их в течение многих лет. Я могу с ними справиться.

— Рейна... — мой голос срывается. — Я просто не могу смотреть, как ты снова ускользаешь у меня из рук. Не могу.

— Я не ускользаю. — она успокаивающим жестом гладит меня по руке. — В конце концов, мы одно целое. Ты будешь чувствовать меня, даже если мы будем в разлуке. Помнишь те дни с мамой?

Я фыркаю. Как я могу не помнить? Когда нам было двенадцать, мы с Рейной встретились в первый раз. Несмотря на то, что за нами охотились люди и нам приходилось каждую ночь ночевать в разных отелях и общежитиях, эти месяцы были самыми счастливыми временами в моей жизни.

У меня были мать и сестра.

Потом их забрали у меня.

Мы разлучились на девять лет. Большую часть этих девяти лет я думала, что Рейна мертва. Я искала ее повсюду и даже заключала сделки со многими «преступниками».

Наконец я набрала нужных людей, и она вступила в контакт. День, когда я получила от нее приглашение приехать в это место, был, наверное, самым счастливым днем в моей жизни.

Как раз в тот момент, когда я начала сдаваться, она показала мне знак.

Она вернулась за мной, как и обещала тогда.

— *Я старше, ты же знаешь,* — отругала она. — *Я буду той, кто найдет тебя.*

Она сдержала свое обещание.

Она здесь.

Но ненадолго.

— Мама была умной, — продолжает Рейна, — Но не настолько, Рай.
Бесполезно убегать стаей. Они бы всегда находят нас. Отвлекающий маневр,
не забыла?

— А что, если я не хочу? Что, если я захочу убежать с тобой?

Ее лицо вытягивается.

— Тогда все снова будет как у мамы.

— Я ненавижу это.

— Я тоже. — она ерошит мне волосы. — НО я вернусь. Ты не
избавишься от меня.

— Обещаешь?

— Обещаю, Рай.

Настоящее

Меня отбрасывает назад в настоящее с сокрушительной силой.

Я хватаю ртом воздух, будто тону под водой.

Рай. О боже мой. Меня зовут не Рейна, а Рай.

Рейна была другой, той, кто сказала мне, что вернется, той, кто
помешала мне пойти с ней.

Я вскакиваю на дрожащие ноги и иду к тому месту, где мы обе стояли
той ночью. Она обнимала меня, и мы дали обещание.

Мы поговорили, а потом... что?

Я смотрю на черные стены, на трещины в них.

Мы нашли человеческие останки.

Слова детектива взрываются в моей голове, как атомная бомба.

Нет, нет, нет.

Блядь, нет.

Это не Рейна. Они не нашли останков Рейны. Они не могли.

Я расхаживаю по дому взад-вперед, взад-вперед, как загнанный зверь.
Они забрали у меня мою сестру.

После того, как я наконец нашла ее, они, блядь, забрали ее.

Но кто они такие?

В ту ночь мы с Рейной просто замечательно разговаривали. Мы все спланировали, а потом... что? Что, черт возьми, произошло после этого?

Я ломаю голову в поисках ответов, но ничего не выходит.

Пустота. Или, может, все слишком запутано, чтобы что-то было ясно.

Рейна.

У меня был близнец. Нет, *есть*.

Я отказываюсь верить, что ее больше нет. Мы дали гребаное обещание.

Но если бы она была жива, разве она не нашла бы меня к настоящему времени? Разве она не сделала бы шаг вперед?

Нет, нет. Она не может быть мертва. Я не могу потерять ее, как потеряла маму.

Как потеряла маму.

Мама.

Мама...?

Толчок поражает меня, как молния. Я отшатываюсь назад и падаю на влажный пол. Мои конечности сводит судорогой, а в ушах звенит.

Крики эхом отдаются в голове, как далекое воспоминание, проклятие — то, что я не хочу вспоминать.

Я закрываю уши потными пальцами, не в силах больше этого выносить.

Девять лет назад

— Забирай свою сестру и беги, Рай! Беги!!

Мамин голос эхом отдается в моей голове, как звон колокола.

Шарканье ног приближается к нам. Они колотят в дверь. Они идут за нами.

— Бегите! — кричит она нам. — Не оглядывайтесь. Бегите!

Мы делаем это.

Моя рука сжимает руку Рейны, когда мы выбегаем через заднюю дверь.
На улице темно и пахнет блевотиной.

Рейна прикрывает нос рукавом своего тонкого свитера и жестом просит меня сделать то же самое.

Это лишь немного уменьшает запах.

Запах отвратительный. Хотела бы я сказать, что привыкла к этому после того, как спала в грязных местах, но нет. Это острое сенсорное нападение никогда не становится нормальным.

— Ее здесь нет! — мама кричит.

Я хочу повернуться, но Рейна качает головой.

Раздаются крики, крики, а потом что-то падает на пол позади нас, но мы не оборачиваемся.

Мы бежим.

Мы просто бежим.

Мама кричит, ее голос эхом разносится в воздухе, как бомба.

— Сюда, босс! — кричит кто-то ближе к нам.

— Черт возьми! — Рейна тянет меня за рукав за контейнер.

— Не прикасайтесь к ней! — мама визжит, но она что-то булькает, будто ее рот полон воды. — Не смейте, а то отец...

Хлопок заставляет маму замолчать. Она больше не кричит и не говорит. Ее больше нет... там.

Мои расширенные глаза встречаются с глазами Рейны. Я начинаю бежать назад, чтобы добраться до мамы, но моя сестра качает головой, на глазах у нее наворачиваются слезы.

— Мама сказала никогда не оглядываться назад.

— Но...

Рейна заглушает мои слова, когда шаги приближаются к нам.

— Я видел ее. Она здесь.

От грубого голоса у меня по рукам бегут мурашки.

— Возьми ее. Босс не допустит никаких ошибок.

Хватка Рейны на моей руке становится стальной. Она наклоняется, у нее такое лицо, как у мамы, когда она собирается сказать что-то плохое.

Я отчаянно качаю головой, прежде чем она успевает заговорить.

— Нет.

— Тсс. — она прикладывает дрожащий палец к моим губам, успокаивая меня и оглядываясь назад, когда громкие шаги приближаются. — С тобой все будет в порядке, Рай.

Я продолжаю качать головой, не в силах остановиться. Мои пальцы сжимают браслет, который мама подарила мне на день рождения. Он немного великоват, но это самый драгоценный мамин подарок. Она сказала, что получила его от своей собственной матери, и теперь она отдаёт его мне.

— Они охотятся за маминой дочерью, — говорит Рейна. — Не думаю, что они знают обо мне. Они знают только о тебе.

— Нет.

— Я хорошо жила с папой, Рай. — слёзы блестят на ее щеках. — Нам не нужно было убегать, как тебе и маме. Нам не нужно было есть объедки или спать на улицах. Я хочу, чтобы это было у тебя. Хочу, чтобы у тебя была моя жизнь.

— Рейна... — я задыхаюсь.

— Теперь ты Рейна. Я буду Рай.

— Нет...нет ...

Я держу ее за руку, дрожу и шепчу свои отрицания, как молитву.

Она гладит мои волосы.

— Я люблю тебя, сестренка. Я найду тебя.

— Нет, Рей.

— Ты Рей, — шепчет она. — Это наш секрет. Я буду жить, как ты, а ты будешь жить, как я. — ее нижняя губа дрожит. — Позаботься о папочке. Говори ему, что любишь его каждый день от моего имени. — я открываю рот, чтобы что-то сказать, но она толкает меня. — А теперь беги. Не оглядывайся назад. Никогда не оглядывайся назад.

Приближаются шаги, когда я держу ее за руку.

— Беги! — шипит она.

Мои ноги напрягаются, когда я, спотыкаясь, бегу в противоположном направлении.

— Я здесь! — голос Рейны эхом отдается у меня за спиной, но я следую ее указаниям и не оглядываюсь.

Никогда не оглядываюсь назад.

— Босс! Девчонка здесь! — кричит голос с сильным акцентом.

Я заворачиваю за угол и бегу, пока мои ноги почти не подкашиваются, пока мое дыхание не прерывается. Сопли и слезы покрывают мое лицо, но я не прекращаю бежать. Я бегу и бегу, пока не думаю, что упаду в обморок, и они поймают меня.

Не оглядывайся назад.

Никогда не оглядывайся назад.

Не знаю, как долго я бегу. Не знаю, как далеко унесут меня мои ноги. Затем я спотыкаюсь и падаю.

Кто-то в униформе подходит ко мне. Я вжимаюсь в столб, тяжело дыша и прижимая колени к груди.

Слезы не перестают течь. Голоса мамы и Рейны не выходят у меня из головы.

Они просто не покидают меня.

Бормотание. Крики. Шипение.

Все в моей голове.

— Ты в порядке, малышка?

Человек в форме присаживается передо мной на корточки. У него рыжая борода и татуировки на руках.

Он похож на свиней, которые преследовали маму и меня всю нашу жизнь.

Я еще сильнее вжимаюсь в столб, крепко сжимая свой браслет.

— Девочка? Ты заблудилась по дороге домой?

У него нет акцента, как у тех людей, но он может быть одним из них.
Не доверяй никому. Весь мир стремится заполучить тебя, Рай,
говорила мне мама.

— Подожди. — он лезет в карман и достает фотографию, затем внимательно изучает ее и меня. — Ты пропавшая дочь этого магната. — он достает из кармана устройство и произносит номер, а затем что-то о поиске пропавшего ребенка. — Как тебя зовут? — он спрашивает меня. — Ты помнишь свое имя и откуда ты родом?

Рай Соколова. Дочь Мии Соколовой. Я находилась в бегах со дня своего рождения, всю свою жизнь училась на дому, и у меня не было друзей, пока мама не привела мою давно потерянную сестру-близнеца, чтобы встретиться со мной месяц назад.

Затем их обоих увезли.

Мою маму и мою сестру.

Единственный, кто у меня остался, это мой отец. Если я хочу быть с ним, я должна забыть свою жизнь и принять другую.

Слеза скатывается по моей щеке, когда я шепчу:

— Рейна. Меня зовут Рейна Эллис.

Глава 9

Ашер

Рейна вернулась в лес.

Какого черт она здесь делает?

Мои плечи вот-вот лопнут от напряжения, когда я пробираюсь сквозь высокие деревья, раздвигая низкие ветви.

Она хочет умереть? Те, кто напал на нее в тот день, могут скрываться здесь, ожидая ее возвращения.

Это было чертовски уродливо, и это кое о чем говорит, учитывая, что я ненавидел ее в то время.

Ненавидел ее? Прошедшее время?

Я все еще, блядь, ненавижу ее.

Мой план действует. Это потрескалось и оборвалось по краям, но все та же.

Тогда какого черта ты здесь делаешь?

Я ненадолго закрываю глаза, избавляясь от этого голоса.

Я пришел только потому, что она не может умереть от чьей-то руки. Ее жизнь принадлежит *мне*, и она не имеет права заканчивать ее без разрешения.

Это все.

Мои шаги становятся шире и тверже, когда я преодолеваю расстояние. Сухие листья хрустят под моими ботинками, и запах леса почти удушающий.

Солнце начало спускаться, отбрасывая мрачный оттенок на деревья.

Темнота никогда раньше не пугала меня. Это место, где можно было укрыться. Тьма место, где монстры становятся невидимыми, а я уже давно перешел на другую сторону.

Я уже давно отказался от того, что люди считают нормальным. Моя жизнь это что угодно, только не это.

Моя жизнь погрузилась во тьму после смерти Ари, и я навлек ее на мир — вернее, на *нее*.

Рейна.

Теперь она предмет моей тьмы, и ничто не спасет ее от того, что планирует мой подключенный мозг.

Ничто не спасет ее от меня.

Может, она и монстр, но в этом свои градусы. Ее уровень никогда не достигнет моего. Рейна должна была проиграть еще до того, как мы начали.

Я бы пожалел ее, если бы она уже не убила эту часть меня.

Если бы она не столкнула ее с края и не позволила ее голове разлететься на куски.

Образ разбитого лица Ари и ее конечностей, болтающихся в неудобных позах, до сих пор преследует меня в кошмарах.

Ее призрак все еще посещает меня в темноте, прося позволить ее душе упокоиться с миром.

Это не месть, это гребаное правосудие.

Который Рейне никогда в жизни не подавали.

У меня нет сомнений, что она направилась в тот коттедж, поэтому я не утруждаю себя поисками в лесу и иду прямо туда.

Когда деревья и земля расплываются перед моим взором, я не могу не вспомнить ту ночь.

В ту ночь Рейна могла исчезнуть раз и навсегда.

В ночь происшествия

Рейна уходит рано.

Она никогда не бросает свою драгоценную команду и приятелей из группы поддержки первой. Будучи перфекционисткой, которая всегда следит за тем, чтобы все выполняли свои задачи, она обычно уходит домой последней.

Нарушение шаблона и ее подозрительное поведение могут означать только одно.

Она убегает и покидает Блэквуд.

Блядь, *нет*.

Я иду за ней в лес, который находится на окраине города. Она определенно уходит.

Что ж, ее ждет сюрприз.

Я паркуюсь у входа и продолжаю идти пешком.

Черный единственный цвет в лесу. Сегодня безлунная ночь, звезд не видно.

Глубокая тишина заявляет о своих правах, отказываясь сдвинуться с места. Я достаю свой телефон и включаю фонарик.

В идеале я не хочу, чтобы она знала, что я за ней слежу, пока я не посмотрю ей в лицо. Я хочу увидеть, как выражение ее лица немного дрогнет, ее глаза чуть-чуть расширятся, прежде чем она замкнется в себе.

Это, пожалуй, единственный раз, когда я вижу реакцию на ее роботизированном лице. Рейна так чертовски хорошо скрывает свои эмоции, и это делало меня гребаным идиотом в старших классах.

У меня вошло в привычку стоять у ее дома, просто чтобы смотреть, как она смеется вместе со своим отцом.

Я даже заснял доказательство того, что она действительно улыбается и смеется — только не со мной.

Качая головой, я продвигаюсь вперед. К счастью, этот идиотизм и иррациональная привязанность к Рейне умерли вместе с Ари.

Теперь есть эта *штука*, созданная только для одной цели: заставить ее заплатить за убийство моей сестры и меня.

Справа от меня раздается протяжный крик.

Мои ноги замирают на месте, а затем бегут на звук по собственной воле.

Рейна.

Это голос Рейны.

Во что, черт возьми, она вляпалась на этот раз?

Я сосредотачиваюсь на случай, если она снова закричит, но не слышно ни звука.

Блядь.

Лучше бы ей не быть мертвой.

Мое атлетическое тело включается в работу, когда я сокращаю дистанцию в рекордно короткие сроки. Возможно, я перестал играть в футбол три года назад, но я никогда не бросал бег или спорт.

Это единственное, что проясняет мой разум и прогоняет проклятые черные мысли, кружащиеся в моей голове 24-7.

Запах дыма ударяет мне в ноздри, когда посреди леса вспыхивает пожар.

Рядом с пламенем из-за деревьев появляются два тела. Я прячусь за стволом и выключаю фонарик.

Мужчина одет в костюм, выглядит здоровенным и крупным, но его лицо затенено и отвернуто, когда он тащит кого-то по земле за подол ее футболки.

Рейна.

Он тащит потерявшую сознание Рейну. С того небольшого расстояния, которое я могу разглядеть, я вижу ее избитое лицо и то, как ее безжизненные ноги скользят по грязной земле.

Мои мышцы напрягаются, когда кулаки сжимаются по бокам. Как, черт возьми, он смеет прикасаться к ней?

Я собираюсь задвигаться, когда из-за коттеджа выходит еще один мужчина, вытирая руки о свою черную толстовку.

— У меня другая, босс. — он указывает на Рейну. — Что мы собираемся делать с этим?

— Используй ее как приманку. Там будет только один Пахан.

Русский акцент. Они мафия?

Какое они имеют отношение к Рейне?

Это может быть связано с отношениями Гарета Эллиса с мафией, но они не должны преследовать его дочь.

Не имеет значения. У меня есть доля секунды, прежде чем они заберут Рейну черт знает куда.

Жизнь Рейны принадлежит мне.

Черта возьми, *мне*.

Никто не сможет забрать ее у меня.

Я достаю телефон и ищу звуки, затем нажимаю «Воспроизвести» на максимальной громкости. В остальном спокойном лесу раздается вой сирен. Вначале он далеко, но с течением секунд становится все ближе.

Оба мужчины замирают.

— *Блядь!* — кричит один из них. — Что они здесь делают?

— Что будем делать, босс? — спрашивает другой мужчина.

— Мы вернемся за ней. У нас есть то, что нам нужно.

Он отталкивает Рейну, и с ее губ срывается вскрик.

Мой кулак сжимается от желания свернуть ему гребаную шею.

Они оба бегают вокруг сгоревшего коттеджа, а Рейна остается там, не двигаясь. Я слышу звук автомобильных шин, хрустящих вдалеке, указывающий на то, что они уехали.

Я бегу трусцой к Рейне и приседаю перед ней, продолжая включать звук сирены.

Она лежит на животе, лицом вниз. Огонь из коттеджа вдалеке освещает темно-синие синяки на ее лице и руках. Ее светлые пряди падают на лицо, скрывая опухший глаз и порезанную губу.

Ублюдки.

Я убираю волосы с ее глаза, и она хнычет от боли.

Отдергивая руку, я роюсь в ее кармане и достаю ее телефон. Конечно, я мог бы воспользоваться своим, но не хочу, чтобы она знала, что я спас ее.

Я не ее спаситель. Я ее худший кошмар.

Я подношу телефон к уху, и тут же трубку берет женщина.

— 911, что у вас случилось?

— В лесу на окраине Блэквуда напали на девушку. Она без сознания, но все еще дышит. Отследите ее GPS.

— Кто вы, сэр?

Я встаю, глядя на нее сверху вниз.

— Охотник.

Я отключаю звонок и остаюсь рядом с ней до тех пор, пока на место не придут настоящие сирены.

Вот тогда я отступаю в тень и исчезаю.

Но она найдет меня в своей больничной палате, как только проснется, и, блядь, расскажет мне, почему пыталась сбежать.

Настоящее

Я останавливаюсь перед коттеджем. Следы пожара, который пожрал его несколько недель назад, все еще видны сквозь почерневшие стены и полицейскую ленту.

Человеческие останки.

Полиция и слова тех людей все еще эхом отдаются в моей голове. Рейна слишком глубоко увязла, если она связана с Братвой.

И они были из Братвы. Алекс тоже так думает; я подтвердил это, когда на днях услышал его разговор со своим советником.

Он просто не хочет предпринимать никаких шагов, пока Рейна остается нетронутой и под его опекой.

Вопрос в том, какого черта она здесь делает, точно зная об угрозе своей жизни? Алекс позаботился о том, чтобы предупредить ее.

Я слышал его бесчисленное количество раз.

Держись в людных местах, Рейна.

Если ты что-нибудь вспомнишь, дай мне знать первым, Рейна.

Я собираюсь обеспечить тебе охрану, Рейна.

Конечно, она отказалась от последнего, отмахнувшись от него с улыбкой — притом фальшивой.

Она стала такой чертовски упрямой, что это сводит с ума.

Я выдыхаю, когда подхожу. Она избегала меня последние пару дней, но к черту это.

То, что я являюсь частью ее жизни, неоспоримый факт.

Даже когда я был в Англии последние три года, я всегда являлся неотъемлемой частью ее жизни.

Я спрятался под ее кожей и дышал ей в шею.

Она делала то же самое, но пошло оно.

Я останавливаюсь на пороге коттеджа. Внутри темно и влажно, все еще пахнет сажей и дымом того дня.

Человеческие останки, сказали они, и они думают, что это сделала Рейна — по крайней мере, детектив так считает.

Я разговаривал с ним после того, как он посетил нас в последний раз. Я видел злобу в его глазах, когда он говорил о моей «невесте» как о преступнице и проговорил, что я должен заставить ее признаться в своих преступлениях.

Мне потребовалось все самообладание, чтобы не ударить его головой о капот его машины и не сказать ему в недвусмысленных выражениях, что если он снова будет угрожать ей, я вскрыю ему кишки.

Рейна этого не делала.

Забавно, что я верю в это всеми фибрами души, хотя и не был свидетелем произошедшего.

За всем этим стоит Братва, но я ничего не могу сказать, потому что у меня нет ни доказательств, ни имен, ни даже четких описаний людей, которых я видел той ночью.

Если бы я сделал невразумительное заявление, это только заставило бы мафию нацелиться на меня — и Рейну.

По какой-то причине я думаю, что они держались в стороне, потому что решили, что она потеряла свои воспоминания и ничего не сказала о них полиции.

Если она вспомнит, это будет прямой угрозой ее жизни.

И все же ей нужно обратиться с радара детектива Дэниелса.

Он знает ее не так хорошо, как я, поэтому понятия не имеет, что у нее абсолютно нет того, что нужно, чтобы покончить с жизнью. Она делает это только издалека, как в случае с Ари.

Для того, чтобы покончить с жизнью, требуется нечто большее, чем мужество и решимость. Для этого нужно черное сердце и опустошенная душа.

К моему гребаному разочарованию, в новой Рейне этого нет.

Я останавливаюсь у входа и включаю фонарик. Рейна полу на земле в позе эмбриона, глаза закрыты, лицо скрыто волосами.

Мое дыхание замирает, когда я жду, как поднимется и опустится ее плечо — для доказательства того, что она жива.

Когда оно действительно движется, мои ноги бегут сами по себе, как в тот день, когда все, о чем я думал, это ее безопасность.

Еще раз повторяю, это все, о чем я думаю.

Я пытаюсь сказать своему пульсу, чтобы он, черт возьми, оставался спокойным, но он меня не слушает. Я направляю свет на ее лицо, присаживаясь перед ней на корточки.

— Рейна?

Мои движения медленны, когда я убираю прядь светлых волос с ее лица.

Ее брови нахмурены, рот искривлен в агонии. Ее глаза закрыты так крепко, что это кажется болезненным.

Что-то обрывается у меня в груди, чувство, которое я никогда не хотел испытывать после тех лет в средней школе.

Когда я думал, что она была единственной для меня.

— Открой свои проклятые глаза, Рейна.

Она что-то бормочет себе под нос.

Я наклоняюсь, чтобы услышать ее, но в этом нет смысла. Она говорит на иностранном языке.

По-русски?

— Р-Рай... Рай...

Кто, черт возьми, такой Рай?

Рейна и ее бесконечные секреты просто продолжают расти с годами.

Я кладу руку под ее бледные голые бедра, а другую обнимаю за спину, чтобы нести ее на руках.

Она устроилась так идеально, будто создана для моих рук. Она была создана для *меня*.

Я наблюдаю, как она хмурит брови, когда ее голова опускается мне на грудь. Сейчас она выглядит такой хрупкой, мягкой, как та девочка, которую я впервые увидел после того, как она исчезла, когда нам было двенадцать. Это был первый раз, когда я решил, что мне она нравится, первый раз, когда я подумал о том, чтобы поцеловать девочку.

Она была единственной дочерью Гарета, так что я встречал ее раньше, но никогда не испытывал такой потребности сблизиться с ней, как тогда, когда она вернулась. В ней что-то изменилось. Что-то более экзотическое, грубое и... сломанное.

Теперь я это понимаю. Меня привлекла ее сломанная сторона еще до того, как я понял, что это, черт возьми, было.

Когда Александр сказал, что мы должны быть помолвлены, я подумал, что сорвал джекпот.

Если бы не ее холодная, отчужденная реакция.

Я наклоняю голову и втягиваю ее нижнюю губу в рот, как делал в двенадцать, когда она спала в нашем гостевом доме.

Дрожь пробегает по ее телу, когда я в последний раз прикасаюсь губами к ее губам.

— Ты никогда не убежишь от меня, мой ужасный монстр.

Глава 10

Рейна

У меня пересохло во рту.

Это первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я открываю глаза. Все мысли о том, что я хочу пить, исчезают, когда я осматриваю свое окружение.

Я лежу в двуспальной кровати на чужих простынях. Белый свет на потолке тоже не из моей комнаты.

Я рывком принимаю сидячее положение и заглядываю под одеяло. На мне все еще моя прежняя одежда. Слава Богу.

Медленно я поддвигаюсь к краю, и мои пальцы ног тонут в плюшевом ковре.

Где находится это место? Разве я не была в коттедже всего две секунды назад?

Часы на прикроватной тумбочке показывают восемь вечера. Я хмурюсь. Прошло уже несколько часов. Сколько, черт возьми, прошло часов? Я стояла, совершая путешествие в прошлое и пытаюсь вспомнить свою жизнь и...

Я ахаю, прикрывая рот руками.

Все воспоминания, которые поразили меня ранее, вновь поглощают. Смерть мамы. Жертва Рейны. Тот факт, что я конфисковала имя другого человека.

Должно быть, поэтому я не чувствовала себя комфортно с именем и фамилией Рейна Эллис, когда очнулась в больнице со стертыми воспоминаниями.

Я прожила как Рай Соколов двенадцать лет. Это имя резонировало со мной лучше, но мне пришлось стереть его. Я должна была стать Рейной, чтобы выжить.

Вот так просто я забрала ее жизнь и бросила ее в свою.

Русские охотились за мамой и мной. Или, скорее, они охотились за мной, так как у них не было проблем причинить вред маме, как только они нашли меня.

Слезы наполняют мои глаза, когда я падаю обратно на кровать, конечности дрожат, а сердце колотится все громче и сильнее с каждой секундой.

Мама.

Рейна.

Папа.

Теперь они все ушли, и я единственная, кто остался, маленький грязный монстр Рай, которая взяла личность и жизнь, которая никогда ей не принадлежала, которая обручилась с парнем, который никогда не должен был принадлежать ей.

Рай Соколова.

По-русски, как мамина фамилия и эти мужские акценты.

Мама учила меня немного русскому, говоря, что лучше понимать своих врагов, чтобы я знала, во что меня втянули.

Она считала их врагами и убегала от них. Она забрала Рейну и меня и планировала уехать из страны. У нас были поддельные паспорта, поддельные удостоверения личности и документы. Но в тот день они нашли нас, и все взорвалось.

Они убили маму и забрали Рейну.

Я ненавижу себя за то, что была чертовой трусихой тогда, за то, что позволила Рейне занять мое место, за то, что убежала. Я ненавижу то, что я никогда не оглядывалась назад, никогда не останавливалась.

В моем двенадцатилетнем сознании я так устала все время бегать, устала никогда не оставаться на одном месте дольше нескольких месяцев, никогда не иметь друзей, никогда не иметь достаточного количества еды.

Никогда никогда не иметь отца.

А еще я была так чертовски напугана, когда поняла, что мамы больше не существует. Она была единственной, кто заботился обо мне, и я понятия не имела, что, черт возьми, делать без нее.

Поэтому, когда Рейна отдала мне свою жизнь, я взяла ее.

Я не просила ее бежать со мной, потому что знала, что они никогда не остановятся, пока не получат дочь Мии Соколовой.

И они действительно остановились. Как только я начала жить с папой, они никогда не беспокоили меня — я думаю. Мои воспоминания об этом все еще расплывчаты.

Что я знаю точно, так это то, что в то время я думала, что папа попытается найти Рейну и вернуть ее.

Должно быть, он понял, что взял не того близнеца. И в каком-то смысле, возможно, отец искал ее. Не может быть совпадением, что он был замешан во всех этих опасных делах с мафией.

Потом они забрали и его тоже.

И они вернулись за Рейной и мной, когда мы воссоединились в коттедже. Хотя я точно не помню, что произошло, я уверена, что они это сделали.

Если они не убили ее после всех этих лет, то наверняка она нужна им живой, верно? Конечно, она все еще где-то там.

Человеческие останки.

Слеза скатывается по моей щеке, и я быстро вытираю ее.

Нет.

Я не поверю, что они отняли у нее жизнь. Она им в чем-то необходима. Она сумела выжить все это время и будет продолжать это делать.

Ты обещала, Рейна.

Дверь со щелчком открывается, и я вздрагиваю, чуть не сваливаясь с кровати. Во время моих беспорядочных мыслей о том, что произошло, я забыла о незнакомом месте, в котором нахожусь.

Мое сердце учащается, а на лбу выступают капельки пота. Мышцы напрягаются, как каждый раз, когда мама поднимала меня с кровати и говорила, что мы уходим.

Ни предупреждая, ничего.

Мои глаза обычно были закрыты, когда мы бежали посреди ночи Бог знает куда, а потом спали под стенами, когда у нас не было денег на отели. По крайней мере, я спала — но не мама. Она не спала всю ночь, присматривая за мной, отгоняя любого бездомного.

Или людей, преследующих нас.

Эти ублюдки, как она их называла. Они никогда не заберут тебя у меня, Рай. Не так долго, как я дышу.

Что, если они придут за мной сейчас? Что, если они разгадали подмену и решили исправить свою ошибку девять лет спустя?

Тень проскальзывает в комнату, и я отпрыгиваю назад, мои лопатки ударяются о стену.

Свет отбрасывает ореол, когда он становится ясным. Долгий вздох вырывается из моих губ, прежде чем они снова становятся неглубокими.

Ашер.

Понятия не имею, почему видеть его одновременно и облегчение, и удушье.

Наверное, потому что он пытался убить тебя, Рейна.

Нет, не Рейна. Рай. Я всегда была Рай. Рейна была временной. Ее жизнь никогда не принадлежала мне, чтобы я могла ее конфисковать.

Может, именно поэтому я была так холодна и отчуждена с ее личностью. Я не хотела, чтобы люди сближались, потому что не горела желанием заводить никаких привязанностей. Я была самозванкой и знала, что однажды настоящая Рейна вернется в свою жизнь.

Я была всего лишь сторожевым псом, и в своих попытках оставаться отстраненной я по-королевски облажалась.

Ашер держит тарелку в руках и приближается ко мне ровным шагом. Его темные джинсы низко сидят на бедрах, а футболка обтягивает развитые мышцы груди.

Я заставляю себя отвести взгляд, когда сильное чувство отвращения сжимает меня за горло.

Реальность того, что я сделала — и не могу исправить, — ударяет мне в лицо.

Я переспала с женихом своей сестры.

Я вожделела его и цеплялась за него, будто имела на это полное право. Мало того, я еще и сделала что-то настолько непростительное, что теперь он подумывает убить меня.

Что, черт возьми, я натворила?

Он садится на край кровати, ставя поднос рядом с собой.

— Ты не ела с утра.

Мой желудок сжимается, словно одобряя это заявление. И тут я понимаю, что все еще прижата к стене, отвернувшись, будто от этого зависит моя жизнь.

— Где я? — спрашиваю я, не встречаясь с ним взглядом.

— В твоей квартире. — его голос нейтрален, даже лишен эмоций. — А теперь садись и ешь.

Я направляюсь ко входу. Как только я найду свою сумочку и телефон, я уйду. Какого черта он вообще привел меня в квартиру? Мне с трудом удастся избегать его в большом доме, где находятся все остальные.

— Остановись и повернись. — он говорит так тихо, что у меня по коже бегут мурашки. — Ты не хочешь, чтобы я сделал это за тебя.

Знаете что? Почему я должна продолжать убегать? Я сделала достаточно этого на всю жизнь, когда была ребенком.

На этот раз мир должен остановиться и посмотреть мне в лицо. Люди должны видеть меня, не Рай или Рейну, Соколову или Эллис, а меня.

Только *меня*.

Человека внутри, который едва держится на волоске.

Со смиренным вздохом я поворачиваюсь и иду туда, где Ашер сидит на кровати.

Моя кровать.

В этом есть что-то такое интимное, и не хочу признаваться в этом прямо сейчас.

Я опускаюсь напротив него, ставя тарелку, между нами. Кладу обе руки под бедра, чтобы они не разыгрывали какие-нибудь безумные идеи, например, протянуть руку, чтобы откинуть выбившуюся прядь с его лба.

— Теперь ешь, — приказывает он.

Боже, этот человек и его властная жилка. Хотела бы я ненавидеть это.

Если бы я ненавидела, быть может, все это было бы проще. Быть может, все мое тело не находилось бы в состоянии повышенной готовности с полным приливом адреналина.

— Я в порядке.

Мой желудок урчит, как только эти слова слетают с моих губ.

Проклятый предатель.

— Ты что-то сказала? — он приподнимает бровь.

— Я не голодна, хорошо? — я делаю паузу. — Зачем ты привел меня сюда? В любом случае, как ты меня нашел?

— Я последовал за тобой.

Я последовал за тобой.

Именно так. Никаких объяснений, никаких попыток извиниться.

Кого я обманываю? Я начинаю думать, что Ашер ни в чем не извиняется.

Он по-своему нетипичен, не совсем социопат, но что-то в этом роде.

Временами кажется, что ему не все равно, но в другое время он полностью уничтожает эту часть.

— И почему мы здесь? — бормочу я.

— Потому что. — он берет ложку чего-то похожего на макароны с сыром и кладет мне в рот.

— В последний раз, ешь, блядь.

Я пристально смотрю на него, испытывая искушение швырнуть тарелку ему в лицо, но это не оправдание, чтобы тратить хорошую еду впустую.

Кроме того, я голодна.

Я пытаюсь забрать у него ложку, но он убирает ее подальше.

— Открой свой рот.

— Я не ребенок, Эш. Я могу есть сама.

— Ты потеряла свой выбор, когда вела себя как дитё. — он со вздохом качает головой. — И Ашер, черт возьми.

Мои глаза опускаются вниз. Он прав; я не имею права называть его так, давать ему какие-либо прозвища или позволять ему кормить меня.

Он не мой.

Он принадлежит Рейне.

Вот почему Старая Рейна всегда держала его на расстоянии вытянутой руки и отталкивала.

Теперь я могу более ясно понять ее мыслительный процесс.

— Ты собираешься открыть рот, или мне сделать это за тебя?

Его глаза темнеют от злобы, и я сглатываю от карающего обещания в них.

Он определенно заставит меня, и не сомневаюсь, что мне не понравится реакция на это.

Я медленно приоткрываю губы. Ложка звякает о зубы, когда он осторожно засовывает ее внутрь. Мой пульс учащается в горле, и я едва жую, прежде чем проглотить макароны с сыром. У них насыщенный и крепкий вкус, но я едва сосредотачиваюсь на этом.

О, Боже. Это так интимно. Я не должна делать это с Ашером.

Я тянусь за ложкой, но он держит ее вне досягаемости и заставляет меня есть с его рук.

Что-то изменилось в выражении его лица, что-то любопытное и новое.

Или, может, мой мозг интерпретирует это таким образом после всего, что я узнала о прошлом и своей личности.

Глаза Ашера темнеют каждый раз, когда я обхватываю губами ложку, чтобы проглотить пасту. Его челюсть дергается, и он кормит меня медленнее, будто наслаждается моментом.

Воздух сгущается от напряжения, сцена принимает совершенно другое направление. Словно он трахает мой рот вместо того, чтобы кормить меня. Сначала это будет с его большим пальцем, а потом с его членом.

Мои щеки пылают при этой мысли. Это неправильно представлять — все это.

И все же мои бедра сжимаются. Кожа юбки становится слишком жесткой против моей разгоряченной кожи, а топ туго натягивается на мои твердеющие соски.

Нет.

Мне нужно вывести себя из этого транса.

— Ты собираешься сказать мне, почему мы здесь? — спрашиваю я, проглотив еще одну ложку еды.

— Макароны с сыром были твоим любимым блюдом, когда ты была моложе, — говорит он, как будто это идеальный ответ на мой вопрос.

— Разве не многим детям нравятся макароны?

— Не тебе. — он поднимает бровь. — Раньше ты чувствовала себя раздраженной из-за этого, пока я однажды не осмелился тебя покормить, а потом ты тайно влюбилась.

На секунду мне кажется, что мое сердце покинет меня и перестанет биться. Он говорит о Рейне против меня?

— Когда это было? Сколько мне было лет?

— Прямо перед твоим тринадцатым днем рождения. — ложка звякает о тарелку, когда он наполняет ее. — Почему ты спрашиваешь?

— Ничего.

Так что это была я, а не Рейна. Странное чувство облегчения переполняет меня. Это так внезапно и сильно, что я ненадолго закрываю глаза, пока это не проходит.

Мое незнание макарон с сыром имеет смысл. Мама была Русской и никогда не готовила это блюдо. Я не была знакома с типичной американской жизнью, пока не стала жить с папой.

— Что ты делала в том коттедже, Рейна?

Его тон становится жестким, как в тот раз в больнице, когда он спросил меня, не убегаю ли я от него.

— Искала истину, — говорю я, опустив глаза.

Я не могу смотреть на него, не тогда, когда он думает, что я Рейна.

Ты самозванка.

Ты должна умереть.

Мрачное облако бродит вокруг моей головы, как нимб, пытаюсь проглотить меня изнутри и высосать мою душу.

— Какую истину? — он запикивает мне в рот еще одну ложку. — И когда я говорю с тобой, смотри на меня.

Я качаю головой, желудок сжимается, когда я сглатываю.

— Я наелась. Могу я теперь вернуться?

— Ответь на вопрос и посмотри на меня, — невозмутимо произносит он.

Я остаюсь прикованном к месту, ничего не говоря.

— Не испытывай меня, блядь, или клянусь...

— Или что? — я вскидываю голову, полностью встречаясь с этим лесным взглядом, в котором больше глубины, чем должно быть позволено любому человеку. — Попытаешься убить меня, например, на крыше, в классе или в раздевалке? Я знаю, что это был ты. Я слышала, что ты сказал Арианне в годовщину ее смерти. Знаю, ты заставишь меня заплатить за то, что я, черт возьми, сделала. Так что перестань притворяться, что я тебе небезразлична,

буду ли я есть или умру с голоду, запрусь ли я в своей комнате и умру, или исчезну в лесу и никогда не вернусь. Просто перестань, блядь, притворяться!

Потому что это морочит мне голову больше, чем все остальное, что он сделал, и я не в том положении, чтобы мне морочили голову.

Я ожидала, что Ашер удивится после моей внезапной вспышки гнева, но он ничего не показывает. Выражение его лица остается совершенно пустым, когда он опускает ложку в тарелку на подносе, между нами.

Потом он смеется. Смех длинный и без чувства юмора, и у меня по спине пробегает что-то похожее на необузданный страх.

Это Ашер без купюр.

Это Ашер, ни капли не сдерживающийся.

— Притворяюсь. — его смех наконец стихает, сменяясь замкнутым выражением лица. — Чертово притворство.

— Ну, разве нет? — я складываю руки на груди, мои ногти впиваются в кожу. — Ты только притворялся, чтобы приблизиться ко мне и облапошить. Заставил меня поверить, что ты мой спаситель, когда все это время был злодеем.

— Опустит руки, — рычит он.

— Что?

— Не изображай из себя высокомерную и могущественную Королеву. Я не такой, как все, так что не смей возводить со мной свои стены и опускать свои чертовы руки, когда разговариваешь со мной.

— Нет. — я выпячиваю подбородок.

Мне нужны мои руки на груди. Мне нужна защита и стены. Мне нужно все, что я могу получить, когда имею дело с Ашером.

— Нет? — повторяет он.

— Нет.

Он отодвигает поднос в сторону и хватает меня за предплечье, толкая. Его нос почти касается моего, когда он говорит, его тон низкий и угрожающий.

— Ты можешь сделать это легким или трудным, мой ужасный монстр.

— Какое это имеет значение, когда ты собираешься убить меня?

Хотела бы я, чтобы мой голос был полон презрения и гнева или колющего предательства. Вместо этого это почти похоже на покорность жестокой судьбе.

Это карма кусает меня за задницу за то, что я украли жизнь Рейны и бросила ее под автобус.

Я должна была влюбиться в ее сумасшедшего жениха только для того, чтобы он планировал убить меня.

Подождите...нет . Я не влюбилась в Ашера. Я могу полностью забыть его.

Верно?

— С каких это пор ты стала такой трусихой?

Он все еще смотрит мне в лицо, поэтому, когда он говорит, я чувствую запах сандалового дерева и цитрусовых и чувствую, как его пульс вот-вот присоединится к моему неровному.

Его слова заделали меня сильнее, чем следовало бы. Мои уши горят, и все во мне восстает против этого.

Я не трусиха, я боец.

Я боролась все это время, не так ли? С мамой и с Рейной, а потом с папой и без него. Я все еще борюсь. Я все еще пытаюсь прогнать мрачное облако прочь.

Труссы так не поступают.

Никогда.

— Пошел ты.

Я отталкиваю его и спрыгиваю с кровати, а затем бросаюсь к балконной двери.

В тот момент, когда я открываю ее, порыв сильного ветра бьет меня по лицу. Ветер хороший. Ветер так же зол, как и я, и так же растерян, никогда не зная, где остановиться и как это сделать.

В дальнем конце балкона есть два стула и стол. Я запрыгиваю на стул, а затем на стол у края как раз в тот момент, когда Ашер выходит вслед за мной.

Я стою лицом к нему, одна нога поставлена на край перил, а другая на стол. У нас по меньшей мере тридцать этажей в высоту. Если я упаду, я умру.

Все, блядь, закончится.

Я отгоняю мрачные мысли и смотрю Ашеру в лицо.

Он замирает в дверях, засовывая обе руки в карманы, и я почти могу поклясться, что он сжимает их в кулаки.

— Какого черта ты делаешь, Рейна?

— В том-то и дело, Эш. Я никогда не была Рейной.

— *Что?*

— Меня зовут Рай Соколова, и я сестра-близнец Рейны. Я поменялась с ней местами, когда нам было по двенадцать. После того, как мама похитила ее, мы присвоили личность друг друга. Она ушла с Русской мафией, которая преследовала меня, а я переехала жить к папе.

Не знаю, почему я рассказываю ему все это, но теперь, когда я начала, я не могу остановиться.

— Я не из твоего мира. Я просто беглянка, ничтожество, которая не смогла спасти собственную сестру. Так что, если ты хочешь убить меня за то, что, черт возьми, я тебе сделала, перестань играть в игры и сделай это уже. Или позволь мне сделать это за тебя — мне все равно.

Все время, пока я говорила, Ашер медленно приближался ко мне, постепенно вынимая обе руки из карманов.

Мне следовало сосредоточиться на этом и на том факте, что он, вероятно, придет, чтобы воплотить то, о чем я просила, в реальность.

Мои конечности дрожат, и моя нога продолжает приближаться к краю. Сильный ветер пробирает меня до костей, зубы стучат, и меня охватывает дрожь во всем теле.

— Спускайся оттуда, Рейна. — приказ Ашера медленный, но достаточно твердый, чтобы заставить мое сердце подпрыгнуть.

— Ты что, не слышал ни слова из того, что я сказала? Я сказала тебе, что я не Рейна. Я самозванка.

— Мне плевать на твое имя. Ты единственная Рейна, которую я знаю.
— он протягивает руку. — Спускайся, блядь, вниз.

Я подозрительно смотрю на него.

— Разве ты не хочешь моей смерти?

— Спускайся. *Сейчас.*

Его лицо становится замкнутым, будто он совершенно другой человек, будто он что-то скрывает.

Затем я узнаю этот мрачный взгляд в его глазах.

Страх.

Чистый, необузданный страх.

Он не хочет, чтобы я прыгала.

Почему, черт возьми, мое сердце колотится при этом?

Прекрати это. Не празднуй. Не смей праздновать.

— Если... — я прочищаю горло. — Если ты пока не хочешь моей смерти, не мог бы ты позволить мне сначала найти мою сестру? Я сделаю все, что ты захочешь, как только найду ее.

Он ничего не говорит.

— Пожалуйста... — я смягчаю свой голос.

Он хватает меня за запястье и тянет вниз так сильно, что я вскрикиваю, думая, что свалюсь с края.

Вместо этого я приземляюсь посреди сильных рук. Стальные конечности прижимают меня к его груди, его объятия почти душат и все же они такие... теплые.

Ашер теплый, когда он этого хочет. Просто он редко позволяет этой части просвечивать насквозь.

Моя щека прижимается к мышцам его груди, и я вдыхаю его, сандаловое дерево и цитрусовые, тепло и безопасность.

Потребность заплакать возникает у меня из ниоткуда.

Но почему?

Почему, Ашер, просто почему?

Он кладет обе руки мне на щеки и отрывает меня от своего тепла, держа на расстоянии вытянутой руки.

— Не смей, блядь, делать это снова, поняла?

Мои губы дрожат, но я ничего не говорю.

— Что произошло с тем, что ты сказала? Частью о том, что я не заслуживаю, чтобы ты жертвовала собой ради меня или кого-то еще? — он сильно трясет меня, будто засовывает эти слова внутрь меня. — Прекрати это к чертям.

Потребность снова броситься в его объятия становится непреодолимой, как реальное присутствие с мыслями и чувствами, но так как я не могу этого сделать, я сосредотачиваюсь на своей другой цели.

— Ты позволишь мне найти мою сестру?

— Ради всего святого.

Он вырывается, и я отступаю назад, когда он поворачивается лицом к бесконечным зданиям и их огням.

Его плечи горбятся от напряжения, и я не знаю, как улучшить ситуацию — не то чтобы я должна.

— И? — вместо этого я выдаю.

— Хорошо.

У меня вырывается вздох, когда я пытаюсь обуздать свои хаотические чувства. Если он оставит меня в покое, я смогу сосредоточиться на поисках Рейны.

Потом, когда я верну ей жизнь, я заплачу любую цену, которую Ашер потребует от меня.

— Но ты делаешь это не в одиночку, — продолжает он.

— Что?

Он оборачивается, выражение его лица менее взволнованное, чем раньше. Все напряжение покинуло его, сменившись расчетливой жилкой.

— Мы в этом вместе.

Мои брови хмурятся.

— Почему ты хочешь мне помочь?

Он достигает меня за две секунды и обхватывает рукой мою шею.

— Потому что ты принадлежишь мне, мой ужасный монстр.

Глава 11

Рейна

Мы остаемся на ночь в моей квартире после того, как Ашер отказался от моей миллионной попытки заставить его уйти. Он даже позвонил Иззи, сообщив, что я проведу ночь с друзьями.

Друзья. Пф, неважно.

Ашер, наверное, последний человек, которого можно было бы считать моим другом.

Я шпионю за ним, когда он моет посуду на кухне — без использования посудомоечной машины. Затем он кладет остатки макарон с сыром в кастрюлю и убирает ее в холодильник.

Серьезно, почему он продолжает делать для меня подобные вещи? Это только заставляет меня чувствовать себя еще более тревожно.

Я уйду туда, где проснулась, и закрываю дверь. Она так похожа на мою комнату в доме Алекса, только в этом шкафу полно кожаных юбок и брюк, последних модных сумок и обуви.

Со вздохом я ложусь на кровать и смотрю в потолок. Мой телефон и сумка лежат на тумбочке. Ашер, должно быть, принес их, когда привёл меня сюда.

Я открываю Инстаграм, а затем набираю сообщение.

Рейна Эллис: *Ты здесь?*

Его ответ следует незамедлительно.

Cloud003: *Для тебя, всегда.*

На моих губах появляется улыбка. Я сейчас так нуждаюсь в друге, и не хочу беспокоить Наоми или Люси длинной историей так поздно.

Конечно, я могла бы позвонить Джейсу, но эта анонимность придает мне много смелости.

Рейна Эллис: *Сегодня я стояла на краю крыши и угрожала покончить с собой. Я не хотела, ты же знаешь. Только хотела поторговаться за что-то другое, но пока стояла там, что-то продолжало тянуть меня.*

Cloud003: *Ты поддалась этому?*

Вот что мне в нем нравится. Он не осуждает меня, когда я говорю о подобных вещах.

Рейна Эллис: *Нет, иначе я бы не переписывалась с тобой прямо сейчас *смайлик с высунутым языком**

Моя попытка пошутить проваливается.

Cloud003: *Но ты думала об этом.*

Рейна Эллис: *Да, но в то же время нет.*

Cloud003: *Как так?*

Рейна Эллис: *Не могу этого объяснить. Со мной был кто-то еще, и, стоя там, я почувствовала странную свободу и рассказала ему то, что держала в секрете девять лет, то, чего больше никто не знает, то, что, я думаю, я бы никогда не сказала, если бы не стояла на краю. Есть что-то такое освобождающее в том, что тебе больше нечего терять.*

У него уходит несколько секунд на ответ.

Cloud003: *И какова была его реакция?*

Я прикусываю нижнюю губу. Не хочу рассказывать ему об Ашере или о моей двойной личности, но в то же время хочу продолжить разговор с ним.

Он приносит мне спокойствие.

Рейна Эллис: *Ему это не понравилось.*

Cloud003: *Что ему не понравилось?*

Рейна Эллис: *Что я стола на краю и угрожала спрыгнуть.*

И тут меня осенило.

Гибель Арианны. О Боже мой — Арианна умерла точно так же, и я просто повторила сцену перед ним.

В глубине души я думала, что ему будет все равно, но тот взгляд, который он бросил на меня, был полной противоположностью равнодушию.

Он был на грани самого себя.

Рейна Эллис: *Черт. Думаю, что причинила ему боль. Что мне делать?*

Cloud003: *Почему ты спрашиваешь меня?*

Cloud003: *Мне не нравится, что ты говоришь о других парнях, моя шлюха.*

Я закатываю глаза.

Дверь с грохотом распахивается.

Я вздрагиваю, прижимая телефон к груди, как будто Ашер мог увидеть мою переписку с Джейсоном. Я имею в виду, это не измена. Мы друзья.

Так какого черта я прячу телефон?

Нет, я этого не скрываю.

Я просто не хочу, чтобы Ашер видел, что я писала о нем.

Он закрывает дверь, запирая нас обоих в комнате, и прислоняется к ней. Мягкий свет лампы отбрасывает тень на его потемневшие черты, делая их почти пугающими.

Вычеркните. Они пугают.

Хотя я чувствую себя легче теперь, когда он знает, что я не Рейна, Ашер все еще один из злодеев в моей истории, если не самый опасный.

Меня не тянет к другим злодеям. Я не сжимаю бедра, увидев их, как какая-нибудь влюбленная старшеклассница.

— Что... — мой голос звучит хрипло, и я прочищаю горло. — Что ты здесь делаешь?

Он не отвечает и вместо этого направляется ко мне. Его шаги медленные, размеренные и наполнены такой сексуальной энергией, что она разливается в воздухе и затягивается петлей вокруг шеи.

Я крепче прижимаю телефон к груди, словно он может спасти меня от захвата Ашера и телепортировать меня отсюда.

— Что ты делала?

Его вопрос рассеивается, как дым без огня, непроницаемый и удушающий.

— Ничего.

Мой голос звучит оборонительно и слишком громко, даже для собственных ушей.

— Да?

Внезапно он оказывается рядом со мной, и мне приходится поднять глаза, чтобы посмотреть на него.

Его тепло волнами разливается по моей коже, и я не могу отвести взгляд. Я ничего не могу сделать, кроме как пялиться как идиотка.

Когда я погружаюсь в его транс, он протягивает руку и выхватывает у меня телефон. Его брови хмурятся, когда он изучает экран, но нет никаких других признаков его настроения.

Я, наконец, вытряхиваю себя из ступора и выдергиваю телефон обратно.

Но уже слишком поздно. Должно быть, он видел ник или, что еще хуже, последние несколько строк моей переписки с Джейсоном.

Мои уши и лицо пылают от стыда. Неужели это должно быть так мучительно?

— Ты мне изменяешь, Рейна?

Его вопрос подобен пощечине. Моя щека горячая и покалывает там, где его воображаемая рука ударила меня.

— Н-нет.

Мои губы дрожат при этом слове.

Хотя я, возможно, и изменяла раньше, сейчас я этого не делаю и никогда больше не сделаю.

Какого черта я изменяла? Был ли это еще один способ оставаться отстраненной и не сближаться с Ашером? Потому что я знаю — уверена — я что-то испытывала к нему в прошлом.

Эти сильные чувства не возникли из ниоткуда. Они увеличивались на протяжении многих лет, и когда я наконец освободилась от амнезии, я просто выпустила их на волю.

Я позволил им поглотить меня заживо.

Он наклоняется так, что все его тело наклоняется ко мне.

— Почему я думаю, что ты изменяешь?

— Что тогда насчет тебя? — я прикрываю свое невежество, выпячивая подбородок. — Разве ты мне не изменял?

— Нет.

— Думаешь, я поверю в это?

— Мне все равно, во что ты веришь. У меня нет ни времени, ни энергии, чтобы сосредоточиться на ком-то другом.

Мое сердцебиение учащается, когда до меня доходят его слова. Он только что признался, что у него есть время и энергия только для того, чтобы сосредоточиться на мне.

Даже если это самый ужасный тип фокуса.

— Даже не в Англии? — бормочу я.

— Даже не в Англии.

Ну, черт. Как у него хватает силы заставлять мой пульс биться так сильно и быстро? Это проклятие?

Или, может, это что-то более сильное, что я отказываюсь признавать.

— Так, а ты? — повторяет он. — Изменяешь мне, я имею в виду.

— Нет.

Я произношу это слово со странной убежденностью, будто я никогда ему не изменяла, будто эта мысль даже не приходила мне в голову.

— Хорошо, потому что я плохо реагирую на то, что другие прикасаются к тому, что принадлежит мне. — его палец скользит по моей щеке, оставляя мурашки, когда он проводит по моей нижней губе чувственной лаской. — Ты моя, не так ли, королева выпускного?

Королева выпускного.

Моя грудь трепещет то синхронно, то несинхронно.

Не знаю, почему мне так нравится, когда он так меня называет.
Возможно, потому что это не Рейна и не Рай. Это не кража личных данных и не путаница.

Это всего лишь я.

Его большой и указательный пальцы сжимают мой подбородок.

— Ответь мне.

— Я не принадлежу тому, кто хочет причинить мне боль.

Возможно, меня необъяснимо влечет к Ашеру, но я никогда, ни разу, не забывала, что он сделал со мной. Этот страх был диким и необузданным, и я почти чувствую, как повисла на крыше или как, те же самые пальцы душили меня с намерением покончить с моей жизнью.

Люди думают, что когда у вас возникают мрачные мысли о том, чтобы покончить с собственной жизнью, вы почувствуете облегчение, когда кто-то другой снимет с вас это бремя и закончит за вас.

Это неправда, по крайней мере, не для меня.

Тот ужас, который я испытала тогда, все еще пульсирует у меня под кожей, в крови. Это были одни из редких моментов, когда я думала, что не хочу умирать, что не могу уйти просто так.

Не думаю, что когда-нибудь забуду этот тип ужаса.

— О, но ты принадлежишь. — рука Ашера опускается вниз, пока не обхватывает мое горло. — Ты, блядь, принадлежишь.

— Но...

Он сжимает, перекрывая мне доступ воздуха и мои слова.

— Заткнись, не говори об этом. Не сегодня.

Не сегодня? Что, черт возьми, это должно означать?

Все еще сжимая мою шею, его большой палец поглаживает вверх и вниз точку моего пульса, будто успокаивая ее, ощущая ее, убеждаясь, что она там.

Есть что-то в том, как он держит мое горло в плену. Иногда это жестко, доминирующе и призвано доказать свою точку зрения. В других случаях, как сейчас, это почти... нежно, предназначено для установления связи.

— Ты никогда больше не провернёшь подобное дерьмо на балконе, поняла?

Он не сверлит меня взглядом. Вместо этого все его внимание сосредоточено на моей шее.

В чем именно его проблема? Он ведет себя странно для того, кто активно пытался покончить с моей жизнью.

Когда я не отвечаю — отчасти потому, что он едва позволяет мне дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить, — он кладет другую руку мне на затылок и заставляет меня кивнуть ю.

— Это означает «да». То есть: я больше никогда этого не сделаю, Ашер. Я не позволю людям увидеть меня такой. — затем он отпускает меня, убирая от меня обе руки.

Странный тип пустоты покалывает мою кожу, как будто я не хочу, чтобы он уходил.

Почему, черт возьми, я не хочу, чтобы он уходил?

Он подходит к кровати, и я наблюдаю за каждым его движением. Слово «останься» вертится у меня на кончике языка, но я его не произношу.

Очнись, Рейна, или Рай, или кем бы ты ни была, черт возьми.

Я ожидаю, что он уйдет, но он оборачивается. Опасная похоть на его лице застает меня врасплох, когда он тянется ко мне.

— Что...

Слова замирают у меня в горле, когда он хватает обе мои лодыжки в своей сильной, безжалостной хватке и притягивает меня к себе одним безжалостным рывком.

Телефон выпадает из моей руки и с грохотом падает на пол. Мои ноги раздвигаются, и кожаная юбка задирается до бедер, едва прикрывая ягодицы.

Ашер опускается коленями на пол, а обе мои ноги беспомощно повисают на его широких плечах.

— Что ты делаешь? — я задыхаюсь, мой голос хриплый и прерывистый, будто я бежала.

— Ты уже поужинала. Пришло время моей трапезы.

Я едва перевариваю его слова, когда он задирает мою юбку вокруг талии и стягивает трусики. Порыв воздуха накрывает меня изнутри, и мой позвоночник дергается.

Из него вырывается стон, когда он раздвигает мои ноги, рассматривая меня поближе.

— Ты мокрая. Какого черта ты промокла, королева выпускного?

Я не знаю. Я действительно не знаю. Это сбивает с толку даже мой собственный мозг. Что-то во мне не так, и я понятия не имею, что именно.

Или, может, я знаю, но не хочу признаваться в этом даже самой себе.

Он проводит средним пальцем по моему входу, вырывая у меня стон.

— Ты почти не была мокрой раньше, если вообще была. Ты также никогда не издавала стоны и не дрожала от желания, как сейчас.

Признание не уменьшает моей реакции. Во всяком случае, это заставляет мои конечности дрожать сильнее, как лист на ветру за окнами.

Он повторно скользит средним пальцем вверх и вниз, прежде чем погружает его в меня и бормочет в мои скользкие складки.

— Ты изменилась.

Поначалу я тоже думала, что изменилась, но теперь понимаю, что нет.

Потеря воспоминаний позволила мне расслабиться, не думать о том, чтобы лишиться Рейну жизни, и по этой причине кажется, что я изменилась, хотя на самом деле я просто высвободила свои сдерживаемые чувства.

— Мне нравится новая ты.

Его голос грохочет, когда он скользит языком от нижней части моего клитора вверх.

О, Боже.

Его признание вместе с его прикосновением захватывает мое тело, как одержимость, почти сталкивая меня с края.

— Просто чтобы было понятно. — он покусывает мою чувствительную кожу зубами, посылая волну удовольствия в мой живот. — Эта. Киска.

Принадлежит. Мне. — с каждым словом он кусается, заставляя меня корчиться и извиваться на кровати. — Ты принадлежишь мне, королева выпускного. Теперь скажи это.

Он прикивает своим языком в меня, и мои бедра дрожат от нарастающего удовольствия, свернувшегося кольцом внизу живота.

Он входит и выходит из меня, будто наполняет меня своим членом, будто он наказывает меня, учит меня месту и поглощает заживо.

Посреди всего этого он доставляет мне сокрушительное удовольствие, которое делает меня лишенной разума и слепой. Здесь слишком много интенсивности, слишком много контроля.

Просто слишком.

Он дразнит мой набухший клитор большим пальцем, продолжая свое безжалостное нападение.

Искры заполняют мое зрение, когда голова откидывается назад, а ногти впиваются в простыни по обе стороны от меня.

— О... о...

— Не то слово. — он шлепает по внутренней поверхности моего бедра таким эротичным способом, что я заглатываю ртом воздух. — А теперь скажи это.

Я сглатываю, пытаюсь собрать достаточно энергии, чтобы заговорить.

На этот раз он шлепает меня по заднице, и мой рот открывается в бессловесном крике. Дерьмо. Почему, черт возьми, это так заводит?

— Последний. — *шлепок*. — Шанс.

Мое тело соскальзывает с кровати, когда я выдавливаю слова.

— Я... я принадлежу тебе. Только тебе.

— Повтори.

Он снова шлепает меня, сильнее, чем когда-либо, звук эхом разносится в густом воздухе.

Я выкрикиваю эти слова, когда за моими веками образуются звезды. Его язык и пальцы не останавливаются, доставляя мне такое дикое удовольствие, что оно лишает меня всех мыслей и «что, если».

Все, что я могу делать, это ощущать — его легкую щетину, его злой рот и его неприкрытую интенсивность.

Только *он*.

Мой злодей и мой спаситель.

Мое проклятие и мое спасение.

Единственный человек, которому я когда-либо раскрыла свой секрет.

Его голова приподнимается между моих бедер, так что его глаза встречаются с моими. Они полны неприкрытой похоти и озорного садизма.

— Только я.

Я киваю, едва переводя дыхание. Кожа, по которой он шлепнул меня раньше, пылает и пульсирует от желания положить его руку мне на задницу.

Как я могу так сильно хотеть этого парня? Это так ужасно.

Он снова исчезает у меня между ног, его дыхание щекочет мою сверхчувствительную кожу.

— Эш...? Что ты делаешь?

— Я только начал свой ужин. — я чувствую его ухмылку, не видя ее. — Я собираюсь трахать тебя языком до тех пор, пока ты больше не сможешь двигаться, королева выпускного.

И тогда он выполняет свое обещание.

Глава 12

Рейна

Ашер забирает меня домой утром.

Мы почти не разговаривали с тех пор, как проснулись. Быть может, из-за того, что произошло прошлой ночью — или из-за всего, что случилось в прошлом.

После того, как он вырвал из меня три оргазма своим языком и пальцами, я вроде как отключилась. Раздражители воздействовали на мою чувствительную сердцевину, и я умоляла его остановиться, рыдая от одного оргазма за другим.

Ашер был Ашером, он не остановился.

Мой голос стал хриплым, и я подумала, что у меня начинается обезвоживание к тому времени, когда он вышел из-под моих дрожащих ног и позволил им упасть на кровать.

Я была слишком измотана, чтобы открыть глаза, поэтому сразу же заснула.

Когда я открыла глаза утром, я была укрыта одеялом и мне было удобно, но не было никаких признаков того, что он спал рядом со мной. Должно быть, он вернулся в гостиную или в комнату для гостей.

Мое сердце все еще испытывает легкую боль при этой мысли — не то, чтобы я хотела, чтобы он спал со мной. Это не имеет никакого отношения к тому, чтобы избегать его.

В настоящее время он ведет машину с легкостью, одна рука на руле, а другая на бедре. Никаких слов. Нет, ничего.

Всю дорогу я переписываюсь с Наоми и Люси в нашем групповом чате. Это бесполезная попытка отвлечь себя от Ашера; мой разум все равно продолжает тянуться обратно к нему.

Его присутствие невозможно игнорировать или отрицать. Он подобен постоянному, неподвижному и неизменному.

Я смотрю на него сквозь ресницы, на его уложенные волосы и густые брови, на его точеную челюсть и твердые губы, которые целовали меня в интимных местах и доводили до наивысших мук удовольствия.

Мои щеки пылают, и я внутренне встряхиваюсь, прогоняя этот образ. Что со мной не так? Сейчас не время думать об этом.

Кроме того, он ни разу не упомянул об этом сегодня утром. Может, он сожалеет.

Почему это наполняет меня таким трепетом?

Я имею в виду, я тоже должна сожалеть, но я не могу найти в себе силы сделать это.

Мы добираемся до подъездной дорожки к дому. Еще раннее утро, так что несколько сотрудников слоняются по саду.

Я протягиваю руку, чтобы отстегнуть ремень безопасности. Ашер хватается его в свои, пугая меня.

— Ч-что такое? — я останавливаюсь на полпути, мой пульс стремительно учащается.

— Мы поговорим с Александром, — говорит он.

Я киваю. Это я планировала сделать. Он явно знает о бизнесе, который папа вел с мафией, и он должен знать что-то о моей сестре.

— После того, как он расскажет тебе то, что ты хочешь знать, ты сообщишь ему, что возвращаешься в свою квартиру.

— Почему?

Мой голос звучит так же испуганно, как я себя ощущаю.

— Я не хочу делить тебя. — его хватка крепче сжимает мое запястье. — Ты принадлежишь мне, не забыла?

Мое сердце внезапно возвращается к жизни, бьется и колотится так бешено, что за ним невозможно угнаться. Словно оно было мертвым с утра, а Ашер только что дал повод стать живым.

Ему действительно нужно перестать говорить такие вещи, если все, что он когда-либо планирует сделать, это причинить мне боль. Ему нужно перестать прикасаться ко мне, называть меня своей и смотреть на меня этими напряженными глазами, которые, кажется, готовы раздеть меня догола и поглотить вновь и вновь. Мой мозг начинает игнорировать опасность и сосредотачиваться на этих маленьких жестах, на том, что говорит его тело, а не на том, что планирует его разум.

— Что, если я не хочу съезжать? — я спрашиваю. — Люди охотятся за мной.

Это ложь. Я хочу выбраться из этого места, заполненного другими людьми. Думаю, мне будет удобнее, когда я буду одна. В конце концов, именно по этой причине Старая Рейна съехала, как только стала совершеннолетней.

Я начинаю соединяться с Рейной несколькими способами, и понятия не имею, что это заставляет меня чувствовать.

— Если бы они активно охотились за тобой, они могли бы с лёгкостью забрать тебя из кампуса. — он звучит задумчиво. — Попроси Александра усилить охрану в многоквартирном доме.

— Ты не можешь указывать мне, что делать, Эш.

Я вырываю свое запястье из его хватки и складываю руки на груди.

Взгляд, который он бросает в мою сторону, такой резкий, что я ерзаю на сиденье.

— Что я об этом говорил?

— Хорошо. — я разжимаю руки. — Но ты все равно не можешь указывать мне, что делать.

— Это вызов? — его голос понижается. — К концу ночи ты будешь умолять меня сказать тебе, что делать.

Я не упускаю смысла его слов, и мое лицо, должно быть, становится темно-красным.

— Посмотри, как ты покраснела.

Его палец проводит по моей щеке в чувственной ласке, выражение его лица наполнено благоговением.

Мне нравится, когда я вот так застаю его врасплох. Сильное ощущение пронзает меня при мысли о том, что я оказываю на него такое воздействие.

И все же сейчас он высокомерный ублюдок.

Отмахиваясь от его руки, я меняю свой серьезный тон.

— Знаешь, у меня здесь есть друзья, такие как Иззи и Джейсон. У нас бывают вечера игры в Скрэббл.

— К черту вечера игры в Скрэббл. — его лицо каменеет, когда он наклоняется ближе. — Держись, блядь, подальше от Джейсона.

— Ах... нет. Он мой друг.

Его рука скользит между моих бедер, обхватывая меня через джинсы. Я ахаю, мои глаза чуть не вылезают из орбит. Покалывание возникает там, где он прикасается ко мне, и память моего тела включается. Все, о чем я могу думать, это его лицо, пальцы и язык там, внизу.

— Это мое.

Его губы всего в нескольких сантиметрах от моего лица, небольшое отклонение, и они встретятся с моими.

Он говорит хриплым голосом, от которого у меня по спине пробегает дрожь.

— Ты *моя*, и я не люблю, когда люди угрожают тому, что принадлежит мне. Если ты позволишь кому-нибудь вольности в сторону тебя, я не буду сидеть на месте. Я ясно выражаюсь, королева выпускного?

Я не смогла бы говорить, даже если бы попыталась. Его близость и аромат его лосьона после бритья, смешанный с сандаловым деревом и цитрусовыми, творят сумасшедшие вещи с моими чувствами, усиливая их, прижимая друг к другу.

Это хаос.

Прекрасный, сводящий с ума хаос.

Совсем как Ашер.

— Я сказал. — его хватка становится безжалостной и такой чертовски доминирующей. — Я ясно выражаюсь?

Я киваю один раз не потому, что полностью согласна, а потому, что не хочу испытывать его, пока он в таком состоянии. Как будто он бензин, ждущий искры, чтобы вспыхнуть и сжечь все, что находится поблизости.

Хотя я действительно хочу увидеть разные стороны Ашера, я не горю желанием прямо сейчас становиться на его плохую сторону. Он единственный, кто знает о Рейне, и мне может понадобится его помощь, чтобы найти мою сестру.

— Хорошо. — он отпускает меня и открывает дверь. — У тебя есть два дня, чтобы вернуться в свою квартиру.

Я стону, когда дверь за ним закрывается.

Высокомерный ублюдок.

Алекс продолжает смотреть на часы, пока мы с Ашером сидим в его кабинете.

Из того, что я узнала о нем до сих пор, его фирма — его Бог, и у него нет другой религии, кроме работы. Может, именно поэтому они с Ашером ни в чем не сходятся во взглядах.

Мой предполагаемый жених касается моей ноги своей. Отлично, значит, говорить буду только я.

Толчок Ашера, по сути, говорит мне, что мне нужно скорее начинать, потому что Алекс становится беспокойным.

Он сидит за своим огромным столом из красного дерева, заваленным бесконечными бумагами. Я даже не знаю, для чего ему все это нужно дома.

— Рейна, — начинает он. — Ты упомянула, что хочешь поговорить со мной? Мы можем сделать это после того, как я вернусь.

— Я кое-что помню, — говорю я спокойно, но достаточно громко, чтобы он меня услышал.

Алекс хватает со стола ручку и перестает смотреть на часы.

— Продолжай.

— Я помню сестру-близнеца и мать, и как мы убегали в моем детстве. Что касается той ночи, думаю, что на меня напали после того, как я воссоединилась со своей сестрой.

Тишина.

Алекс продолжает наблюдать за мной, будто решает, сможет ли он снова стереть эти воспоминания из моего мозга.

— Ты ей что-нибудь говорил?

Вопрос Алекса адресован его сыну.

Его голос твердеет, когда он говорит с Ашером, словно он разговаривает со смертельным врагом, а не со своей плотью и кровью.

— Мне нечего рассказывать, — небрежно говорит Ашер.

Мой взгляд мечется между отцом и сыном, пока я пытаюсь понять смысл их слов. Ашер что-то знает?

Я сжимаю руки на коленях, ногти впиваются в кожу ладоней.

— Кто-нибудь может сказать мне, что происходит?

— Полагаю, тебе следует знать, — вздыхает Алекс. — Невежество никогда раньше не приносило тебе никакой пользы.

Нет, это было не невежество. Даже если папа и Алекс скрывали от меня правду, думаю, что в глубине души я это знала. Вот почему я искала Рейну и нашла ее сама. Я собиралась сбежать с ней.

Это не то, что сделала бы невежественный человек.

— Твоя мать была дочерью Пахана Братвы. Миа Соколова, дочь Николая Соколова и двоюродная сестра Ивана Соколова.

Эти имена мне знакомы.

О боже мой.

Они не могут быть...

— Это громкие имена в Штатах и в России. — Алекс щелкает ручкой.

— Гарет не знал о происхождении Мии, когда познакомился с ней более двух десятилетий назад. Она сбежала из дома, и он просто взял ее к себе. Конечно, ее отец и двоюродный брат не прекратили поиски. Она запятнала фамилию семьи, сбежав. Когда они узнали о ее отношениях с Гаретом, то приказали своим приспешникам убить твоего отца.

Мои губы приоткрываются, но не издают ни звука.

— Миа и Гарет согласились порвать с этим ради них обоих. К тому времени Миа уже была беременна тобой и твоей сестрой. Твои родители договорились, что каждый возьмёт по близнецу, прежде чем их пути разойдутся. Конечно, Николай и Иван не пошли на это. Они согласились позволить Гарету оставить одного из близнецов только в том случае, если он позволит Братве участвовать в его бизнесе, и он согласился.

Дрожь пробегает по моим конечностям при мысли о том, через что прошли мои родители.

— А другой близнец? — я сглатываю. — Что произошло с ней?

— Миа забрала ее и убежала, но Николай хотел, чтобы девочка стала его наследницей. Учитывая, что Миа была его единственным отпрыском, ее дочь нужно было воспитывать как принцессу Братвы.

— А мама этого не хотела.

Это не вопрос, это утверждение.

Вот почему мы находились в бегах двенадцать лет. Поддельные удостоверения личности и ночные побег теперь имеют смысл.

Мама не хотела, чтобы я была принцессой Русской мафии. Должно быть, она жила в этой роли всю свою жизнь и не могла смириться с тем, что ее дочь переживет такую же судьбу.

Ее усердие и сообразительность тоже имеют смысл. Она знала их обычаи достаточно хорошо, чтобы убегать от них целых двенадцать лет.

— Она этого не сделала, и Николай не был счастлив. — Алекс вздыхает.

— После того, как она бесследно исчезла, он начал доносить Гарета с

просьбой забрать другого близнеца, на что тот, конечно же, ответил отказом. Однако намерения Николая, должно быть, дошли до Мии, потому что она похитила свою вторую дочь из школы. Она планировала вывезти вас обеих из страны и подальше от организации своего отца.

— Но они нашли нас первыми.

Мои глаза наполняются слезами, и чья-то рука давит мне на бедро.

Ашер.

Я совсем забыла, что он здесь.

Мои губы растягиваются в легкой улыбке, когда я принимаю его молчаливую поддержку.

До сих пор я не подозревала, что нуждаюсь в нем рядом.

Алекс прочищает горло, и я снова сосредотачиваюсь на нем.

— Да. Предполагаю, что ей было легче бежать с одной из вас, но вы обе замедлили ее.

— Почему... — я делаю глубокий вдох. — Почему мой дедушка приказал убить свою единственную дочь?

— В том-то и проблема он не приказывал. Николай никогда бы не причинил вреда Мии, как бы сильно он ни угрожал. Должно быть, она сопротивлялась, и ее смерть стала несчастным случаем — или, по крайней мере, я так думал.

Я поддвигаюсь к краю дивана.

— Что ты имеешь в виду?

— После того, как Русские забрали твою сестру, а ты вернулась, чтобы жить с Гаретом, он не переставал искать способы спасти ее. У него даже было несколько шпионов внутри. Из того, что мы узнали, Ивану, племяннику Николая и двоюродному брату Мии, не понравилось, что Пахан передавал свой бизнес девушке. Ну, и ее будущий муж, но это к делу не относится. С тех пор как Мия сбежала, он замыслил уничтожить Николая, уничтожить всех его потомков и захватить власть.

— Ты... ты думаешь, он убил маму нарочно?

— Я почти уверен, что он это сделал. Она стояла у него на пути, и ему нужно было, чтобы она ушла, поэтому он замаскировал это так, как будто она покончила с собой. — его взгляд смягчается. — Мне жаль.

Я проглатываю слезы, грудь разрывается на части от этого откровения. Все, чего мама когда-либо хотела, это спасти нас от чудовищной жизни, которой она жила, и ей пришлось заплатить за это своей жизнью.

— Тогда почему он не убил и ее дочь тоже? — я спрашиваю.

— Полагаю, потому что один из самых доверенных людей Николая схватил ее первым. Как только она оказалась бы со своим дедушкой, даже Иван не смог бы причинить ей боль.

— Значит, Рейна в безопасности с Николаем? — шепчу я.

Алекс делает паузу на середине нажатия своей выдвижной ручки.

— Вижу, ты тоже это помнишь.

— Ты знал? — рычание Ашера заставляет мои конечности дрожать сильнее.

— Конечно, знал. — Алекс возвращается к щелчку ручкой. — Гарет был моим партнером. Мы делились всем.

— Значит, папа тоже знал. — мой шепот полон боли, едва слышен.

Я полагала, что он поймет, что мы с Рейной поменялись местами, но в глубине души я надеялась, что смогу остаться незамеченной. Моя рука находит руку Ашера на моем бедре, и я крепко сжимаю ее, будто это страховочный трос. Я не осмеливаюсь взглянуть на него, молча надеюсь на его поддержку. Он переплетает свои пальцы с моими, и моя нижняя губа дрожит от этого жеста.

— Да, — говорит Алекс. — Он был счастлив вернуть тебя.

Моя голова резко поднимается.

— Он... был счастлив?

— Конечно. Он жил в чувстве вины за то, что позволил тебе и твоей матери уйти все эти годы назад. Он искал тебя так же усердно, как и Николай, но твоя мать была профессионалом в беге.

Я слегка улыбаюсь, прежде чем она спадает.

— Но он потерял Рейну.

— Не совсем. — Алекс наклоняется вперед в своем кресле. — Николай позволял ему время от времени видеться с ней, когда они встречались по деловым вопросам. Гарет также позаботился о том, чтобы она жила хорошо, и так оно и было. Она любила Николая, и он хорошо относился к ней, как к своей принцессе.

О.

Я этого не знала.

— Почему я не виделась с ней? — я спрашиваю.

— Условие Николая состояло в том, что, если вы двое снова соберетесь вместе, это будет только по правилам Братвы. Это значит, что ты сможешь воссоединиться с ней только в том случае, если Гарет тоже откажется от тебя. Он не был готов к этому.

Я сжимаю свои руки.

— Потом что-то случилось, верно?

— Ну, да. — Алекс щелкает ручкой. — Твой отец погиб в результате несчастного случая, в котором, я все еще думаю, виноват Иван. Этот ублюдок всегда ненавидел его до глубины души.

— Значит, Рейна осталась одна?

— С ней были Николай и инсайдер Гарет. Он наемный убийца какой-то секретной организации, который убивает для Братвы. Я общался с ним после смерти Гарета. — Алекс делает паузу, будто пытаюсь смягчить удар от того, что он собирается сказать дальше. — Николай заболел и умер. Я знал, что Иван попытается убить Рейну—Рай — как только сможет, чтобы закрепить свое положение. Я пытался попросить инсайдера вытащить ее, но она не согласилась. Я не знал, что она планировала встретиться с тобой или что ты все еще ее ищешь. — Алекс выпрямляется, становясь в десять раз больше. — Что случилось той ночью, Рейна?

— Мы встретились... — я замолкаю. — Я думаю, что планировала сбежать с ней.

Рука Ашера сжимается на моем бедре, и я вздрагиваю, опуская голову. Он был прав с самого начала; я действительно планировала сбежать.

Но это было больше, чем Блэквуд и любая причина, по которой я должна была ненавидеть его.

Или, может, в конце концов, это как-то связано с ним.

— Она сказала что-то о том, что ей нужно закончить дела и что она найдет меня... Я думаю.

Как я вообще это помню?

Алекс резко кивает.

— У нее есть бухгалтерская книга Николая, в которой хранятся все имена, номера и компромат на людей, с которыми он вел дела. Перед смертью он объявил, что владелец этой бухгалтерской книги является его единственным наследником. Иван не может получить благословение других быть Паханом без этой книги. Вот почему он охотится за ней.

— Так она жива? — я чуть не задыхаюсь от собственного дыхания.

— Я думаю, что да, да. — он потирает подбородок. — Я получил сообщение от своего человека, что она была в безопасности через день после твоего нападения.

— Ничего после?

— К сожалению, нет. Но этот человек не стал бы вступать в контакт, если бы думал, что это подвергнет Рай опасности. Кроме того, Иван переворачивает весь город вверх дном, чтобы найти ее, так что она, должно быть, в бегах. Я бы не удивился, если бы она уехала из страны.

У меня перехватывает дыхание, но это не полное облегчение. Рейна все еще в опасности. Если Иван найдет ее, то заберет эту бухгалтерскую книгу и снимет с нее шкуру живьем.

Они пытаются людей в мафии.

Они хладнокровно убивают их, как сделали с мамой.

— Я найму охрану для тебя, Рейна. — тон Алекса становится не подлежащим обсуждению. — Если Иван думает, что использование тебя против Рай выведет ее вперед, он без колебаний набросится на тебя, как в прошлый раз. То, что они молчат, еще не значит, что они забыли.

— Я согласен, — говорит Ашер.

Мой позвоночник дрожит при воспоминании о боли во всем теле.

Эта война намного серьезнее, чем я думала.

Глава 13

Ашер

Рейне требуется три дня, чтобы съехать из дома Александра.

Три гребаных дня.

Ей пришлось мило попрощаться с этим ублюдком Джейсоном, который начинает действовать мне на нервы.

Если я увижу, как он еще раз обнимет ее, я нарушу это и уничтожу все шансы на то, что он станет профессионалом. Каждый раз, когда он смотрит игру по телевизору, он будет думать обо мне и жалеть, что поднял руку на то, что принадлежит мне.

Рейна провела небольшую прощальную встречу с Элизабет, а затем персонал убедился, что Александр хорошо отнесся к ее переезду и что он разместил ее новую охрану в ее квартире.

Прежняя Рейна никогда бы не возражала против людей, окружающих ее. Она бы приняла свои решения в мгновение ока, и мир мог бы пострадать.

Ну, оказывается, она Рай или что-то в этом роде. Я должен был знать, что Александр владеет всей этой информацией. Я просто никогда не думал, что они с Гаретом могли таким образом скрыть смену личности.

Имеет ли значение ее имя? Это что-нибудь меняет?

Нет, и, черт возьми, нет.

Я никогда не интересовался Рейной до ее исчезновения. Та, кого я запутал во всех неправильных путях, была девушкой, которая вернулась с Гаретом в тот день.

Девушка, которая наблюдала за своим окружением каждый раз, когда двигалась, будто подозревала, что кто-то преследует ее. Оказывается, за ней действительно все это время гонялись люди.

Я не знал, что чувствовать, когда слушал ее разговор с Александром несколько дней назад. Она страдала в детстве и была ребенком в бегах, у

которого не было никого, кроме матери, — и даже эта поддержка была отнята.

Это похоже на нас с Ари после смерти мамы.

Нет. Я не буду думать об Ари.

Эту мысль я гнал от себя с тех пор, как обнаружил Рейну без сознания в том коттедже и после того, как она чуть не спрыгнула с балкона.

Она чуть не *спрыгнула*, черт возьми.

Мои мышцы напрягаются при воспоминании, как будто я вижу ее перед собой, дрожащую, с глазами, полными слез, и ее ногой, угрожающей отказать от нее.

Совсем как Ари.

Я ненадолго закрываю глаза и толкаю дверь здания, открывая ее. Консьерж кивает в мою сторону. Он знает, что лучше не задавать мне вопросов. В конце концов, Александру принадлежит все это проклятое здание.

Верный своему слову, человек, называющий себя моим отцом, обеспечил ее безопасность. Охрана размещена снаружи, и один из них находится в дальнем конце, в углу, рядом со стойкой консьержа. Даже последний имеет некоторую подготовку в области безопасности и быстро отреагирует в случае опасности.

Я нажимаю кнопку этажа пентхауса и ввожу код. Когда двери закрываются, я откидываюсь назад, засовываю обе руки в карманы и позволяю своему разуму блуждать по бесконечным гребаным возможностям, возникшим из ниоткуда.

Рейна никогда не будет в безопасности, если ее сестра не будет в безопасности. Даже если ее сестра мертва, неизвестно, придет ли Иван за ней. Он хотел бы уничтожить последнего потомка рода Николая Соколова.

Пока что остается только Рейна.

И Рай.

Она жила среди них много лет, так что я надеюсь, что у нее есть пара трюков в рукаве, как у ее матери.

Правда, всегда имеется крошечная вероятность, что близнецы поменялись местами, когда воссоединились той ночью. С потерей памяти Рай могла бы подумать, что она снова стала Рейной.

Для меня такая возможность едва ли существует.

Я узнаю Рейну, кем бы или чем бы она ни была. Ее личность немного изменилась — сильно — после потери памяти, но есть те немногие свидетельства.

То, как она отгораживается от мира, скрещивая руки на груди. То, как руководит командой поддержки, будто она была рождена для этого. Как она танцует, как прыгает и как подергивается уголок ее рта, когда она улыбается.

Все эти мелкие детали достаточное доказательство того, что она все та же. Просто теперь она стала более спонтанной, более *сводящей с ума*.

Иногда я, блядь, понятия не имею, как с ней обращаться.

Дверь с шипением открывается прямо в ее гостиную, и я отталкиваюсь от стены, входя внутрь.

Свет горит, но ее нигде нет. Я не захожу на кухню и иду в ее комнату. Рейна никогда бы не стала готовить, даже если бы вы заплатили ей за это. Она говорит, что не умеет готовить, но я начинаю думать, может, это потому, что раньше она знала только русские блюда и не хотела раскрывать эту деталь о себе.

Скоро я заставлю ее открыться мне, как она открылась на том балконе.

Как она всегда хотела, когда мы были подростками.

Звук льющейся воды в душе приветствует меня, как только я вхожу в ее комнату. Ее одежда и сумочка лежат на стуле в полном беспорядке.

Я качаю головой. Еще кое-что о Рейне? Она не может собраться, чтобы спасти свою жизнь.

Мой член дергается при мысли о том, чтобы присоединиться к ней, заставляя ее подпрыгнуть от неожиданности, наслаждаясь ее покрасневшим лицом, а затем погружаясь в ее тепло.

Я могу трахнуть ее у стены или на полу.

Однако с этим придется подождать. Она бросила мне вызов, и это не останется незамеченным.

Я сажусь на край кровати, той самой кровати, на которой я ужинал ею — три раза, — прежде чем вымотал ее до чертиков.

Мой член напрягается, прижимаясь к джинсам, при воспоминании об этом. С тех пор как я попробовал на вкус ее киску, я стал проклятым наркоманом, переживающим ломку.

Звук льющейся воды обрывается, и вскоре после этого она заходит внутрь. Рейна не замечает меня, поправляя крошечное полотенце вокруг себя. Оно едва скрывает выпуклость ее груди и изгиб ее задницы.

Ее мокрые волосы падают по обе стороны плеч, стекая по шее и глубокой линии между грудями.

Мой член выпирает, когда я наблюдаю за каждым ее движением. Требуется вся выдержка, чтобы не схватить ее, не бросить на пол и не трахнуть, как животное.

Единственная причина, по которой я останавливаюсь, это то, что ей нужно сначала заплатить.

Тихий голос в глубине моей головы говорит мне, что я не должен этого делать. Это не входит в мои планы. Это не то, как Ари упокоится с миром.

Но я убиваю этот голос, как всегда, с тех пор как эта новая версия Рейны пришла в себя в больнице с тех пор, как она пососала мой палец, будто она это имела в виду, будто она действительно чертовски этого *хотела*.

Вздых срывается с ее губ, когда ее взгляд останавливается на мне. Эти глаза океанской глубины, эти глаза, которые могли утопить людей одним взглядом.

Когда я был подростком, я мечтал завладеть этими глазами, поймать их где-нибудь в ловушку и заставить смотреть только на меня. Спустя годы ничего не изменилось, только теперь я более откровенен в своих методах.

— Ч-что ты здесь делаешь?

Она замирает и смотрит на себя сверху вниз, прежде чем ее щеки становятся пунцовыми.

Трахните меня и то, как она краснеет. Никто не может подделать это, даже уровень коварной манипуляции Рейны.

Я приподнимаю бровь.

— Ты думала, что я попросил тебя съехать, и не планировал присоединиться?

— Ну, я думала, ты скажешь мне первым.

Она заправляет прядь волос за ухо, словно осознает себя.

Вот что мне нравится в этой ее новой версии — она более реальна, человечна.

Хрупка.

Эта Рейна не боится показывать свои эмоции, в отличие от прежней, которая делала все, чтобы подавить их, даже если для этого ей приходилось причинять боль себе и всем вокруг.

Ее мир был постоянной битвой за то, чтобы быть роботом, быть безрегентной и пустой. Может, именно поэтому сейчас у нее бывают такие моменты, когда она просто ломается, позволяя внешнему миру взломать ее броню.

Эта Рейна не помнит, зачем ей нужно было скрывать свои эмоции, и в результате она более искренна.

Больше... веселая.

— Я здесь, разве нет? — я спрашиваю.

— Ну, очевидно. — она смотрит на меня сквозь ресницы. — Как долго ты намерен здесь оставаться?

— Так долго, как мне заблагорассудится.

Все мои вещи у меня в машине, и я принесу их позже.

На этот раз я не оставлю Рейну. Я уже совершал эту ошибку раньше, и она решила сбежать. Если бы я был здесь, рядом с ней, или даже мучил ее, она бы не подумала об этом варианте. В ту ночь на нее не напал бы монстр.

— Неважно. — она фыркает. — Ты можешь выйти из комнаты?

— Зачем?

— Мне нужно переодеться, чувак.

Чувак. Серьезно, иногда она совершенно другой человек.

Мои губы кривятся в легкой улыбке.

— Нет.

— Нет?

— Нет ничего такого, чего бы я не видел раньше.

Она прикусывает нижнюю губу, ее лицо приобретает очаровательный оттенок красного.

— Хорошо, я переоденусь в другом месте.

— Не так это работает, королева выпускного. — я наклоняю голову набок. — Нам нужно кое-что уладить.

Ее брови хмурятся.

— Я дал тебе два дня на переезд, а они превратились в три.

Тревога наполняет ее взгляд, дыхание прерывается, не знаю, от волнения или от страха.

Зная Рейну, это, вероятно, и то, и другое.

Раньше я не был уверен, но теперь уверен.

— Ты сделала это нарочно.

Ее единственный ответ — потереть ступню о икру другой ноги.

Это весь ответ, который мне нужен.

— Подойди сюда.

Мой приказ громкий и твердый.

Это тоже работает, так как ее движения замирают.

Она смотрит на меня с опаской, но искра не исчезает, когда она медленно спрашивает:

— Зачем?

— Когда я приказываю, ты подчиняешься, не забыла?

Она медленно приближается ко мне. Тяжелый подъем и падение ее груди отвлекает меня от всего остального, пока мой взгляд не останавливается на скромных движениях ее подтянутых ног. Эти ноги были созданы для того, чтобы обвивать мою талию, когда я вхожу и выхожу из ее горячей киски.

Она останавливается передо мной, наполняя мое пространство ароматом ее геля для душа, сирени и чего-то еще, что полностью принадлежит ей.

Она Рейна, единственная Рейна, которую я когда-либо знал.

— Что теперь? — шепчет она, ее дыхание прерывается на последнем слове.

— Шшш. — я откидываюсь назад, опираясь на руки. — Не разговаривай.

Она наблюдает за движением моих рук, будто она заключенная, а они ее надзиратели.

Во всяком случае, она, похоже, разочарована тем, что я ими не пользуюсь.

— Хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе, Рейна?

Мой голос падает в диапазоне.

Она прикусывает внутреннюю сторону щеки, но ничего не говорит.

— Отвечай, или ничего не будет.

— Я... — она разрывает зрительный контакт и сосредотачивается на своих пальцах ног, которые свернулись на плюшевом ковре. Когда она говорит, ее голос едва слышен. — Да.

— Я не расслышал. — я впитываю ее реакцию, продолжая: — Теперь посмотри на меня и скажи это снова.

Она так тяжело сглатывает, что я слышу это, когда она медленно поднимает голову. Ее веки опускаются, когда она произносит:

— Да.

— Жаль, что ты этого не заслуживаешь. — мой взгляд скользит по ее ногам, ее упругим сиськам и влажной шее, пока я не достигаю ее лица. — Думаешь, это весело бросать мне вызов, королева выпускного?

— Н-нет?

— Почему это прозвучало как вопрос?

— Я не знаю.

Она тяжело дышит, и, судя по тому, как мертвой хваткой она вцепилась в полотенце, она возбуждена, но не любит этого показывать.

— Сбрось полотенце.

Она резко втягивает воздух, когда ее взгляд встречается с моим. В этих голубых глазах тысяча вопросов.

Зачем ты это делаешь? Разве ты не должен ненавидеть меня?

Так же, как и у нее, у меня нет ответа, потому что в этом проблема Рейны.

Я продолжаю возвращаться к ней, нравится мне это или нет. Она держит меня под действием какой-то черной магии. Это в том, как она смотрит на меня, как никогда ни на кого другого.

Как будто я ее единственный и неповторимый.

— Это так ужасно, — бормочет она, словно переводя мои мысли.

— Это мы. — я указываю на ее руку. — А теперь сбрось полотенце. Я не буду повторять в другой раз.

Я чувствую, как она сдается, еще до того, как вижу это. Еще кое-что об этой Рейне? Она живет настоящим моментом, независимо от того, что говорит ей ее мозг.

Она убирает руку, и полотенце соскальзывает с ее тела, прежде чем упасть к ногам.

Трахните меня.

Мне никогда так не нравилось смотреть на обнаженную девушку, как мне нравится наблюдать за Рейной.

Тонкая линия ее талии, ее бедра, которые были созданы для моих рук, гладкая киска, которая просит моего члена внутри нее.

Мой взгляд скользит вверх. Ее соски твердеют под моим пристальным взглядом, соблазняя приблизиться. Это богохульство не прикасаться к ней, когда она прямо здесь.

Полностью моя.

Ее грудь тяжелая и готовая для моего языка и губ, или, еще лучше, моим членом между ними.

Когда-нибудь.

У меня так много планов на ее тело. Оно было создано для меня. Все это.

Я ловлю ее взгляд из-под тяжелых век своими. Еще одна вещь в ней, которая никогда не менялась — всякий раз, когда она возбуждается, Рейне едва удастся держать глаза открытыми.

Как будто она борется с собой, чтобы оставаться в настоящем моменте.

— Как мне теперь тебя наказать?

— Н-наказать?

Ее голос напуган, но черты лица говорят о чем-то совершенно другом.

Волнение, трепет.

Она едва может усидеть на месте в нарастающем предвкушении, ерзая и обнимая друг друга обеими руками.

— Ты бросила мне вызов. Мне не нравится, когда мне бросают вызов. Так что да, Рейна, ты должна быть наказана.

Ее взгляд на секунду устремляется вперед, когда она посасывает внутреннюю сторону щеки. Рейна всегда обладала чертовски сексуальной привлекательностью, которая привлекала всех ублюдков в ее окрестностях. Я знаю, потому что всегда боролся с желанием вырвать им глаза за то, что они смотрели на нее.

И да, возможно, я кого-то избил.

Однако сейчас она излучает иную сексуальную привлекательность. Мой член становится чертовски твердым, чем больше я впитываю ее неуверенность и утонченную невинность.

Она замечает это, когда снова сосредотачивается на мне, и просто так опускается на колени между моими раздвинутыми ногами.

Вид сверху просто сюрреалистический. Рейна, обнаженная и покорная, стоит на коленях между моих ног.

Я никогда к этому не привыкну.

Это было нереально, когда она сделала это в первый раз, и так продолжается и сейчас.

Я скрываю свое болезненное удовольствие, когда ее взволнованные пальцы расстегивают пуговицу на моих джинсах. Это занимает у нее больше времени, чем нужно в ее рвении, и мой член почти вырывается из своих пределов каждый раз, когда ее длинные пальцы касаются моей эрекции.

Наконец ей удастся схватить мой член своими тонкими, крошечными ручками. Я стону, когда она гладит меня снизу вверх.

Мысль о том, что она могла бы делать это с другим мужчиной, заставляет мою кровь раскаляться докрасна.

Она моя.

Блядь, *моя*.

И никто не прикасается к ней, кроме меня.

— Что ты делаешь, Рейна? — мой голос звучит хриплее, чем обычно.

— Ты сказал, что собираешься наказать меня.

Она облизывает головку моего члена, стараясь собрать всю предварительную сперму на своем языке, и я стону, как гребаное животное.

Эта девушка мой ад, и я готов сгореть.

— Я единственный мужчина, перед которым ты когда-либо встанешь на колени, поняла?

— Да, Эш.

— Повтори.

Ее голос становится страстным.

— Да, Эш.

— Снова.

Я никогда не привыкну к звуку ее покорности, к ее словам.

— Трахни мой рот, Эш.

Я чуть не освобождаюсь в ее горло прямо здесь и сейчас.

Будь проклята эта сторона Рейны — это дорога с односторонним движением ко греху, к небытию.

Кто сказал, что легко найти правильную дорогу? Если Рейна не та, я не покину это гребаное место никогда.

Я хватаю ее волосы и наматываю их на руку, полностью контролируя ее.

— Открой этот ротик. — все еще сжимая мой член, она делает, как ей говорят, и приоткрывает для меня губы. — Впусти меня внутрь.

Лизнув в последний раз, она берет меня в рот... в ее горячий, влажный рот.

— Теперь убери руки. Положи их на свои бедра. Если они двинутся, мы будем заниматься этим всю ночь, понятно?

Она кивает вокруг моего члена и опускает руки на бедра. Они такие маленькие, нежные и хрупкие, совсем как она.

Все еще хватая ее за волосы, я двигаю бедрами вперед. Ее ротик крошечный и не принимает всего меня. Я толкаюсь быстрее, ударяюсь о заднюю стенку ее горла и рыча от удовольствия, которое это приносит.

Ее глаза расширяются, и в уголках появляются слезы. Ее руки поднимаются, вероятно, в инстинктивной реакции, чтобы оттолкнуть меня.

— Что я говорил об этих руках?

Она опускает их обратно, ее безумные глаза просят воздуха. Ей не следовало просить меня трахнуть ее в рот, если бы она не знала, во что ввязалась.

— Это наказание, помнишь?

Я стону, когда она отчаянно кивает.

Я выхожу, и она кашляет, отплевываясь. Слюна стекает по уголку ее рта, и ее лицо краснеет, но она снова приоткрывает губы, с нетерпением глядя на меня.

Черт, эта девушка.

Ее безоговорочная покорность проворачивает дерьмо с доминирующей стороной меня. Кто бы мог подумать, что жесткая, решительная Рейна позволит мне так вольничать с ней?

Я снова вонзаюсь, ударяя ее в заднюю часть горла, перекрывая доступ к воздуху, а затем давая ей возможность дышать только для того, чтобы снова войти и выйти.

Как она и просила, я трахаю ее рот.

Мне принадлежит еще одна ее часть, которая раньше была недоступна.

— Прикоснись к себе, — приказываю я.

Это должно было быть наказанием, но я хочу увидеть ее лицо в оргазме, когда я кончаю ей в глотку.

Она даже не останавливается, чтобы подумать об этом. Рейна раздвигает бедра и играет со своим клитором, издавая вокруг меня неразборчивые звуки.

— Введи в себя палец.

Мой тон становится грубее с каждым сантиметром в ее ротике. Громкий стон вырывается у нее, когда ее рука исчезает между ног, приближая себя к оргазму.

— Добавь еще один, — приказываю я.

Она подчиняется, ее глаза слегка закрываются при этом движении. Звуков, которые она издает, достаточно, чтобы заставить священника согрешить.

Рейна воплощенное чертово искушение.

— Сильнее, — стону я. — Быстрее.

Ее рука входит и выходит из ее киски в ритме, который почти совпадает с моим собственным. Затем она замирает, опустив глаза, когда ее охватывает дрожь во всем теле.

Нет ничего прекраснее, чем смотреть, как кончает Рейна, как выгибается ее спина, как вздымаются ее сиськи, а розовые соски становятся твердыми, как крошечные бриллианты. Пот покрывает ее брови, и она выглядит как богиня секса, когда закрывает глаза, слегка откинув голову назад.

Богиня секса, которая полностью моя.

Когда ее волна спадает, я вытаскиваю свой член и хватаю ее за волосы достаточно сильно, чтобы ее глаза распахнулись.

— Открой этот рот. — ее губы медленно приоткрываются. — Покажи мне свой язык.

Ее брови хмурятся, но она делает, как сказано. Я кладу кончик своего члена ей на язык и кончаю ей в глотку. Мои яйца сжимаются с силой освобождения, когда я наслаждаюсь тем, как моя сперма покрывает ее язык и губы, как она стекает по уголку ее рта и вниз по подбородку.

Моя.

Блядь, моя.

Рейна не прерывает зрительный контакт, поскольку я владею каждым сантиметром ее тела, отмечаю ее, чтобы ни один ублюдок больше не приблизился к ней.

— Теперь, глотай. Полностью.

Она делает, даже облизывает губы, чтобы не пропустить ни капли.

Мои пальцы гладят ее волосы, когда она смотрит на меня с довольным выражением лица, выражением кого-то такого довольного и бескостного.

Я отпускаю ее голову и похлопываю себя по коленям.

— Иди сюда.

Стоя на дрожащих ногах, она без протеста взбирается по моему телу и обхватывает бедрами мою талию.

Я снимаю футболку, бросаю ее рядом с кроватью и стягиваю джинсы с ног, позволяя своему члену оказаться на ее голой заднице.

Ее голова покоится на моем плече, как у маленького ребенка, которому нужно поспать. Она, должно быть, устала после всех переездов и сегодняшней тренировки.

Я обнимаю ее рукой за спину. Я хотел трахнуть ее, но теперь, когда она так мирно лежит в моих объятиях, я хочу, чтобы этот момент длился дольше.

Какого черта?

Ее палец скользит по моему бицепсу и моей татуировке. Некоторое время она молчит, рисуя медленные узоры на моей коже.

— Что это за язык? — бормочет она сонным голосом.

— Арабский.

— Что это значит?

Мое прежнее умиротворенное настроение исчезает. Я могу притвориться, что ничего этого не произошло, могу притвориться, что все это прекрасно.

Но это не так.

Однажды мне придется проснуться и сделать то, что я планировал с самого начала.

Мои кулаки сжимаются по бокам.

— Око за око.

Глава 14

Ашер

Три года назад

Я тяжело дышу, когда заканчиваю с мудаком, который посмел прикоснуться к ней.

Положил на нее свои проклятые руки.

Заставил ее..

— Черт!

Я рычу, снова и снова ударяя кулаком в стену.

Боль взрывается в костяшках моих пальцев, а кровь сочится из порезанной кожи. Это никак не помогает подавить кипящую во мне ярость. Во всяком случае, это раздувает пламя, заставляя его гореть еще жарче, нуждаясь в разрядке.

Я пинаю жалкого ублюдка, лежащего на полу у моих ног. Он издает беспомощный, детский всхлип, но уже лежит без сознания посреди своей гостиной.

Когда я пришел сюда в лыжной маске и с битой в руках, я хотел избить его до полусмерти, но после первого удара этого оказалось недостаточно. Я должен был почувствовать, как его кожа кровоточит под моей.

С тех пор как я наткнулся на этого ублюдка, засовывающего свой член в глотку Рейны, все, что я вижу, это черноту.

Сначала я ударил его, и он умолял, как девица в беде. Он спросил, не отец ли я одной из девушек, фотографии которых он хранит. Тогда это стало интересным.

Я не стал сдерживаться.

Я прижал его к стене и врезал кулаком ему в лицо, пока один из его глаз не распух и не закрылся. У него, наверное, сломан нос, и он продолжает истекать кровью по ковру, как свинья.

Потом, когда он упал, крича мне, чтобы я пощадил его, я пнул его. Когда он умолял и сказал мне, что больше не будет подглядывать за маленькими девочками, я надавил ему на грудь ботинками, пока не услышал треск ломающихся ребер.

Сейчас он отключился.

— Давай. — я присаживаюсь рядом с ним. — Сражайся со мной, ублюдок.

Он кашляет, булькая кровью. Оба его глаза теперь закрыты, один из них опухший и фиолетовый.

Я сжимаю его рубашку в своих пальцах и поднимаю его с пола. Его светлые волосы с белыми прядями наполовину пропитаны красным.

— Ты посмел прикоснуться к ней. — мой голос на грани срыва. — Ты, блядь, посмел кончить ей в глотку.

Он бормочет, пытаясь что-то сказать, но из него вырываются только неразборчивые звуки.

Я встряхиваю его, заставляя его голову откинуться в неловком положении, будто она вот-вот сломается. Когда он снова заговаривает, я наклоняюсь ближе к его залитому кровью лицу, распухшему и неузнаваемому.

— О-она... она... у-умоляла о... моем члене.

Я замираю, и на секунду мне кажется, что я сейчас превращусь в лед и разобьюсь.

Но нет.

Глубокая, черная ярость сжимает меня в своих тисках. Я поднимаюсь на ноги, мои мышцы сжимаются так сильно, будто вот-вот треснут, черт возьми.

Я пинаю его в пах, пока он не хрипит от боли.

— Этот член?

Он стонет и корчится в судорогах на полу, но я не останавливаюсь. Я продолжаю пинать его снова и снова, пока не буду уверен, что сделал его импотентом.

Это ошибка, что у такого больного ублюдка, как он, все равно рабочий член.

Как только он перестает двигаться, я покидаю его загородный дом, который он приобрел, обучая детей и залезая к ним в штаны.

Убедившись, что меня никто не видит, я выскальзываю через задний вход и пробираюсь через кусты, где спрятал свою машину.

Секунду я стою, тяжело дыша. Мои руки измазаны кровью, и ботинки тоже. Я едва могу дышать в лыжной маске.

Вот во что она меня превратила.

В чертового преступника, ни о чем не сожалеющего.

Она схватила меня за живот много лет назад и с тех пор отказывалась отпускать.

Я достаю свой телефон и набираю номер человека, который разберется со всем этим беспорядком.

— Александр Карсон слушает.

Только мой отец ответил бы на звонок своего сына, назвав его полное имя.

— Ашер Грей Карсон слушает. — я не могу удержаться от сарказма.

Он вздыхает.

— В чем дело, Ашер? Я занят.

— Тогда ты станешь более занятой.

— Что ты сделал? Ударил другого студента за то, что он посмотрел на Рейну? — он снова вздыхает. — Я устал от твоих выходок с одноклассниками. Я не могу каждый раз расплачиваться с родителями этих детей.

— Конечно, можешь. Это твоя роль, не так ли? Платить за вещи.

Я могу представить, как он закрывает глаза и потирает брови. Это то, что он делает каждый раз, когда я говорю ему, что он никогда не был отцом для Ари или для меня, словно он ищет терпения, чтобы иметь дело со мной.

— Есть ли смысл в твоём звонке, Ашер? Если нет, то у меня дела...

— Я избил учителя. Это худшее избиение на сегодняшний день. Не знаю, будет ли он жить или умрет.

— Что ты только что сказал?

— Учитель, Александр. Я хочу, чтобы он уехал из Блэквуда.

Обязательно поищи его биографию — он чертов педофил.

— Насколько ты вовлечен в это дело? — его голос напряжен.

Постороннему человеку может показаться, что он заботится о благополучии своего сына. На самом деле он не хочет, чтобы что-то запятнало его безупречную, прилежную фамилию, на создание которой он потратил годы. Если его сына назовут преступником, никто не наймет его фирму.

Я смотрю на свои руки и кровь, сверкающую на свету.

Насколько я в этом замешан?

— Очень глубоко, — говорю я Александру.

— Ты оставил отпечатки пальцев?

— Несколько, да.

Я пришел в перчатках, но мне нужно было почувствовать его кровь на своей коже.

— Чертов ад. — он дышит в трубку. — Хорошо, уходи. Я позабочусь об этом.

Я вешаю трубку, не сказав больше ни слова. Александр не заслуживает никакой благодарности. В конце концов, он оставил нас одних заботиться друг о друге после смерти мамы. Самое меньшее, что он может сделать, это заплатить цену за то, кем мы стали.

Я, полный ярости и глубоко укоренившейся боли.

Ари, хрупкая и иногда холодная.

Мне требуется пятнадцать минут, чтобы добраться до нашего дома, а затем отправиться в свою комнату. На мгновение я останавливаюсь перед комнатой напротив моей.

Ее комната.

С тех пор как в начале года умер ее отец, Рейна живет с нами.

Со мной.

Лично, но никогда в мыслях.

Мои кулаки сжимаются по обе стороны, когда я вспоминаю слова этого ублюдка.

Она умоляла о моем члене.

Он мог солгать. Я должен был бы в это поверить, но он был не в том состоянии духа, чтобы думать о лжи после того, как я избил его почти до смерти.

Кроме того, после всего, что сделала Рейна, что отличает это от других?

Я закрываю глаза, отгоняю мысли о ней, но сосущие звуки, которые она издавала из-под стола, когда он гладил ее по волосам, атакуют мой мозг. Она звучала как начало гребаного порно.

Я должен был убить этого ублюдка.

— Что... что случилось? — ее слегка хрипловатый голос заставляет меня открыть глаза.

Рейна стоит в дверях в шортах и топе. Они облегают ее атлетическое тело, как вторая кожа.

Соблазнительница. Она всегда была такой гребаной соблазнительницей.

Ее глаза, в которых обычно нет эмоций, немного расширяются, когда она смотрит на мои окровавленные руки и обувь, мои сжатые кулаки и челюсть.

Держу пари, на меня стоит посмотреть.

— Что у тебя с руками? Почему они в крови?

Она подходит ко мне и протягивает руку, будто хочет прикоснуться ко мне, прежде чем быстро опускает, понимая, кто она и кто я.

Рейна не прикасается ко мне. Она даже не позволяет мне поцеловать ее. Несколько раз, когда я пытался, она так сильно отгораживалась, что это все еще оставляло черную дыру в моей груди.

Но она умоляла о члене учителя.

Она позволяет другим футболистам флиртовать с ней, словно она одинока. Как будто меня, блядь, не существует.

— Ты снова избил человека? Что с тобой не так? — она складывает руки на груди, воздвигая, между нами, невидимую стену.

Я чертовски ненавижу, когда она так делает.

В это время у меня нет места для размышлений, не говоря уже о том, чтобы действовать рационально.

Гнев, который мучил меня с полудня, усилился до опасного уровня.

Я думал, что избиеение этого больного ублюдка насытит меня, но это только все ухудшило.

Или, скорее, его слова.

Я бросаюсь к Рейне и хватаю ее за горло своей окровавленной рукой с разбитыми костяшками пальцев.

Рейна едва заметно вздрагивает, когда я прижимаю ее спиной к стене.

— Ты. — мой рот парит в нескольких сантиметрах от ее рта. — Ты это то, что, черт возьми, со мной не так, Рейна.

Ее лицо краснеет — от нехватки воздуха, — но она не сопротивляется. Она не пытается оттолкнуть меня от себя.

Статуя.

Холодная, безжизненная статуя.

Какого черта я вообще думал, что она может быть кем-то другим?

Я отпускаю ее с ревом, мои сухожилия рвутся от напряжения. Затем я ударяю кулаками по обе стороны от ее лица, еще сильнее раздирая костяшки пальцев.

Свежая кровь стекает по стене, пока я тяжело дышу, глядя на нее сверху вниз. Она смотрит на меня в ответ такими голубыми глазами, что я мог бы в них утонуть.

Она даже не моргает, просто стоит.

Но впервые за долгое время слеза скатывается по ее щеке. Это всего лишь одна-единственная слеза, но она создает хаос в ее взгляде.

На мгновение ее глаза наполняются глубокой печалью, и это сводит меня с ума. Это разрывает меня на части и режет на куски.

Я не думаю, когда опускаю голову и прижимаюсь губами к ее губам, кусая их, пожирая их. Рейна это запретный плод, нечто изысканное на вкус, потому что это грех. Ее рот дрожит, и я открываю его, погружая свой язык. Я наслаждаюсь ею, ее дыханием и мягкостью. Ее вкусом и даже ее гребаной холодностью.

Она не целует меня в ответ. Рейна никогда не целует меня в ответ, но, по крайней мере, на этот раз она не отталкивает меня, просто позволяет мне целовать ее, пока она стоит, прижав обе руки к бокам.

Затем, как будто понимая, что она не должна этого допустить, ее руки сжимаются в кулаки, и она отталкивает меня на расстояние вытянутой руки.

Ее грудь поднимается и опускается от напряжения, в такт моему ритму.
— Забудь меня, Ашер, — шепчет она. — Я не заслуживаю того, что ты для меня делаешь.

— Забыть тебя?

Я снова обхватываю ее рукой за горло.

На этот раз рука не перекрывает ей доступ воздуха; хватка достаточно тверда, чтобы удерживать ее на месте, чувствовать ее пульс и знать, что она действительно человек, а не робот.

— Ты думаешь, это может произойти одним щелчком пальца? Если бы я мог, я бы сделал это давным-давно.

Как только проявилась ее уязвимость, она снова спрятала ее, и ее холодное «я» снова проявилось, как лед, который никогда не тает.

— Мы токсичны, — говорит она. — Это все, чем мы являемся.

— И это твоя вина, королева выпускного. В следующий раз, когда позволишь кому-нибудь прикоснуться к тебе, я, блядь, убью их.

— Ты не станешь.

— Испытай меня. Ты продолжаешь демонстрировать мою уродливую сторону, и мне любопытно посмотреть, как далеко я зайду.

Я отпускаю ее толчком и возвращаюсь в свою комнату.

После того, как я раздеваюсь, я стою под холодным душем больше двадцати минут, мой член тверд и пульсирует.

Каждую секунду я борюсь с желанием ворваться в ее комнату и трахнуть ее, одновременно душа ее.

Мне все равно как, я просто должен трахнуть ее, заявить на нее права, научить ее, что она, блядь, моя.

Зная Рейну, она позволит мне прикоснуться к ней, только если я ее изнасилую.

Она будет неподвижной, пока я не кончу, как какое-то гребаное животное.

Меня это не интересует. Меня не интересует ее холодное отношение и чопорность. Я хочу, чтобы она выкрикивала мое имя, извивалась подо мной, когда я вонзаюсь в нее.

Я хочу, чтобы она хотела меня так же сильно, как я хочу ее.

Она уже много лет оставляет меня с проклятыми синими яйцами.

Выключая воду, я оборачиваю полотенце вокруг талии и выхожу из ванной. Перевязываю раны, затем надеваю баскетбольные шорты и футболку, прежде чем устроиться на балконе.

Ночное небо ярко освещено таким количеством звезд.

Давным-давно, когда нам было по двенадцать, я признался Рейне, как сильно скучаю по маме. Это был первый раз, когда я признался в этом после ее смерти.

Когда мне было десять, я стал отвечать за Ари и за себя. Александр был бесполезен. Мне пришлось стать взрослым слишком рано, и со временем мне всегда хотелось сказать кому-нибудь, что я скучал по маме. Что иногда я смотрел на ее фотографию и винил ее в том, что она оставила нас с Александром, а потом чувствовал себя дерьмово из-за этого.

Единственным человеком, который знал это, была Рейна. Была ночь, и у наших отцов было какое-то собрание, поэтому мы лежали на спине на заднем дворе и смотрели вверх.

Рейна указала на звезды и упомянула, что ее отец сказал, что ее мама смотрит на нее сверху вниз. Она говорила, что это глупо, и сама в это не верила. Она сказала мне, что я должен позаботиться о себе, чтобы, когда я снова встречу свою маму, она гордилась мной.

Затем она взяла меня за руку и сказала:

— Я хочу, чтобы моя мама гордилась мной, когда мы снова встретимся. Я тоже по ней скучаю.

Думаю, что именно в этот момент я попался в ее ловушку и так и не смог найти выход.

Рейна тогда не была такой замкнутой, как сейчас. Она разговаривала со мной и рассказывала разные вещи. Когда-то мы были друзьями, даже лучшими друзьями.

Перемены начались после нашей помолвки. Она начала держаться на расстоянии, будто ее не должны видеть со мной.

Это ухудшилось после смерти Гарета. Она позволила мне обнимать ее перед сном в ночь его похорон, только в ту единственную ночь, а утром превратилась в бесчувственную статую, которая вела себя как робот.

Который нарочно настроил меня против себя.

Избегал меня нарочно.

Глубокий вздох вырывается у меня, когда я смотрю на звезды. Когда я потерял ту девушку, которая держала меня за руку? Могу ли я вообще вернуть ее сейчас?

— Грэй!

Моя младшая сестра Ари врывается на балкон с широкой улыбкой на лице.

Черт, я был слишком поглощен своими мыслями; я не заметил, как она вошла.

Черные волосы Ари собраны на макушке, а глаза блестят. Они светло-зеленые и голубые, смесь маминых и Александра. Ее лицо так похоже на маму, будто однажды она вырастет и станет такой же, как она.

Все волнение исчезает с ее лица, когда она сосредотачивается на моих руках. Несмотря на то, что они забинтованы, ясно, что они в ранах.

— О Боже мой. Что случилось, Грей?

Ари единственная, кто называет меня по второму имени. Это началось, когда мы были маленькими, и она решила, что Ашер слишком суров. Кроме того, мама назвала меня Ашером в честь нашего покойного дедушки, а Ари не была его большим поклонником.

— Тренировка. — я ухмыляюсь. — Как прошел день у моей любимой девочки?

Я не хочу вываливать свое дерьмо на Ари. Для нее я должен быть только братом, на которого она может положиться — в отличие от нашего отца.

— Скучно. — она садится напротив меня. — И это не может быть результатом тренировки.

— Не беспокойся об этом.

— Я беспокоюсь о тебе. — она смотрит на свои колени. — Ты единственный, кто у меня есть, и я чувствую, что теряю тебя из-за твоей одержимости Рейной.

Я замираю, моя грудь сжимается от напряжения. Может, я был недостаточно осторожен; может, мое настроение влияет на Ари.

Блядь. Ее психотерапевт посоветовал нам не подвергать ее слишком сильному стрессу.

— Этого больше не случится. — я смягчаю свой голос. — Я буду спокоен.

Это ложь.

Эта не прекратится.

Назовите это навязчивой идеей, зависимостью или явным безумием, но это просто не прекратится.

Оно продолжает пульсировать у меня под кожей, как гребанный зверь, разрушительный и смертоносный.

— Я понимаю, почему ты так с ней, знаешь ли.

Она бросает на меня быстрый взгляд, прежде чем снова сосредоточиться на своих ногтях, постукивая ими друг о друга.

Это ее нервная привычка.

— Рейна особенная, но она никого не любит. — ее голос наполняется печалью. — Даже тебя, Грей.

Моя челюсть сжимается, и я заставляю ее разжаться.

Не влияй на Ари.

Не смей влиять на Ари.

Если она слишком напряжена, она просто начнет совершать глупости, например, ходить ночью и плакать ни с того ни с сего.

Мы с трудом стабилизировали ее состояние с помощью Рейны. Мы не можем вернуться к этой фазе.

— Но ты просто ничего не можешь с этим поделать, верно? — медленно спрашивает она.

— Могу.

Ее глаза загораются.

— Можешь?

Я бы сделал все, чтобы Ари была счастлива. Гребаное все, что угодно.

— Конечно. Я с ней только из-за сделки Александра и Гарета. Рейна ничего для меня не значит. Она мне никогда так сильно не нравилась.”

— Серьезно?

— Да, — лгу я сквозь зубы.

Ари должна верить, что я держу себя в руках, чтобы она смогла довести дело до конца. Она подражает мне во всем, иногда даже в настроении.

— В таком случае... — она снова смотрит на свои колени. — Я должна кое в чем признаться. Ты первый, кому я это рассказываю, и... и... Я... я не хочу, чтобы ты меня осуждал.

Она снова принимается стучать ногтями.

Я заставляю себя отвести от них взгляд и улыбаюсь.

— Я бы никогда не стал тебя осуждать. Я твой Грэй, не забыла? Облако, которое защищает тебя от всего.

Стук прекращается, когда она улыбается мне.

Даже ее улыбка похожа на мамину.

Вскоре после этого она снова смотрит на свои колени.

— Когда Рейна вошла в нашу жизнь, она заботилась обо мне, не прося ничего взамен. Это заставило меня почувствовать себя такой благодарной за то, что кто-то еще, кроме тебя и папы, заботится обо мне. Я думала... Я думала, что только моя семья когда-нибудь полюбит меня, поэтому, когда Рейна полюбила меня, это внесло яркость в мою жизнь.

Я киваю. В то время как Рейна изменилась по отношению ко мне, она никогда не относилась к Ари по-другому. Она заботилась о ней и не давала другим издеваться над ней.

И за это я благодарен.

— Со временем... — она замолкает, а затем выпаливает: — Яркость усилилась.

— Верно.

— Ты не понимаешь? — она пристально смотрит на меня.

Мои брови хмурятся.

— Не понимаю что?

— Я люблю Рей.

— Я знаю, что любишь.

— Нет, не такая любовь. Я влюблена в нее, Грей, — в романтическом плане. Как будто я не могу жить без нее.

Я остаюсь неподвижным, словно кто-то вылил мне на голову ведро ледяной воды.

Влюблена в нее.

В романтическом плане.

Что за вечно любящий пиздец?

Ари возвращается к маниакальному стуку ногтей.

— Ты... ты сказал, что не станешь осуждать меня.

Черт.

Мой пульс учащается, будто я выхожу из-под прилива адреналина.

Удивлен ли я, что моя младшая сестра предпочитает девочек? Конечно, слегка, но я не осуждаю ее за это.

Нисколько.

Если она думает, что ей лучше с девушкой, так тому и быть. Это ее жизнь.

Но почему, черт возьми, это должна быть Рейна?

Просто почему?

— Ты...ты ненавидишь меня? — ее голос становится ломким. —

Пожалуйста, не ненавидь меня. Мне так жаль, Грей. Я не хотела быть такой и...

— Эй. — я беру ее руки в свои, заставляя мышцы моего лица перестать сжиматься. — Я никогда не буду ненавидеть тебя, Ари. Ты моя младшая сестренка. Я буду любить тебя, пока ты не состаришься и не поседеешь.

— Ты не против того, что я только что сказала?

— Конечно не против, — удается мне сказать. — Это решать Рейне.

— Думаешь, я должна признаться?

Ее глаза вновь обретают часть своего блеска.

— Делай, как хочешь, Ари.

Я просто надеюсь, что Рейна мягко откажет ей. Обычно у нее хороший материнский инстинкт.

И я уверен, что Рейна не согласится. Она никогда не проявляла интереса к тому же полу, и хотя она сопротивлялась мне, она не всегда была невосприимчива к моим прикосновениям. Я всегда замечал, как ее кожа нагревалась, а тело боролось, чтобы она не растаяла от моего прикосновения.

Может, поэтому меня чертовски бесит, что она всегда отталкивала меня.

Когда Ари поймет, что у нее нет будущего с Рейной, ее увлечение угаснет.

— Спасибо, Грей! — она обнимает меня за шею в объятиях. — Ты самый лучший брат в мире.

Нет, я худший.

Потому что я не хочу делить Рейну.

Даже с моей сестрой.

Глава 15

Рейна

Прошла неделя с тех пор, как я вернулась в свою квартиру — вернее с тех пор, как мы с Ашером съехались.

Он принес свою одежду и ноутбук и занял место в моем шкафу, не спрашивая разрешения.

Не то чтобы я этого хотела.

Честно говоря, я не думаю, что смогла бы сделать это без него. Одиночество пугает меня больше, чем я хотела бы признать. Вот тогда-то и набегают мрачное облако, наполняя мою голову всеми этими мрачными мыслями.

Я слушаю, как Люси и Прескотт обсуждают некоторые движения, которые тренер добавила в нашу тренировку. Они ссорятся, и хотя наблюдать за этим восхитительно, мои мысли не с ними.

Они продолжают возвращаться к Рейне. Хотя Алекс пообещал, что даст мне знать, как только его инсайдер свяжется со мной, я все еще нервничаю.

Я должна повторять себе, что Рейна сильнее меня. Она так долго продержалась среди монстров. Конечно, она может продолжать это делать.

Помимо моей сестры, кое-что еще продолжает занимать мои мысли.

Ашер.

Он вел себя, мягко говоря, странно.

Каждый день он готовит мне ужин, ничего особенного, но он всегда вкусный, и обычно он кормит меня, заставляя сосать его большой палец после. Затем присоединяется ко мне в душе и приказывает мне взять его в рот, прежде чем он кончит мне в горло или на грудь.

После этого он несет меня в мою спальню на своих сильных руках и поедает меня или трахает пальцами. В других случаях наши сексуальные контакты заканчиваются в позе шестьдесят девять. Вчера он трахал мои

сиськи, заставляя меня схватить их, когда его длина безжалостно вонзалась между ними. Делая это, он приказал мне открыть рот, чтобы его член задевал мой язык с каждым толчком. Я все еще чувствую вкус его спермы на своих губах, когда он кончил с резким ворчанием.

За всю свою жизнь я не была так возбуждена, как прошлой ночью, поэтому, когда он дотронулся до меня, я кончила за считанные секунды.

А потом... конец. Я не шучу, он остановился, как только я кончила, как и каждую ночь.

Оральный секс это единственное, чем мы занимались.

Ашер никогда не доходил со мной до конца и не пытался. Пока он спит рядом со мной, он всегда исчезает до того, как я просыпаюсь, и я нахожу его на кухне, готовящим завтрак.

Что все это должно означать?

Он не может не хотеть меня, потому что он становится таким твердым, как только мы заканчиваем. Он также смотрит на меня так, как будто хочет трахнуть меня самым безжалостным способом, будто хочет задушить меня и кончить в меня.

Однако он не действует в соответствии с этим.

Серьезно, если он продолжит стимулировать мое тело таким непримиримым, диким способом, я закончу тем, что буду умолять его уже трахнуть меня.

Однако по какой-то причине я не думаю, что с ним это сработает.

Ашер обладает впечатляющей выдержкой, которая является частью его сильного доминирования. Он преуспевает в контроле и применяет его также к себе. Разрушить его стены почти невозможно, если только он не оставит какое-нибудь отверстие.

Око за око.

Эти слова, которые он мне сказал, продолжают звучать в голове. Месть или, скорее, правосудие. Вот что они имеют в виду, верно?

Всякий раз, когда я прикасаюсь к его татуировке, он полностью закрывается. Возможно, он все еще спит рядом со мной, но становится холодным, как камень, как Ашер, которого я встретила, когда впервые открыла глаза в больнице.

Он здесь, рядом со мной, но иногда его нет. Вспышка одиночества охватывает меня всякий раз, когда он прерывает меня и исчезает в своем черном замке с высокими башнями и металлическими воротами.

Моя грудь сжимается при мысли о том, что он может никогда меня не простить.

В каждом замке есть вход; мне просто нужно поискать, чтобы найти его.

Мне нужно выяснить, что, по его мнению, я сделала, и как-то это исправить — или, по крайней мере, надеяться, что это поправимо.

Потому что я не хочу иметь части Ашера, пока он прячет остальные.

Я хочу света и тьмы. Здравомыслия и безумия. Красоту и уродство.

Я хочу всего.

Точно так же, как мне нужно, чтобы он принял меня целиком.

С улыбкой я говорю Люси и Прескотту, чтобы они рассказали мне о своем решении после обеда, а затем оставляю их одних.

Прекрасно, я могла бы начать помогать Прескотту в его шагах к Люси. Она явно заинтересована в нем, но всегда отступала, думая, что он положил глаз на Бри.

Говоря об этом, я иду по коридору. Я не утруждаю себя приветствием студентов, которые смеются мне в лицо и пишут неприятные комментарии в этом сомнительном аккаунте.

Я им ничего не должен. Если я им не нравлюсь, встаньте в долбаную очередь и перестаньте лицемерить.

Бри хватает свои книги, опускает голову. С тех пор как ее выгнали из команды поддержки на прошлой неделе, она стала последней сплетней в кампусе.

Наоми ясно дала понять, что Бри не приглашена сидеть за нашим столом за обедом, и все остальные в команде держались от нее подальше.

Чёрная-книга-Блэквуда теперь пишет о ней больше, чем обо мне.

Как только она видит меня, то свирепо смотрит и проходит мимо.

— Ты хочешь вернуть свое место?

Она останавливается как вкопанная и оборачивается, когда последние студенты выходят на улицу.

Теперь только она и я.

— Это какой-то трюк? — рычит она.

— Сделка.

Я поворачиваюсь к ней лицом и скрещиваю руки на груди.

Ашеру не нравится, когда я так делаю, но это не имеет значения, когда я с другими людьми. Кроме того, я нуждаюсь во всех моих крепостях, чтобы противостоять врагу.

— Какой вид сделки? — медленно спрашивает она.

— Скажи мне то, что я хочу знать, и я позволю тебе вернуться.

Она прижимает свои книги к груди, не в силах скрыть искру возбуждения в глазах. Будучи сухой, Бри является хорошим подспорьем для команды, и теперь она, должно быть, поняла, что она ничто без поддержки команды поддержки.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает она.

— В старших классах, когда Арианна была жива, какими были наши настоящие отношения? И я говорю не о том, что думают другие. Мне нужны факты.

Всякий раз, когда я спрашивала Бри об этом, она обычно отступала. Я думаю, Ашер сказал ей не говорить мне ни слова о прошлом, или, может, она сделала это, потому что всегда смотрела на него.

Теперь у нее нет другого выбора, кроме как ответить. Это единственный способ, которым она может с честью покинуть студенческую жизнь, и кто-то вроде Бри никогда бы не упустил этот шанс.

При ведении переговоров всегда одерживай верх.

Слова папы эхом отдаются в моей голове, как будто он сказал их вчера.

— Она... — Бри прочищает горло. — Она была действительно прилипчивой. Есть лучшие друзья, а есть паразиты, и Ари определенно была последним. Она практически высосала из тебя жизнь.

— Как так?

— Она всегда была рядом, знаешь. Всегда. Как твоя гребаная тень. У тебя никогда не было времени побыть наедине с Ашером, и тебе слишком нравилась эта сучка, чтобы отчитывать ее.

— Ты можешь хорошо говорить о мертвых?

Она приподнимает плечо.

— Она мне никогда не нравилась, ясно? От нее исходили флюиды. Клянусь, я видела, как она положила лифчик в сумку Ашера в тот день.

Мои брови хмурятся.

— Какой лифчик?

— Верно, ты не помнишь. Ну, ты сильно поссорилась с Ашером в выпускном классе после того, как нашла лифчик в его спортивной сумке.

— И ты видела, как она его положила?

— Да и сказала тебе, но ты мне не поверила. Так что неважно. Не то чтобы у меня сейчас была какая-то причина лгать. — она поправляет сумочку на плече. — Кроме того, это не совпадение, что Ашер застукал тебя отсасывающей у учителя истории вскоре после этого.

Мои глаза почти вылезают из орбит.

— *Что?*

— Об этом говорила вся школа. Мы с Ашером застали тебя, делающей минет учителю истории. Ты пряталась под столом, но учитель говорил что-то вроде: «Да, еще, Рейна. Ты такая хорошая девочка, Рейна.» Это было так мерзко.

Нет, нет. Я бы этого не сделала, верно?

Даже Старая Рейна не опустилась бы до такого уровня.

— Что сделал Ашер?

— А ты как думаешь? Он вышел из себя. Никогда не видела его таким злым, как тогда. Уверена, что это он напал на учителя в те выходные и заставил его уволиться.

Мой разум кружится от количества информации, которая обрушивается на меня. Как я могла так поступить с ним?

Действительно ли я такой монстр, каким он меня назвал, когда я очнулась в больнице?

— Как я уже говорила, этот инцидент и инцидент с бюстгальтером были так близки. Между тобой и Ашером было действительно все плохо.

— Насколько плохо?

— Очень плохо, будто ты мог чувствовать напряжение в воздухе всякий раз, когда вы находились в одном и том же месте. Никто не знал, собираетесь ли вы трахаться или стрелять друг другу в голову. — она приподнимает плечо. — Но у вас всегда было дерьмовое общение друг с другом, так что неважно.

Дерьмовое общение друг с другом.

Является ли это вообще случаем неправильного общения? Все доказательства налицо. Я думала, он мне изменил, а потом он стал свидетелем отвратительной сцены.

Пожалуйста, скажите мне, что я сделала это не из мести. Даже я, подросток, не была бы такой незрелой, верно?

— Затем, вскоре после этих инцидентов, Арианна покончила с собой. Это убило ваши отношения раз и навсегда, — бормочет Бри. — По крайней мере, я так думала.

Это моя бывшая лучшая подруга недвусмысленно говорит, что она всегда приглядывалась к Ашеру.

Ну, не в мое присутствие.

Уродливое зеленое чудовище поднимает голову при мысли о том, что любая другая вцепится в него когтями.

Черт, не думаю, что смогу даже вернуть его Рейне, если она вернется и попросит вернуть ее жизнь.

Как я могла оставаться спокойной все эти годы назад, узнав, что он мне изменил?

Я отбрасываю эту мысль и сосредотачиваюсь на более важных вещах.

— Как эти инциденты связаны со смертью Арианны?

— Все, что я знаю, это то, что она была маленькой гадиной, и Ашер бросил тебя и Блэквуд сразу после ее смерти. — она делает паузу. — Могу я теперь вернуться на свое место?

— Конечно. Но ты больше не младший капитан.

— Что? — огрызается она. — Теперь эта должность принадлежит Прескотту и Люси. Если ты и вернешься, то только как обычная болельщица. Прими это или уходи.

— Прекрасно! — выходя, она ударяет меня в грудь. — Ты такая бесчувственная сука, Рей. Неудивительно, что Ашер бросил тебя. В любом случае, кто захочет быть с таким холодным камнем, как ты?

Ее слова остаются со мной даже после того, как она уходит.

Неудивительно, что Ашер бросил меня.

Неудивительно, что он снова собирается меня бросить.

Это все из-за Арианны.

Мои мышцы напрягаются, а сердце замирает, когда я отступаю назад от силы воспоминаний.

Три года назад

Наглость.

Как он смеет обвинять меня в измене ему, когда он сделал это первым?

Как он смеет кричать мне в лицо, будто я неправа, а он всегда мистер Правильный?

Я прыгаю назад три раза подряд и сильно приземляюсь на правую ногу.

Блядь.

Я пинаю ее о землю. Бесплезная нога. Бесплезное все.

Плюхнувшись на стул, я перевожу дыхание и вытираю лицо полотенцем. Внешний бассейн выходит на задний двор, где Ашер иногда тренируется с Оуэном и Себом.

Не сегодня.

Не то чтобы я хотела видеть его прямо сейчас. Я киплю, как гребанный чайник.

Со стороны кажется, что я тренируюсь, выражение моего лица холодное и сосредоточенное. По правде говоря, я выпускаю пар, чтобы не воспламениться.

Тренировка — это единственный способ, которым я могу воспользоваться. Когда я прыгаю в воздух, я как будто обретаю полную свободу, такую, какую мне не разрешают на земле.

Люди думают, что я ничего не чувствую. Лучше бы я реально ничего не испытывала. У меня не возникло бы желания упереться ногой в стену, а потом разрыдаться.

Боже, мне так хочется плакать.

Но я сдерживаю это желание, укрепляя его льдом.

Мама сказала, что плакать это для слабаков.

Я сильная, как и моя мама, как и Рейна, которая, я надеюсь, тоже держится.

В конце концов, она, похоже, унаследовала гены моей мамы больше, чем я. Она та, кто побежала прямо навстречу опасности, а я оставила ее позади и побежала в противоположную сторону.

— Рей.

Ломкий голос Ари вырывает меня из моих мыслей.

Нацепив улыбку, я вытираю щеку и поворачиваюсь к ней. На ней одна из ее длинных юбок и голубой топ.

Ее черные как смоль волосы, того же цвета, что и у Ашера, коротко подстрижены по обе стороны лица. В отличие от меня, на ней нет макияжа, и она смотрит на меня с добрым, обеспокоенным выражением лица.

Я хлопаю по стулу рядом с собой, и она спотыкается о собственные ноги, присоединяясь ко мне.

В этом смысле она теплая, Ари. Иногда кажется слишком тёплой, чтобы быть правдой.

С тех пор как я познакомилась с ней поближе, я заметила сходство в моих отношениях с Рейной. Никто не может заменить Рейну в моем сердце, но Ари близка к этому. Я любила ее и заботилась о ней как о сестре с тех пор, как мы встретились шесть лет назад.

— Я так сожалею об Ашере. Иногда он бывает таким глупым.

Она впивается зубами в нижнюю губу и стучит большими пальцами друг о друга.

Несмотря на то, как мы сблизились, Ари так и не избавилась от своего беспокойства. Ашер сказал мне, что у нее это развилось после смерти их матери. Ари восприняла это как своего рода заброшенность и жестко отреагировала на это. Мы с ее братом молча согласились защищать ее от окружающего сурового мира.

Ну, столько согласия, сколько мы можем сделать. Ашер и я просто... ошибаемся. Не знаю, настанет ли день, когда мы окажемся правы.

— Все в порядке, — говорю я ей. — Я к этому привык.

— Ну, а я нет. — она опускает голову. — Мне жаль, что он тебя не любит.

Ее слова подобны ножам, вонзающимся прямо в сердце. В глубине души я это знала, но слышать это вслух причиняет боль больше, чем мне хотелось бы признать.

Это как истекать кровью — беззвучно, но смертельно опасно.

Когда мы достигли этой фазы? Когда мы с Ашером перестали держаться за руки и тайком встречаться друг с другом?

Я знаю, когда.

Когда он впервые поцеловал меня в четырнадцать лет. Настоящий поцелуй, поцелуй с небрежными губами, лязгающими зубами и блуждающими языками.

Я поняла, что больше не смогу жить без этого мальчика, и это чертовски напугало меня, потому что Ашер не мой. Он принадлежит Рейне. Я должна была только дружить с ним, а не решать, что хочу оставить его для своего эгоистичного, предательского «я».

Потом папа и Алекс объявили о помолвке, и я приняла решение держаться подальше, похоронить свои чувства и притвориться, что у меня их нет.

Это был единственный способ держаться подальше от того, кто мне не принадлежал.

— Не думаю, что в нем есть это. — яркие сине-зеленые глаза Ари встречаются с моими. — Он похож на моего отца. Я не думаю, что он когда-либо любил мою маму.

Не находя слов, чтобы сказать, я киваю.

— Я... я хотела бы знать это раньше, — заикается она.

— Что ты имеешь в виду?

— Я... Я не хочу, чтобы ты судила меня, Рей. Ты как будто мой единственный друг.

— Все в порядке, Ари. — я держу ее руки в своих. — Ты можешь рассказать мне все, что угодно.

— Ты не станешь судить меня?

— Никогда. — я улыбаюсь. — Лучшие друзья не судят друг друга.

Она так сильно прикусывает нижнюю губу, что я думаю, у нее пойдет кровь.

— Я... я люблю Ашера.

— Я знаю это.

— Нет. — она встречается со мной взглядом, затем быстро отводит его, смотря на свои колени. — Я влюблена в него, Рей. Не как в брата, а как в парня.

Я замираю, моя рука становится холодной, как камень, в ее руке.

О, Боже.

— Он тебя не любит, — выпаливает она и возвращается к постукиванию ногтями друг о друга. — И ты никогда не любила его, так что не могла бы ты, пожалуйста, оставить его мне, Рей? Ты можешь найти что-то получше, я знаю, что ты можешь.

Долгое время из моего горла не вырывалось ни слова.

Я не могу ни говорить, ни дышать.

Я ничего не могу сделать.

Но когда я смотрю на нее сверху вниз, я вижу это громко и ясно. Кусочки начинают складываться один за другим. Недопонимания, инциденты и драки теперь имеют смысл.

Не могу поверить, что мне потребовалось так много времени, чтобы увидеть это. Как я могла быть настолько слепа к фактам, стоящим передо мной?

Как я могла позволить своим эмоциям руководить мной?

Это должно закончиться. Сейчас.

Мне нужно поговорить с Ашером.

Глава 16

Рейна

В ту ночь я не отправилась домой.

Я прячусь в раздевалке и слежу, чтобы все ушли, прежде чем пойду в спортзал и буду прыгать.

Снова и снова.

Адреналин наполняет мой организм, когда я бегу и прыгаю назад. Я прыгаю и падаю вниз только для того, чтобы сделать это снова.

Это не помогает.

Неважно, сколько энергии вливается в мои вены, этого слишком мало, чтобы утолить глубокую боль, которую я испытываю с тех пор, как у меня появилось это воспоминание.

Я наклоняюсь вперед, переводя дыхание. Я в шортах и спортивном лифчике, мои волосы собраны в тугий конский хвост.

Тренажерный зал становится размытым, когда я плюхаюсь на пол, грудь тяжело поднимается и опускается. У меня болят виски, а в животе недовольно урчит. Возможно, я забыла поесть сегодня.

Я сжимаю голову руками, когда на меня обрушиваются безудержные теории. Арианна, Ашер и я были намного больше, чем думают все остальные.

После того, как она рассказала мне, что влюблена в своего брата, я кое-что поняла и собиралась поговорить об этом с Ашером, но что это было?

Логичным шагом было бы спросить его, но, по правде говоря, я боюсь. Мои плечи трясутся от ужаса при мысли о том, чтобы поговорить с ним об Ари.

Она его рана, и если я продолжу вынюхивать, он может немедленно закрыться от меня.

Кроме того, он думает, что я что-то с ней сделала.

Поначалу я не хотела в это верить, но после этого воспоминания я не уверена. Мои отношения с Арианной были такими же странными, как и ее чувства к брату.

И мои чувства к нему.

Потому что даже тогда было очевидно, как много Ашер значил для меня. Я просто была профессионалом в сокрытии этого.

Как мог кто-то столь юный взвалить на свои плечи всю тяжесть мира? Потеря мамы и Рейны, затем потеря отца, и в довершение всего мне пришлось оттолкнуть единственного человека, который добавлял красок в мою жизнь.

Мне не следовало так строго судить Старую Рейну. Возможно, она вела себя как сука, но в то же время ей приходилось иметь дело со стольким.

Добавьте Арианну, и по итогу это было шоу уродов.

— Рей-Рей? — голос Оуэна вырывает меня из моих сумбурных мыслей.

Они с Себастьяном пересекают спортзал и встают передо мной. Они одеты в свои дьявольские бомберы с сумками, перекинутыми через плечи, что, вероятно, означает, что они только что закончили тренировку.

Я смотрю на свои часы: восемь вечера. Ну, черт возьми, я потеряла счет времени.

— Что вы здесь делаете? — я спрашиваю.

Оуэн указывает большим пальцем на Себастьяна.

— Он всегда ошивается вокруг болельщиц, как подонок.

— Ты тоже. — Себ оглядывает меня. — Цундере здесь?

— Ее зовут Наоми, и она уже ушла.

Я вскакиваю на ноги и хватаю полотенце с боковой линии.

Себастьян не смог бы скрыть своего разочарования, даже если бы попытался.

— Я же говорил тебе. — Оуэн поднимает брови. — Подонок.

— Отвали, — говорит Себ.

— Он прав. — я оглядываю его с ног до головы. — Ясно, что она тебе нравится, так почему бы тебе не перестать быть горячим и холодным и не сделать шаг? Она не станет ждать, пока состарится и поседеет.

— Глубокие слова, Рей-Рей. — Оуэн хватается за грудь. — Мне кажется, я сейчас заплачу.

Я закатываю глаза, когда Себ пристально смотрит на меня.

— Жизнь коротка. — необузданное чувство печали охватывает меня. —
Никогда не знаешь, что случится завтра, так что лучше воспользуйся
сегодняшним днем.

Я такая лицемерка. Я говорила себе, что не буду спрашивать Ашера о прошлом, что меня устраивают наши отношения такими, какие они есть.

Нет.

Я хочу чувствовать его больше, чтобы он больше открывался мне, чтобы больше обнимал меня.

Просто *больше*.

Я всегда буду хотеть большего от Ашера.

— Ты изучала философию? — Оуэн тычет меня в бок, и я отползаю в сторону.

— Раньше ты так не думала. — Себ прищуривает глаза. — Ты так и не сделала Ашеру подарок. Заставила его бегать за тобой, пока вы оба не были уничтожены.

— Ты гребаный идиот. — Оуэн хлопает друга по плечу своим. — Это не наша история, чтобы ее рассказывать.

— Ну, она стерла свои воспоминания, так что с таким же успехом могла бы получить тревожный звонок. — Себ подходит ближе, пока не возвышается надо мной. — Ты не можешь проповедовать о настоящем, когда разрушила чью-то жизнь в прошлом. Ашер был так увлечен тобой, что всегда попадал в неприятности, и знаешь, что ты дала ему в награду? Холодное плечо.

Я сглатываю, мои ладони становятся потными. Хотя я и знала это, мне больно слышать это. Это самые близкие друзья Ашера. Они знали его лучше, чем кто-либо другой.

— Ты тоже так думаешь? — спрашиваю я Оуэна тихим голосом.

Он приподнимает плечо.

— Мне не нравится вмешиваться в чужое дерьмо, но да, вы двое были как огонь и вода. Вы просто не смешивались, но, наверное, мне нравилось думать, что у тебя были на то свои причины.

— Да, — шепчу я.

— Ты рассказала ему об этих причинах? — Себ приподнимает бровь. — Потому что он вернулся не для того, чтобы подружиться с тобой. Он стал таким каменным еще со средней школы.

— Но теперь он смягчается, — ухмыляется Оуэн. — Что бы ты ни делала с этим ублюдком, продолжай. Мы действительно думали, что потеряли его с Арианной той ночью.

— Когда он уехал в Англию, стало еще хуже, — говорит Себастьян. — Он вел себя так, будто с ним все было в полном порядке, когда это было не так.

Мы думали, что потеряли его с Арианной той ночью.

Эти слова продолжают звучать у меня в голове, как бы я ни старалась держать их подальше.

Ты разрушила мою гребаную жизнь, монстр.

Это смерть Арианны. Это тот случай, который все испортил.

Я больше не могу убегать от правды. Если я хочу понять, как вывести мои отношения с Ашером на новый уровень, мне нужно исправить прошлое.

Для этого я должна найти его рану, попытаться залечить ее и надеяться, что еще не слишком поздно.

Ложь больше не защитит меня. Правда мой единственный выход.

Оуэн тычет меня в плечо.

— Не провоцируй его.

— Да, он мудака, когда его провоцируют, — говорит Себастьян.

— Что вы имеете в виду? — я смотрю между ними двумя.

— Ну же, Рей-Рей. — Оуэн щелкает пальцами. — Держись подальше от Джейсона Брайтона. Ашеру он никогда не нравился.

— Почему?

— Он думает, что тот притворялся другом Арианны. — взгляд Себастьяна останавливается на мне. — Он подозрительный и всегда околачивается в кампусе, хотя и не учится здесь. Никогда не доверяй никому, кто кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Что ж, Джейсон не слишком хорош, чтобы быть правдой. Он Cloud003, и этот парень совсем не хорош. Он все еще называет меня своей шлюхой и хочет трахнуть меня. Кроме того, Оуэн и Себастьян ненавидят его, потому что он с Рыцарями — соперниками Дьяволов в Блэквуде.

— Но я нравлюсь Ашеру. — Оуэн поднимает брови с хитрой усмешкой и обнимает меня за плечи. — Как насчет минета?

— Опустит руку, пока я, блядь, ее не отрезал.

Мы трое замираем, услышав низкий голос, доносящийся от входа. Ашер врывается внутрь, его кулаки сжаты по бокам, а темно-зеленые глаза метают кинжалы в сторону Оуэна. Не знаю, почему меня так и подмывает встать перед футболистом и защитить его.

Оуэн, Себ и я, возможно, не сошлись во мнениях, но за эти недели мы сблизились. Мне нравится, что они есть в моей жизни, и я рада, что они рядом с Ашером, когда ему необходим друг.

Только сейчас он, похоже, не считает их друзьями.

Во всяком случае, он, похоже, вот-вот врежет кулаком в лицо Оуэну и воплотит в жизнь угрозу насчет своей руки.

— Убери. Руку. — рычит Ашер, но выражение его лица остается нейтральным, даже бесстрастным.

Хотя я знаю лучше. Гнев Ашера это тот тип, который кипит под поверхностью. Когда вулкан наконец извергается, он оставляет после себя только пепел.

Себастьян, должно быть, тоже чувствует убийственное настроение Ашера, так как улыбается в очевидной попытке разрядить напряжение.

— Мы как раз собирались уходить.

— Мы? — Оуэн, кажется, ничего не замечает, но я не уверена, искренне это или просто для вида.

Себ хватает его за плечо и заставляет отпустить меня.

— Да, мы. — Оуэн подмигивает мне. — Увидимся, Рей.

Я машу им рукой, пытаюсь — и безуспешно — игнорировать присутствие, стоящее передо мной.

Когда они проходят мимо него, Ашер останавливает Оуэна и шепчет ему что-то на ухо. Я напрягаюсь, чтобы расслышать, что он говорит, но ничего не могу разобрать.

Лицо Оуэна на мгновение остается пустым, прежде чем он смеется.

— Вот об этом я и говорю.

Он снова подмигивает мне, прежде чем Себастьян утаскивает его.

Как только дверь за ними закрывается, я понимаю, что теперь здесь только Ашер и я.

Мой пульс учащается, и я борюсь с желанием поерзать. Правда, я согласилась встретиться с ним ранее, но не так скоро.

Мне нужно больше времени, чтобы воспитать в себе мужество.

— О чем, черт возьми, ты говорила с этими двумя?

Что-то сжимает его челюсть, и я не могу не смотреть на него и его лицо... его красивое, мечтательное лицо.

Разве это странно, что мне нравится, когда он так кипит? Это значит, что ему не все равно, значит, на него это влияет. Это наполняет меня странной надеждой, верой в то, что, может, только может, еще не слишком поздно.

Я приподнимаю плечо.

— Как обычно.

— Определи это «обычно».

— Просто ерунда, Эш.

Он шагает ко мне и возвышается надо мной, его плечи на грани того, чтобы сломаться.

— Какого рода вещи, Рай?

Мое сердце замирает при этом имени. Несмотря на то, что он знает об этом, он всегда называет меня только Рейной. Это одновременно странно и освобождающе, когда тебя называют этим именем, именем ребенка, которым я являюсь.

— Почему ты меня так назвал? — шепчу я.

— Каждый раз, когда ты будешь называть меня Эш, я буду называть тебя Рай. Разве ты не ненавидишь это?

— Я не ненавижу Рай. В конце концов, это было мое имя в течение двенадцати лет, так что, если ты думаешь, что это удар против меня, ты все неправильно понимаешь. — я замолкаю, пристально наблюдая за ним. — Ты ненавидишь имя Эш?

Его губы сжимаются в тонкую линию, но он ничего не говорит.

— Или ты втайне любишь и ненавидишь?

Я продолжаю, затаив дыхание.

Почему-то я думаю, что именно так Ашер относится ко мне, или, по крайней мере, я на это надеюсь.

Он игнорирует мой вопрос и делает движение за спину.

— Поехали домой.

Дом.

Мое сердце трепещет при этом слове. Какого черта он продолжает сегодня играть на струнах моего сердца?

Я имею в виду, с чего бы ему называть мою квартиру *домом*?
Действительно ли он думает об этом как об одном из них?

Когда я не двигаюсь, он приближается ко мне.

Он отвезёт меня обратно в квартиру, доведет до оргазма, а потом будет спать в другой комнате, будто у меня чума или что-то в этом роде.

Пришло время мне это изменить.

Сегодня все пойдет, по-моему, а не по-его.

Я отхожу за пределы досягаемости и складываю руки на груди. Его острый взгляд заставляет меня опустить их по обе стороны от себя. *Хорошо.* Я могу сделать это, не скрещивая рук.

В конце концов, у Ашера есть и другие триггеры.

— Что заставляет тебя думать, что я хочу поехать с тобой? Я строила планы выпить с Оуэном и Бастианом.

Его лицо не выдает его эмоций, но не напряженность. Есть кое-что, что я узнала об Ашере: он до крайности собственник. После того, как я потеряла свои воспоминания, он пытался скрыть это, но это глубоко в нем. Я часто ловлю его пристальный взгляд на парнях из команды поддержки и на любом парне, который заговаривает со мной. Кроме того, он признался, что хочет причинить им боль всякий раз, когда они прикасаются ко мне.

Если я хочу добиться от него чего-то другого, мне нужно всколыхнуть его уродливую сторону.

Заманивать льва в его логово опасно, но волнующе.

Конечно, я могла бы в конечном итоге заплатить более высокую цену, чем рассчитывала, но, если это удастся сломать шаблон, оно того стоит.

— Да? — спрашивает он со смертельным оттенком.

— Да. Ты только что разрушил мои планы, чувак.

— Рейна, — ворчит он, как будто вот-вот взорвется.

— Что, Эш? — я изображаю безразличие.

Его рука устремляется в мою сторону, и он обхватывает мое предплечье смертельной хваткой, заставляя вздрогнуть. С его рывком я оказываюсь вплотную к его твердой груди, поднимаясь и опускаясь вместе с его резкими вдохами.

Мои соски напрягаются, а голый живот начинает покалывать при каждом прикосновении к его футболке.

Так близко его аромат сандалового дерева и цитрусовых окутывает меня ореолом, одновременно удушающим и освобождающим.

Когда он говорит, по моей чувствительной коже бегут мурашки.

— Я знаю, что ты делаешь, королева выпускного, и ты пожалеешь об этом.

Глава 17

Рейна

Ты пожалеешь об этом.

Хотя эти слова должны были бы напугать меня, что-то совершенно другое течет по моим венам.

Да, страх все еще присутствует. Это сводит мои лопатки вместе и держит в напряжении. Это эффект Ашера; невозможно сказать, что он собирается делать дальше, когда он в таком настроении.

В тот момент, когда мы входим в лифт и он закрывается только для нас двоих, Ашер вводит код моей квартиры. Я никогда не спрашивала его, как он его узнал, но сейчас мне все равно.

Он все еще молчит, как и во время поездки. Мой большой палец двигается вверх и вниз по ремешку сумки в рассеянной ласке, пока я наблюдаю за его боковым профилем.

Пальцы на ногах скручиваются в туфлях на плоской подошве, а пульс не может успокоиться с тех пор, как мы покинули кампус.

Как будто мое тело — пламя, ждущее кислорода, чтобы сжечь все на своем пути.

Однако Ашер не прикасался ко мне.

Почему он не прикасается ко мне?

Подождите — его мысли отличаются от моих? Что он имеет в виду, говоря, что заставит меня сожалеть об этом?

Моя спина прижимается к дальнему углу, и другой тип страха скребет по позвоночнику. Это та часть, где он заканчивает то, что начал много недель назад?

Нет. Он обещал сначала позволить мне найти мою сестру.

Но зачем ему сдерживать свое обещание?

Мое глотание слышно в маленьком пространстве лифта. Внезапно невозможно нормально дышать. Мое дыхание становится коротким и прерывистым, будто его пальцы сжимают мое горло, отбирая запас воздуха.

Он, должно быть, заметил перемену, так как наклоняет голову набок, смотря на меня. В этих зеленых глазах светится что-то зловещее и темное. Они похожи на лес, в котором я потеряла Рейну, засасывают меня до тех пор, пока не останется выхода.

— Эш... — я замолкаю, даже не зная, что хочу сказать.

Не делай мне больно? Позволь мне сначала найти мою сестру? Мне жаль, что у меня появились чувства к тебе, прекрасно зная, что ты не мой?

— Я не хочу слышать твой голос прямо сейчас.

Я проглатываю невысказанные слова, когда лифт звенит, а затем открывается; звук такой громкий и убийственный в тишине, что дрожь пробегает по позвоночнику и по затылку.

Ашер выходит, пока я смотрю на кнопки.

Я могу сбежать прямо сейчас. Охрана Алекса отвезла бы меня к нему домой, и я могла бы провести ночь с Иззи, наверстывая упущенное, играя в Скрэббл или что-нибудь еще, что удерживало бы меня подальше от лап Ашера, в принципе.

— Выходи.

Он стоит перед лифтом, засунув обе руки в карманы.

Я еще раз бросаю взгляд на кнопки.

— Если ты прикоснешься к ним, твое наказание будет еще хуже.

Я пристально смотрю на него, даже когда искра возбуждения сжимает мои бедра.

Я больна? Почему, черт возьми, слово «наказание» превратило меня в такой беспорядок?

Он приподнимает бровь.

— Ты трусиха, Рейна?

Я прищуриваю глаза. Он играет со мной и пытается разжечь во мне соревновательную жилку.

Это работает, черт возьми.

Раздраженно я захожу в квартиру и встаю с ним лицом к лицу. Я могу сказать, что ему это доставляет удовольствие, по тому, как искра освещает его черты.

Ашеру нравится видеть, что у меня нет другого выхода. В своем больном уме он хочет быть единственным, кто оказывает такое сильное влияние на мою жизнь.

Иногда он такой мудака. Ладно, большую часть времени.

— Иди в свою комнату, — говорит он.

— Зачем?

— Молчи и не задавай вопросов.

— Много контролируешь, Эш?

— Да. А теперь делай, как тебе говорят. Если я сделаю это для тебя, добром это не кончится.

Прежний страх возвращается, и я проглатываю свою реакцию на его слова.

Бросив на него последний взгляд, я направляюсь в свою комнату.

— Снимай всю одежду и ложись животом на кровать.

Я останавливаюсь как вкопанная, и моя голова поворачивается.

— Что?

— Ты слышала меня. — и его голос, и поза спокойны, сдержанны, будто он планировал это с самого начала. — Никакой одежды.

— Зачем мне это делать?

Его единственный ответ — ухмылка, прежде чем он направляется в комнату для гостей, где он хранит кое-что из своих вещей.

Меня так и подмывает последовать за ним и потребовать ответов, но разум слишком сильно смущен для этого.

Прерывисто дыша, я направляюсь в свою комнату.

Я не собираюсь делать то, что он говорит. Он не имеет права указывать мне, что делать.

Его властные, контролирующие манеры всегда заставляют меня подчиняться его воле и наслаждаться этим больными, ненормальными способами.

Мой телефон вибрирует в сумке, и внезапный звук чуть не заставляет меня подпрыгнуть. *Дерьмо.* Он привел меня в перевозбужденное состояние, даже не прикоснувшись ко мне.

Я проверяю свой телефон и нахожу сообщение от него.

Ашер: *Пять минут.*

Нет.

Нет, нет.

Это... это слишком похоже на роман Старой Рейны с Cloud003. Все слишком похоже.

Может, Ашер читал сообщения. Может, он знает об этом романе? Это наказание за это?

Мой телефон снова вибрирует, и я чуть не роняю его.

Ашер: *Четыре.*

Я бросаю телефон и сумку на стул и поднимаю край футболки, стягивая ее через голову. За ними следуют мои джинсы, затем туфли на плоской подошве.

Стоя посреди своей комнаты в одном лифчике и трусиках, моя грудь поднимается и опускается с резкими вдохами. Мои ноги так сильно дрожат, что я удивляюсь, как легкие не отказывают мне. Волосы все еще влажные после душа, который я приняла в кампусе. Аромат моего шампуня с сиренью становится в десять раз сильнее, пока это не становится единственным, что я чувствую.

Мой телефон вибрирует на стуле, и я дергаюсь, прежде чем прерывисто вздохнуть.

Блядь.

Это хуже, чем быть на волне адреналина. Это похоже на постоянную стимуляцию без возможности высвободиться.

Ашер: *Одна минута.*

Уже прошло три минуты?

Ругаясь себе под нос, я расстегиваю лифчик и спускаю трусики вниз по ногам. Дрожь охватывает мои пальцы, когда нижнее белье присоединяется к одежде на полу.

Я ложусь на кровать и смотрю в потолок, сопротивляясь желанию натянуть одеяло и скрыть свою наготу.

Да, Ашер видел меня голой ранее, но это первый раз, когда он так прямо приказал мне раздеться. И, к моему чертовому ужасу, возбуждение охватывает мои бедра. Он еще даже не дотронулся до меня, но я никогда не чувствовала себя такой возбужденной, как сейчас.

Я потираю бедра друг о друга, снимая напряжение, но от этого становится только хуже, больнее, недоступнее.

Это настоящая пытка.

И только Ашер может положить этому конец.

Глава 18

Рейна

Щелчок двери оглушает в тишине комнаты. Я сдерживаюсь, чтобы не вздохнуть с облегчением.

Но это неправильно. Я не должна испытывать облегчения, когда понятия не имею, что он планирует со мной сделать.

В конце концов, это Ашер. Быть непредсказуемым вот его способ действия.

Его шаги тихие, но я почти могу представить, как он крадется в моем направлении. Я не осмеливаюсь поднять глаза или сменить позу. По какой-то причине я чувствую, что должна оставаться в таком положении.

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем он наконец появился в поле зрения.

Мои губы приоткрываются.

Он тоже полностью обнажен. Его скульптурный пресс напряжен и просит, чтобы мои пальцы пробежались по ним, прикоснулись к ним, обняли их — и в конце концов лизнули их. V-образные линии создают мужской вид на его бедра, но не более того, к чему это приводит.

Его член такой толстый, длинный и твердый — такой твердый, что пульсирует. Боже, как он уместится во мне?

Мне требуется несколько секунд, чтобы снова сосредоточиться на его лице. То, что я там нахожу, вызывает дрожь, которая пробегает у меня между ребер и поселяется в сердце.

В его взгляде есть что-то непонятное, безумное, неизвестное.

Он протягивает указательный палец и проводит им по моему соску. Его прикосновение небрежное, но создает зону боевых действий в моем изголодавшемся теле.

Мое бедное, чувствительное тело.

Покалывание удовольствия танцует у меня в животе, требуя большего.

— Что я такого сказал?

Его тон спокоен, слишком спокоен — слишком хорош, чтобы быть правдой.

— Ч-что?

Я слишком отвлечена его пальцем, чтобы сосредоточиться на словах.

— Я сказал тебе лечь на живот, королева выпускного.

Он сказал.

О, Боже. Он сказал.

Какого черта я вместо этого легла на спину? В то время это казалось нормальным поступком, почти, как если бы он велел мне это сделать.

Я двигаюсь, чтобы подчиниться. Есть желание исправить ошибку; понятия не имею, почему, но я ...хочу.

Ашер обхватывает рукой мое горло, останавливая на полпути.

Цокающий звук, который он издает, оборачивает вокруг меня петлю другого типа.

— Ты облажалась сегодня дважды, королева выпускного. Мне придется напомнить тебе, как это происходит, между нами.

Его хватка на моем горле усиливается, и я хватаю его за руку обеими своими. Мне вот-вот не хватит воздуха, и я вцепляюсь в него, чтобы он отпустил меня.

Боже, мне слишком нравится эта динамика, между нами.

— Опустит руки, или я свяжу их.

Он... не может же говорить это всерьез, верно?

Когда я не подчиняюсь, он отпускает мое горло. Я хватаю ртом воздух, когда он наклоняется к куче моей одежды. У меня едва хватает времени сосредоточиться, когда он поднимает мой лифчик и поднимает обе мои руки над головой.

— Эш... Что ты делаешь?

— Я же говорил тебе — не сопротивляйся мне, когда дело доходит до того, как все устроено, между нами.

Он связывает оба моих запястья вместе и прикрепляет их к столбику кровати над моей головой.

Я лежу перед ним, голая и связанная. Моя грудь вздымается и болит от желания, чтобы к ней прикасались.

Что-то в этой позе такое интимное, такое откровенное, и все же такое... правильное.

Неправильно чувствовать себя такой правильной. Это больной и безумный поступок.

— Теперь, насчет наказания...

Его рука снова хватается мое горло в заложниках, и на этот раз он садится мне на живот, его колени устраиваются по обе стороны от меня.

С этой позиции он кажется таким разрушительным и богоподобным, опасным и захватывающим.

— Я собираюсь трахать твою киску жестко и быстро, пока ты не закричишь мое имя, но я не остановлюсь на этом. Даже когда ты задрожешь и станешь умоляешь меня остановиться, я не сделаю этого. Знаешь, что я сделаю дальше? — он берет паузу, и я втягиваю воздух дрожащими губами.

— Я собираюсь трахнуть тебя в задницу и заявить права на каждый сантиметр тебя, так что, когда я закончу, ты не посмеешь даже подумать о другом парне, не говоря уже о том, чтобы позволить им прикоснуться к тебе.

Мое дыхание становится прерывистым и поверхностным, когда я пытаюсь понять смысл его слов. Он... он собирается трахнуть меня в задницу.

Это должно было меня напугать, но мои бедра напрягаются совсем по другой причине.

— Я выебу из тебя память о любом другом ублюдке, Рейна.

Ему это и не нужно. Ашер единственный мужчина в моих воспоминаниях. Теперь, когда он мой, мне не нужен никто другой.

— Открой свой рот.

— Зачем?

— Когда я отдаю тебе приказ, ты подчиняешься, королева выпускного.

Черт бы побрал его и его властную сторону, но я бы солгала, если бы сказала, что это не повлияло на меня. Внутренности моих ног покрыты болезненным возбуждением.

В тот момент, когда я приоткрываю губы, он засовывает между ними что-то черное.

Подождите, это... анальная пробка?

— Соси.

Я нерываю зрительный контакт, когда делаю это. Его властность и непринужденность, с которой он командует мной, вызывают удовольствие во всем моем теле.

Облизывая языком пластиковую штучковину, я делаю вид, что сосу ее, как делаю с его членом. Ему нравится, когда я опускаюсь на колени в душе и беру его.

Как он сказал, он единственный, перед которым я когда-либо встану на колени.

Глаза Ашера темнеют, а его член еще больше увеличивается.

— Достаточно. — он скрипит зубами, вынимая пробку. — Я собирался облегчить это для тебя.

Он хватает плоть моего бедра, нежно проводя пальцем вверх к моей сердцевине.

Только в хищном взгляде, которым он меня одаривает, нет ничего нежного. Его палец скользит в мой влажный вход, и я прикусываю нижнюю губу.

— Но тебе нужно было играть в свои игры.

Неразборчивые всхлипы единственные звуки, которые я могу издавать. Я хочу больше, его пальцев, этих рук, его *самого*.

Я просто хочу его всего, и иногда, как сейчас, это пугает меня.

Как это возможно, чтобы кто-то безгранично желал другого человека?
Без мыслей о последствиях?

— Ты знаешь, что происходит, когда ты играешь со мной в игры?

Он убирает пальцы с моей шеи и раздвигает мои бедра.

Я вскрикиваю, но прежде, чем я успеваю прийти в себя от неожиданности, он шлепает меня по ягодице. Мой стон прерывистый и едва слышный.

— Я играю с тобой в ответ.

Он врзается в меня одним яростным движением.

Мои бедра дрожат, а стенки сжимаются от вторжения. Спина выгибается над кроватью, и все становится наполненным Ашером, его толщиной, его ароматом сандалового дерева, смешанным с цитрусовыми, его силой и даже его чертовыми играми.

Лёжа, привязанной к столбику кровати только усиливает ощущение того, что я полностью в его власти — или ее отсутствию.

— Сколько гребаных раз я говорил тебе не испытывать меня?

Его толчки резкие и сильные, едва дающие мне возможность дышать, не говоря уже о том, чтобы думать.

Он наказывает меня, и я наслаждаюсь каждым ударом боли, каждым жестоким прикосновением и дикой связью.

Мне нравится, когда он сбрасывает свою невозмутимую маску и показывает мне свое истинное расстроенное «я».

Потому что я знаю, что он такой только со мной.

— Я больше не тот старшеклассник. — *толчок*. — Если я увижу, что ты с кем-то флиртуешь, я не только изобью их. — *толчок*. — Я трахну тебя у них на глазах. — *толчок*. — И заставлю их услышать, как ты выкрикиваешь мое чертово имя.

Яростная волна охватывает меня.

Это может быть из-за того, как безжалостно он врывается в меня, его грубых слов, его возбуждающих обещаний.

Или всего вышеперечисленного.

— Эш... О, Эш...

Я замолкаю, когда его пальцы обхватывают мое горло.

Это катализатор, о котором я не подозревала, что нуждаюсь, пока он не столкнулся со мной, и я не упала.

Я просто *падаю*.

Это тяжело, быстро и без видимого приземления, но не больно. Нет, это освобождает. Это все равно, что твоя душа парит в воздухе.

Когда Ашер отпускает мою шею, это похоже на то, что он заставляет мое удовольствие резко остановиться. Не могу поверить, что я так привыкла к его извращенным манерам, что даже мой экстаз зависит от этого.

Тысячи мурашек танцуют по моей коже, когда конечности дрожат от облегчения. Ашер немного замедляется, но не кончает. Черт, не похоже, что он собирается кончать в ближайшее время.

Мне это в нем нравится. Как будто он не может физически освободиться, пока не помучит меня достаточно долго, не войдет в меня достаточно сильно и не овладеет мной целиком.

Он помещает пробку, между нами, когда толкается в меня медленно и размеренно, затем долго и неторопливо, темп так похож на...

Нет.

Я не пойду по тому пути. Если я это сделаю, то начну думать, что Ашер испытывает ко мне такие глубокие чувства, и когда пойму, что это не так, это только разрушит меня.

Он проводит пробкой по моим промокшим складкам. Кожа такая чувствительная и опухшая, что от малейшего трения у меня сводит пальцы на ногах. Мои ногти впиваются в ладони до тех пор, пока я чуть не пускаю кровь. Узел на запястье не слишком тугой, но даже это трение вот-вот выбросит меня через край.

— Ты мокрая. — он водит предметом вверх и вниз туда, где его член входит в меня и выходит. — Ты мокрая для меня, королева выпускного?

Я киваю один раз, моя спина отрывается от кровати. Глубокие углы его толчков сводят меня с ума.

— И ты всегда будешь мокрой только для меня, — ворчит он, засовывая пробку мне в задницу.

Никакой подготовки, никакого предупреждения.

Я ожидаю, что это будет больно, но все довольно... хорошо.

Из того, что я слышала, это должно быть болезненно, но в некотором роде приятно? Я ощущаю тонкую грань между его членом и пробкой, и мои бедра дрожат сильнее от этого ощущения.

Я впитываю его темп, глубокие толчки и блеск пота на его груди. Его мышцы и сухожилия напрягаются от великолепия его движений. Его руки на моих бедрах ощущаются как якоря, большие и твердые.

Когда я вхожу в ритм, Ашер выскользывает из меня и переворачивает меня так внезапно, что я вскрикиваю, когда мои груди прижимаются к матрасу. Со связанными руками у меня нет другого выбора, кроме как лечь на живот в той позе, в которой он попросил меня быть, прежде чем вошел в комнату.

— Задницу вверх и раздвинь ноги. Дай мне посмотреть, насколько ты влажна для меня.

Мои бедра все еще дрожат и отказываются слезать с ореола, поэтому мне требуется слишком много времени, чтобы подчиниться. Тот факт, что он стоит позади меня, видя меня такой обнаженной, воспаляет мое лицо.

Он крепко хватает ее за ягодицу, и пробка немного двигается, прежде чем он выдергивает ее. Я почти протестую, но он погружает свой средний палец в мою киску. В мою гиперстимулированную, чувствительную киску.

Я думала, что больше не выдержу прелюдии, но стон все равно срывается с моих губ.

Это эффект Ашера.

Он разорвал мою душу на части и вырезал себе там уютное местечко.

Его член скользит по моей гладкости, а затем возвращается к моей заднице. Движение взад и вперед сжигает меня и мучает.

О, Боже.

Почему он не может этого сделать? Это мое наказание?

— Эш...

Отпуская мою задницу, он наклоняется так, что его горячая, упругая грудь покрывает всю мою спину, затем протягивает руку подо мной и щипает сосок. Это настолько сильное, что я кричу одновременно и от удовольствия, и от боли.

— Что, королева выпускного?

Я не смогла бы говорить, даже если бы захотела. Трехгранной стимуляции его пальца внутри меня, его члена, скользящего вверх и вниз по моей влажности, а теперь и его руки, щипающие и покручивающие мои соски, достаточно, чтобы я отключилась.

Если он не сделает этого прямо сейчас, я могу упасть в обморок. Мое тело может вынести только это. Это похоже на нахождение в зоне, где я не могу думать или делать; я могу только *чувствовать*.

Зону, которую только Ашер может создать для меня.

— Умоляй об этом. — его зубы покусывают мочку моего уха, когда он шепчет: — Сделай это убедительно.

— Я... я...

— Неубедительно.

— Трахни меня, Эш.

— Куда?

— В попку. Трахни меня в попку.

Мой голос хриплый, и кажется, что я уже говорила эти слова раньше.

— Это моя девочка.

Пробка расслабляется внутри моей задницы. У меня перехватывает дыхание, когда он заполняет меня сантиметре за мучительным сантиметром.

— Оооо...

Это... ох, ничего себе, все совсем не так, как я себе представляла. Это почти так же приятно, как то, что он трахает мою киску, если не больше.

Еще один стон вырывается из моего горла, когда мои веки опускаются, и я позволяю себе расслабиться. Я не думаю о привязках или о чем-то еще.

Единственное, что наполняет мой разум, сердце и душу, это он.

Только *он*.

Он сжимает мои бедра и вводит еще один палец в мою киску, пока я не наполняюсь им всеми возможными способами.

О Боже. Почему это так приятно?

И почему нет боли?

Он начинает двигаться как в моей киске, так и в заднице, и я забываю обо всем, включая свое имя.

Прямо сейчас я просто с этим парнем, и мне нужно, чтобы он заявлял на меня права столько, сколько ему потребуется.

Мне нужно просыпаться утром и видеть каждую отметину, которую он оставил на моем теле, и чувствовать себя целой.

— Эта задница создана для моего члена, как и эта киска.

Сначала он начинает медленно, но потом его темп набирает обороты. Мое тело соскакивает с кровати от силы его толчков.

Стоны обрываются снова и снова с силой, с которой он обращается со мной. Это оно. Вот как это должно быть, между нами.

Я кончаю сильнее всего за последнее время, сжимая его член и пальцы, как он и сказал. Я выкрикиваю его имя снова и снова, будто это спасение — или проклятие, в зависимости от того, как на это посмотреть.

Он входит в меня все сильнее и быстрее. Сила его толчков наполняет меня столькими чувствами, но больше всего я безумна и счастлива — так чертовски счастлива, что он хочет меня до безумия, до потери всякого чувства контроля.

— Ты моя, — рычит он. — Ты всегда была моей.

— Всегда, — тяжело дышу я в матрас.

— Блядь, всегда.

Он стонет, кончает в меня, и горячая жидкость разливается по моим ягодицам и киске.

Я закрываю глаза, позволяя ему отметить меня.

Завладеть мной.

В конце концов, я королева Ашера на публике и его шлюха наедине.

Мои глаза пытаются открыться, несмотря на усталость, навалившуюся на нервные окончания.

Подождите... что?

Откуда взялась эта мысль?

Прежде чем я успеваю это проанализировать, я поддаюсь изнеможению и засыпаю, связанная, помеченная и совершенно довольная.

Глава 19

Ашер

Она крепко спит.

Я стою, наблюдая, как струйки моей спермы покрывают ее ягодицы и стекают по ее киске и между бедер.

Она все еще связана и лежит на животе, ее светлые пряди прилипли к затылку от пота. Щеки покраснелись, а губы слегка приоткрылись. Только одно слово ревет внутри меня:

Моя.

Моя.

Блядь, *моя*.

Меня так и подмывает позволить ей вот так поспать. Хуже того, меня так и подмывает пододвинуть стул и наблюдать за ней в таком положении всю ночь.

Да, у меня есть проблема, когда дело доходит до Рейны. Даже я признаю это.

Но она простудится от такого количества пота, прилипающего к ее коже.

Бросив на нее последний взгляд, я направляюсь в ванную, умываюсь и возвращаюсь в комнату с мокрым полотенцем.

Она повернулась на бок, ее связанные руки свисают в неловком положении. Я развязываю узел и бросаю лифчик в кучу одежды. Рейна стонет, когда я провожу пальцами по ее покрасневшим запястьям.

Трахните меня.

Сейчас она выглядит такой хрупкой, что у меня возникает искушение трахнуть ее во всех возможных позах.

Мой член возвращается к жизни, соглашаясь с этой идеей.

Я сажусь на матрас и стираю свою сперму с ее задницы, хотя предпочел бы, чтобы она осталась. Но никаких беспокойств, я повторяю это — в конце концов.

При каждом прикосновении полотенца к коже Рейна что-то бормочет во сне. Она выглядит почти как ребенок, когда она такая, застигнутая врасплох и... невинная.

В ней всегда была какая-то определенная невинность, которую она прятала за своей холодной внешностью. Никому не удавалось подобраться достаточно близко, чтобы узнать настоящую Рейну, не говоря уже о ее невинной стороне.

Мне удалось.

Я тот, кто знает ее лучше всех, ее тайную любовь к макаронам с сыром, как она допоздна засиживается за просмотром Нетфликс, как она пьет свой латте, как ненавидит внимание, хотя кажется, что она преуспевает в этом.

Но к чему это привело меня?

Воспоминание трехлетней давности снова врывается в мою голову, и я ругаюсь.

Я даже не могу прикоснуться к ней без того, чтобы меня не захлестнуло это мучительное чувство вины. Не могу найти удовольствие, не будучи брошенным в тиски боли.

Те, кто говорит, что физическая боль это самое страшное, никогда не испытывали пыток со стороны собственного мозга.

Они никогда не садились и не чувствовали отвращения к себе за то, что хотели кого-то, кого не должны были.

— Черт.

Я поднимаюсь и набрасываю одеяло на обнаженное тело Рейны, прежде чем выйти из комнаты.

Я не могу остаться с ней, иначе мой мозг съест меня живьем. Он будет питаться моими мыслями и оставит меня гребаным калекой.

Всю прошлую неделю я думал, что если бы я никогда по-настоящему не трахнул ее, если бы я только играл с ней, я был бы в безопасности от этих мрачных мыслей.

Оказывается, все это было бесполезно.

Чем дольше я отсутствовал, тем сильнее я хотел ее, тем быстрее мне необходимо было прикоснуться к ней.

Вот как начинаются катастрофы. Сначала это желание, потом оно становится решимостью, а затем она бросает мне вызов, и все, что я могу сделать, это трахнуть ее, как животное. А потом как чертов любовник. А потом, будто она моя шлюха.

Я провожу рукой по волосам и бросаю полотенце в мусорное ведро.

Мой телефон вибрирует на кухонной стойке, и я беру его, не проверяя имя. Мне нужно отвлечься, как воздух.

— Привет, ублюдок.

Внутренний стон вырывается у меня, когда я узнаю британский акцент и голос, связанный с ним. Я должен был проверить имя. Эйден Кинг последний человек, в котором я нуждаюсь в моем нынешнем настроении.

— Разве в Англии не два часа ночи или что-то в этом роде?

Я выхожу на балкон, не потрудившись надеть какую-либо одежду.

Здание напротив приглашает насладиться шоу.

— И?

Похоже, ему скучно.

— Сон, ублюдок — слышал об этом?

— Сон для нейротипичных людей.

Я должен был догадаться, что он скажет что-то подобное. Особенность Эйдена в том, что он гордится тем, что он есть, тем, *кто* он. Он знает, что он нестабильный в эмоциональном плане, но он принимает это — точно так же, как я сделал после смерти Ари. Вот почему мы стали чем-то вроде друзей, когда я учился в Оксфорде. Нам нравится столкновение сил, свобода делать все, что нам, блядь, заблагорассудится, пока овцы следуют приказам.

— Ты вернешься в ближайшее время?

— А что? — я ухмыляюсь. — Скучаешь по мне?

— Я скучаю по тому, чтобы побеждать тебя в дебатах.

— Пошел ты. Я тот, кто надирает задницы тебе и Коулу.

— Это ложь, и ты это знаешь.

— Есть ли смысл в твоём звонке? — я качаю головой. — Разве ты не должен обниматься с Эльзой и делать детей?

— Никогда не упоминай имя моей жены и рождение детей в одном предложении, или я убью тебя, черт возьми. Договорились? Договорились.

Я качаю головой. Этот мудака так ревностно относится к своей жене, и мне всегда было интересно, как она восприняла его поведение. Потом я вернулся в Блэквуд и понял, что ничем не отличаюсь от него.

— Эльза однажды сказала, что она боролась с тобой, что есть силы. — я сажусь в кресло на балконе и скрещиваю ноги в лодыжках. — Как ты это преодолел?

Не то чтобы Рейна сейчас боролась со мной, но я ощущаю, что она скоро вернется к этому. Каждый день я просыпаюсь и, затаив дыхание, жду момента, когда она выйдет из своей комнаты, думая, что она будет все тем же старым холодным человеком.

— Просто, — говорит он. — Я не давал ей выбора, особенно в начале. Чем больше она убегала, тем быстрее я гнался за ней. Чем глубже она пряталась, тем сильнее я побеждал.

— Что, если после того, как ты будешь преследовать и побеждать, она все еще не захочет тебя?

— Тогда ты делаешь это неправильно. Привяжи ее к себе и заставь ее увидеть тебя. Если ей не нравится то, что она видит, сделай так, чтобы ей это понравилось.

— Что, если ей никогда это не понравится?

— Тогда ты гребаный неудачник и, вероятно, никогда не заслуживал ее в первую очередь. — он делает паузу. — Как бы ни было весело

разговаривать с тобой, я возвращаюсь к своей жене. Она спрашивала о тебе, и это дружеское напоминание не звонить ей. Если ты позвонишь, я прилечу и отрежу тебе язык.

Линия обрывается.

Мудак.

Удивлен, что Эльза вообще спросила обо мне. Я ей не очень нравлюсь, она всегда говорит, что Эйдену больше не нужны сумасшедшие друзья.

Я откидываю голову назад, обдумывая его слова. Это интересный ракурс, тот, который никогда не заслуживал ее.

В этом и был весь фокус с самого начала?

Я поднимаю голову и смотрю на звезды. В темноте ночи их немного, но я почти вижу мальчика и девочку, держащих друг друга за руки и скорбящих вместе в тишине.

Затем этот образ разрушается, и его невозможно восстановить.

Решив, что я достаточно устроил для соседнего здания обнаженное шоу, я возвращаюсь внутрь.

Вместо того чтобы отправиться в комнату для гостей, где я обычно сплю, мои ноги несут меня прямо к Рейне. Она как чертов магнит, отказывается меня отпускать.

Она все еще крепко спит на боку. Одеяло сползло с ее плеча, обнажая выпуклость ее бледной груди.

Я не позволяю себе думать об этом, когда проскальзываю ей за спину и обнимаю ее за талию. Она что-то бормочет по-русски, а это значит, что ей, вероятно, снится детство.

Ее брови хмурятся, а шепот становится громче. Я провожу рукой по ее холодной коже и накрываю ее одеялом до подбородка. Через несколько секунд ее губы перестают шевелиться, и она снова крепко засыпает.

Обхватывая ее ногу своей, я прижимаюсь лицом к ее лицу и просто засыпаю.

Кошмар заставляет меня проснуться посреди ночи. Я его не помню, но мне и не нужно.

Каждый раз, когда я пытаюсь игнорировать прошлое и спать с Рейной, мой мозг вызывает чувство вины и заставляет меня заново переживать тот кошмарный день.

Рейна все еще крепко спит в моей ловушке. В темноте я могу разглядеть только линию ее лица и шеи и чувствую, как ее другая рука держится за мою, словно это какой-то спасательный круг.

Она прижимается ко мне задницей во сне. Мой и без того полутвердый член оживает, устраиваясь между ее ног.

Я отвожу ее волосы в сторону, обнажая шею, которая все еще пахнет сиренью и намеком на секс. Мои губы находят ее плоть в легком, как перышко, поцелуе.

Тихий стон вырывается из нее, когда я посасываю кожу. Приподнимая верхнюю часть ее бедра, я играю с ее соском другой рукой.

— Эш... — бормочет она в полусне.

Я проскальзываю в нее, и она поворачивает голову ко мне. Ее глаза наполовину закрыты, когда она проводит ладонью по моей щеке и захватывает мои губы своими.

Это мягкий поцелуй, медленный и страстный. Я толкаюсь в нее в том же ритме, мой член соответствует моему языку, пока она не вздрагивает, и я не опустошаюсь внутри нее.

На этот раз я не утруждаю себя выйти из нее. Мне нужно остаться здесь, пока я не смогу трахнуть ее снова.

Довольная улыбка кривит ее губы, когда она снова засыпает. Я завладеваю ею еще раз ночью, но сколько бы я ее ни трахал, этого никогда недостаточно.

Чем больше я позволяю себе раствориться в ней, тем сильнее меня мучает чувство вины.

Чувство вины странная вещь.

Оно способно съесть тебя изнутри, и у тебя не будет шанса бороться.

Позволь ей увидеть тебя.

Слова Эйдена продолжают звучать у меня в голове большую часть ночи, и я не могу уснуть.

Никак.

В пять утра я сдаюсь и решаю что-то с этим сделать.

Это давно назрело.

Надев шорты, я возвращаюсь к Рейне и толкаю ее в плечо.

— Проснись. — она что-то бормочет, но не подчиняется. — Рейна.

— У меня все болит, Эш. — она накрывает голову одеялом. — Позже, хорошо?

Она, должно быть, устала от того, сколько раз я брал ее за одну ночь, но это не может ждать.

Уже нет.

Я сбрасываю одеяло с ее головы.

— Проснись *сейчас же*.

Ее глаза остаются закрытыми, когда она ворчит:

— Сделай что-нибудь со своей выносливостью, чувак.

Мои губы кривятся в улыбке, прежде чем я меняю черты лица.

— Ты собираешься проснуться или мне облить тебя водой?

Она садится, как робот, медленно открывает глаза и морщится.

— Ой, я едва могу сидеть. Думаю, ты сломал меня.

— Ну же.

Она указывает на неоновые цифры на часах с недоверчивым выражением лица.

— Сейчас пять утра. Какого черта?

— Двигай своей задницей, Рейна.

Она смотрит на меня приоткрытыми глазами.

— Задницей, которую ты сломал?

Кто бы знал, что она может быть такой королевой драмы, когда хочет спать и у неё все болит.

Когда я продолжаю пялиться, она стонет:

— Хорошо, иду, иду. — она делает паузу и оборачивает одеяло вокруг груди, защищая ее. — Не в том плане. Даже не думай об этом, Эш. Я серьезно.

Трахните меня.

Я слишком сильно люблю эту ее сторону. Вот почему часть меня хочет набрать ей ванну и позаботиться о ней. Это та же самая часть, которая влюбилась в нее давным-давно и не хочет, чтобы я, черт возьми, делал то, что я запланировал.

Но эта часть ни в чем не участвовала с тех пор, как три года назад.

Рейна хладнокровно убила эту часть.

Я хватаю ее за руку и поднимаю на руки, вместе с одеялом и всем прочим. Она визжит, прежде чем ее руки обвиваются вокруг моей шеи.

— Сделай девушке предупреждение. — она тяжело дышит, когда я выхожу на балкон. — Куда мы направляемся?

Я сажаю ее в кресло у края — того самого края, с которого она не так давно угрожала прыгнуть.

Глаза Рейны расширяются, будто она приходит к осознанию. Она подтягивает колени к груди, и ее обнаженные плечи и руки покрываются заметными мурашками.

Она сглатывает, глядя на меня снизу вверх.

Даже я не знаю, как я сейчас выгляжу. Все, что я знаю, это то, что сегодня все закончится.

Каждая. Чертова. Вещь.

Точно так же, как все закончилось три года назад.

Глава 20

Ашер

Три года назад

Я делаю по два шага за раз к крыше школы. Ари любит встречаться здесь, потому что это далеко от других студентов.

У нее странные отношения с людьми. В некоторые дни она хочет, чтобы ее приняли. В другие дни просто хочет, чтобы они умерли.

Так работает ее мозг, сказал нам ее психиатр. Вам просто нужно приспособиться к ней и постараться не раздражать ее.

В моей голове все еще чертова каша после ее вчерашнего откровения. Я видел, как она разговаривала с Рейной утром у бассейна, и, наверное, поэтому я так напряжен. Или это может быть потому, что я все еще чертовски зол из-за Рейны и этого ублюдка.

И да, Александр позаботился о нем. Сегодня в школе сообщили, что он переезжает в штаты или, возможно, в другие страны. Александр умеет ладить с людьми и заставлять их исчезать.

Это то, что у него получается лучше всего, несмотря на все юридические разговоры и строгий костюм.

А еще есть Рейна.

Чертова Рейна с ее холодным плечом и чопорным отношением. Однажды я собираюсь выебать это из нее.

В один прекрасный день.

Я впечатываю все еще забинтованный кулак в стену, высвобождая энергию. Не могу разговаривать с Ари, когда в таком переменчивом настроении. Она почувствует это и позволит этому повлиять на нее.

Открыв дверь, я на секунду замираю и делаю глубокий вдох. Послеполуденное солнце вдалеке стало оранжевым. Странно, что Ари так допоздна остается в школе, тем более что у нее нет никаких занятий в клубе.

Я нахожу ее сидящей на краю с Джейсоном. Мои ноздри раздуваются при виде его.

Мне не нравится этот ублюдок.

Он не только крутится вокруг моей сестры, но и пытается вцепиться своими чертовыми когтями в Рейну.

Единственная причина, по которой я не изменил его лицо и не попросил Александра перевезти его в страну третьего мира, это Элизабет.

Заметив меня, он бросает последний взгляд на Ари. Она кивает один раз, и он встает и направляется к выходу. Он не смотрит мне в глаза, когда толкает дверь.

— Ари. — я пытаюсь сохранить свое терпение, шагая к ней. — Я же говорил тебе не околачиваться рядом с ним. Есть что-то странное в... — я замираю на месте, когда Ари резко встает.

Ее ноги висят на краю — буквальном гребаном краю.

Слезы текут по ее бледным щекам, глаза налиты кровью и покраснели. Ее белое платье и черные волосы развеваются в воздухе позади. Ветер такой сильный, что сотрясает ее крошечное тело.

— Ари... Что ты делаешь?

Я стараюсь говорить ровным голосом, стараюсь не психовать до чертиков.

Медленно подхожу к ней.

— Остановись.

Она поднимает обе руки, и я останавливаюсь, мое сердце бьется так громко, что я едва слышу свист ветра или ее громкое сопение.

— Ари. Спускайся, сестренка. Мы можем поговорить об этом, хорошо?

Она отчаянно трясет головой. Ее нога соскальзывает с края, и клянусь, что мое собственное сердце тоже соскальзывает.

— Все кончено, Грей.

Ее голос такой эмоциональный, что у меня от него перехватывает дыхание.

— Ничего не кончено, Ари. — я протягиваю руку. — Иди сюда. Мы разберемся с этим, хорошо? Только ты и я.

Ее нижняя губа дрожит, когда она переводит взгляд с моей руки на выступ.

Школа высотой в пять этажей; если она упадет, то, черт возьми, погибнет.

— Не смотри туда, Ари. — я пытаюсь подойти к ней, но останавливаюсь, когда она пристально смотрит на меня. — Подойди ко мне, пожалуйста. Что бы это ни было, я это исправлю. Я все исправлю.

У Ари и раньше бывали мрачные настроения, и она часто спрашивала меня, в чем смысл жизни, когда была маленькой, но она ни разу не пыталась покончить с собой.

Ни разу.

Это должно быть на другом уровне, чем все остальное, что происходило с ней раньше.

— Мне так жаль, Грей. Я больше не могу этого делать.

— Ари, позволь мне помочь тебе, пожалуйста.

Ее зубы стучат.

— Ты сможешь мне?

— Безусловно. Я помогу тебе во всем.

— Но ты не можешь изменить сердце человека, Грей. — свежие слезы выступают из ее больших глаз и стекают по щекам. — Я... Я сказала Рейне, что люблю ее. Знаешь, что она ответила?

Блядь. Черт!

— Подойди сюда и скажи мне, Ари, хорошо?

Она качает головой, отодвигая ногу назад. Я замираю на расстоянии вытянутой руки от нее.

— Она засмеялась, Грей. — рыдание гремит в воздухе, когда слезы стекают по ее шее и пропитывают подол платья. — Она посмеялась надо мной и спросила, серьезно ли я. Сказала, что мы с братом такие чертовски бредовые, и посмеялась надо мной. Почему она смеялась надо мной?

Рейна сказала это?

Проклятье. Эту речь она приберегает для своих ненавистников, а не для Ари.

Когда это закончится, я собираюсь разобраться с ней. Она, как никто другой, знает, насколько Ари хрупка. Она должна была мягко отвергнуть ее, а не быть сукой.

— Я поговорю с ней, — говорю я Ари. — Мы это исправим.

— Не лги мне, Грей! — кричит она, ее шея напрягается от напряжения. — Ты не можешь это исправить. Ты чертовски влюблен в нее. Я вижу это в твоих глазах, как бы ты ни старался это скрыть. Как, по-твоему, я буду жить с кем-то, кто смеялся над моими чувствами, в то время как мой брат влюблен в нее?

— Я... — я прочищаю горло. — Я больше не буду. Я обещаю, Ари. Я, блядь, обещаю, так что спускайся.

— Серьезно? — она шмыгает носом. — Ты действительно возненавидишь ее?

— Да. Все, что угодно ради тебя, Ари.

Я разрежу свое сердце на куски и растопчу его, если мне удастся удержать Ари. Она единственное, что у меня есть, единственный человек, которого я могу назвать семьей.

Я сделал все, чтобы позаботиться о ней. Если я потеряю ее после мамы, не знаю, что останется от моей жизни.

Она так молода и заслуживает еще одного шанса в жизни. Она заслуживает всего мира.

— Что угодно? — с надеждой спрашивает она.

Я резко киваю.

— Тогда не забывай об этом, Грей.

Ее лицо становится каменно-холодным, когда слезы, сопение и рыдания исчезают.

— Заставь Рейну заплатить за мою смерть.

А затем она раскрывает руки и прыгает, ее платье развеивается позади нее.

— Нееет!

Я рычу, хватаясь руками, но все, что я ловлю, это воздух.

Я подбегаю к краю, смотрю вниз.

Тогда мир замирает.

Все, блядь, исчезает, когда меня медленно выпотрошивает зрелище внизу.

Ари лежит на земле с разбитой головой, кровь течет рядом с ней и стекает по ее белому платью, а ее пустые глаза смотрят в никуда.

Рев вырывается из меня, когда я падаю на колени.

— Нееет.

Стоя на коленях, я кое-что понимаю.

Ари не единственная, кто погибла. Сегодня я умер вместе с ней.

Глава 21

Рейна

Настоящее

Я дрожу, мои конечности, мои пальцы и даже мои губы.

Тихие слезы текут по щекам, когда я слушаю рассказ Ашера о смерти Арианны. Он стоял передо мной все это время, но ни разу не взглянул на меня, будто я невидимка.

Как будто меня не существует.

Все его внимание сосредоточено на краю, где я недавно стояла и угрожала броситься вниз. Словно он может видеть свою сестру, словно она все еще там, и он может поймать ее.

Или, по крайней мере, я предполагаю это по тому, как его руки сжимаются и разжимаются по обе стороны от него.

Мышцы его обнаженной груди сокращаются, пульсируя и ни разу не расслабляясь. Мои руки чешутся дотянуться до него, обнять, сказать, что это не его вина.

Но это приведет только к обратным результатам.

Неудивительно, что он ненавидел меня все это время. Неудивительно, что он планировал убить меня. Арианна и ее разрушительная ложь превратили его в машину для убийства, пустое существование без сердца или сердцевины.

Это не значит, что то, что он сделал со мной, приемлемо, но я не могу оставить его тонуть без выхода.

Ашер, возможно, и затаил на меня обиду все это время, но я думаю, что когда-либо испытывала к нему ненависть.

Во всяком случае, мои чувства только усилились, становясь все горячее, ярче и страшнее.

И для этого мне нужно исправить его заблуждения, даже если это разрушит все, что он знал о своей сестре, человеке, которого он считал своей единственной семьей.

— Теперь ты видишь? Видишь, как ты, блядь, оборвала мою жизнь и жизнь моей сестры?

Он говорит тихо и угрожающе, будто находится на грани того, чтобы действовать на основе своих разрушительных эмоций.

Вот в чем фишка Ашера. После смерти Арианны он выжил только благодаря мысли, что однажды он восстановит справедливость по отношению к ней, устранив меня.

Но он этого не сделал.

В течение трех лет ему не удавалось выполнить свое обещание.

— Почему ты до сих пор не убил меня? —

бормочу я.

— Смерть слишком снисходительна к тебе. — он смотрит на меня сверху вниз так сурово, что я чувствую это до мозга костей. — Ты должна страдать.

— Думаю, что я достаточно настрадаюсь. — я сохраняю голос нейтральным. — Почему бы тебе не убить меня?

Он достигает меня двумя длинными шагами и обхватывает рукой мое горло. Его хватка не является угрожающей или эротичной. Она предназначена для того, чтобы задушить, убить, как в том классе, когда я лежала на полу.

Даже несмотря на то, что мое тело восстает, умоляя о жизни, я не сопротивляюсь ему. Я просто смотрю на него снизу вверх, в то время как мои легкие горят от потребности в воздухе.

Я не хотела, но слеза скатывается по моей щеке на его руку.

— Блядь! — он отпускает меня толчком. — Не искушай меня, черт возьми, Рейна. Я так близок к тому, чтобы убить нас обоих.

Я массирую шею, тяжело дыша. Маленькая часть меня радуется тому факту, что он не убил меня.

Он не может.

Я вижу эту муку в его глазах; она так ясна, как и чувства, которые я испытываю к нему.

— Почему обоих? — шепчу я. — Тебе нужно только убить меня.

— Заткнись к чертям, Рейна.

— Почему? — я плачу. — Просто почему? Потому что ты не ненавидишь меня так сильно, как говоришь себе? Ты не можешь ненавидеть меня? Ты хочешь быть со мной?

Он приседает передо мной и зажимает мою челюсть большим и указательным пальцами.

— Потому что я, блядь, не могу жить без тебя. Я попробовал, и это был ад.

— Но Арианна...

Он на секунду закрывает глаза.

— Это не значит, что я перестал ненавидеть тебя.

— Тогда ты ненавидел меня по неправильным причинам. — я сглатываю. — Думаю, нас обоих разыграли.

— Разыграли?

— Я помню тот день, когда Арианна разговаривала со мной.

Его челюсть сжимается, но я останавливаю его, положив руку на плечо.

— Дай мне закончить.

Я продолжаю и рассказываю ему, что Арианна рассказала мне о своих чувствах к Ашеру и о том, как она попросила меня оставить его, чтобы он был ее.

Секунду Ашер пристально смотрит на меня, его пальцы все еще сжимают мой подбородок, как будто он нуждается в связи так же сильно, как и мне.

Прежде чем он успевает что-то сказать, я выпаливаю:

— Я не выдумала это воспоминание. Доктор Андерсон сказал, что это невозможно.

— Я знаю. — его голос тихий, даже болезненный.

— Ты... знаешь?

— Да, я говорил с твоими врачами.

Он говорил?

Как получилось, что я этого не знала?

— Кроме того, — продолжает он, — Это похоже на то, как Ари сказала мне, что любит тебя за ночь до этого. Черт.

— Она была... психически нездорова?

— Да, в основном она страдала депрессией, но у нее было такое поведение, ложь и интриги, но какого черта ей убивать себя, если она все это выдумала?

— Не знаю, но не думаю, что кто-то из нас полностью понимал ее душевное состояние. Думаю, что у нее было больше проблем, чем депрессия. Возможно, она была патологической лгуньей и... ну, что-то еще.

— Что-то еще вроде чего?

— Требуется так много усилий, чтобы все это спланировать. Это был просто тщательно продуманный план, чтобы разлучить нас.

В его глазах ярость.

— Думаешь, моя сестра покончила с собой только для того, чтобы разлучить нас?

— Знаю, это причиняет тебе боль, Эш. — моя ладонь касается его щеки, будто прикосновение избавит от мучений. — Но ты должен сохранять непредубежденность, если хочешь узнать правду. Ясно, что она полагалась на наше отсутствие общения, прекрасно понимая, что мы никогда не сядем и не поговорим об этом. Из того, что я узнала, у нас действительно были проблемы со связью, верно?

— И чья, блядь, это была вина, Рейна?

— Хорошо, моя вина, но ты тоже не помогал. — я делаю паузу. — Я пыталась поговорить с тобой, верно? После того, как я во всем разобралась, я помню, что подумала, что хотела бы поговорить с тобой.

Он немного помолчал.

— После похорон Ари, да.

— И каков был твой ответ?

Он продолжает молчать.

— Что ты мне сказал? — я настаиваю. — И не лги мне.

Он вздыхает.

— Точные слова были: *Ты, блядь, мертва для меня. Не позволяй мне снова видеть твое лицо.*

Его слова пронзают меня глубоко и сильно, хотя я их и не помню. Должно быть, тогда они были гораздо болезненные.

Быть может, именно поэтому я отступила и предпочла принять его холодное плечо вместо того, чтобы заставить его ненавидеть свою мертвую сестру.

Старая Рейна тоже пожертвовала, возможно, даже слишком многим.

Я убираю руку с его щеки и пытаюсь отвернуться, но он держит мое лицо в заложниках, заставляя меня посмотреть на него.

— Это произошло сразу после смерти Ари, — медленно повторяет он. — Все, о чем я мог думать, были ее последние слова.

Это его косвенное извинение, но его недостаточно. Возможно, я имела какое-то отношение к тому, какие мы есть, но Ашер никогда не боролся за меня.

Ни разу.

Да, он избивал людей за меня, но он никогда не вступался за меня или со мной.

Думаю, это было все, что мне от него было нужно. Если бы он сделал это тогда, если бы он не был слишком горд, убегая каждый раз, когда я толкала его, возможно, ничего этого не случилось бы.

Но сейчас это не имеет значения.

— Если мы собираемся разобраться в этом, я сделаю то, что тебе может не понравиться.

Он прищуривает глаза.

— Например?

— Джейсон. Он может быть нашим единственным мостиком к другой Арианне, которую мы не знали.

Мои пальцы дрожат при этой мысли. Джейсон также Cloud003. Он подружился со мной, трахнул меня и был рядом со мной в самые удобные времена.

Он также был прямо перед тем, как Арианна покончила с собой.

Это не может быть совпадением, верно?

Глава 22

Рейна

Ночью я приезжаю к Алексу.

Ашеру не понравилась идея, что я поговорю с Джейсоном, и он был раздражен во время всей поездки.

Мне нравится смотреть, как он злится из-за этого; это лучше, чем видеть его сломленным изнутри, как сегодня утром. Узнав все это об Арианне, он, должно быть, раздавлен.

Если бы роли поменялись и Рейна сделала это со мной, это бы тоже уничтожило меня.

Ашер слишком горд и упрям, чтобы принимать утешения. После утренней конфронтации мы отправились в колледж, и я рада этому. Я бы не имела ни малейшего представления, как вести себя с ним в таком состоянии. Все, что я хочу сделать, это обнять его, и знаю, что он этого не примет.

Он не только горд и упрям, он еще и отгородился от меня.

Тем не менее, я хочу чувствовать себя ближе к нему в некотором роде, и готова рискнуть завязать этот разговор.

Мы сокращаем расстояние до дома Алекса на Мустанге Ашера. Здесь тихо и почти душно.

На секунду я наблюдаю за доминированием, которое он излучает, когда он с лёгкостью управляет машиной — как он делает с моим телом.

Я ненадолго закрываю глаза, вспоминая. Моя задница и киска все еще болят от того, как сильно он входил в меня. Он заявил на меня права. Ничего не поделаешь, и теперь я всегда буду хотеть большего.

До этого между нами повисло нечто более сильное, что я должна попытаться прояснить.

Прогоняя остатки возбуждения, я поворачиваюсь к нему лицом, играя с ремешком моей сумки.

— Почему ты бросил футбол?

Ашер бросает на меня короткий взгляд, прежде чем снова сосредоточиться на дороге. Поскольку он в плохом настроении, я ожидала, что он не ответит, но потом он говорит:

— В конечном счете это меня не интересовало.

— А юриспруденция интересует?

— Да, международная, а не внутренняя. Есть что-то освобождающее в свободном перемещении между границами.

Интересно. Я думала, что он выбрал юриспруденцию, чтобы каким-то образом досадить своему отцу, но, похоже, его взгляды и взгляды Алекса совершенно разные — даже если у них есть несколько общих черт.

— Тогда почему ты вернулся? — я опускаю голову.

— Я же сказал тебе, это из-за тебя. — он качает головой. — Я мог бы учиться здесь, но ушел из-за тебя, а потом вернулся по той же причине. Я так сильно ненавижу тебя, что ты поглотила меня.

Его тихие признания подобны огненным стрелам, стреляющим в мою грудь, сжигающим заживо.

Ненависть.

Он не сказал, что ненавидит меня; он сформулировал это в прошедшем времени.

Кроме того, он сказал, что я поглотила его, может, так же сильно, как он поглотил меня. Может, его ненависть теперь превратилась во что-то иное, или это слишком, чтобы просить?

Забавно, как я стала осторожна в том, на что я могу надеяться. Теперь я всегда боюсь, что, если я буду слишком забегать вперед, все вокруг меня рухнет.

Вместо того, чтобы спорить с ним о том, что он сказал, я предпочитаю сохранить надежду и задаю вопрос:

— Как тебе там жилось? В Англии, я имею в виду.

— Просто.

— Не мог бы ты ответить поподробнее?

На мгновение он замолкает.

— У меня были друзья, Эйден и Коул. Они немного эксцентричны, и им удалось отвлечь меня от посторонних мыслей.

Должно быть, это те самые парни, которых я видела на той фотографии, которую Люси показала мне.

Я хочу однажды встретиться с ними, посмотреть, как Ашер жил без меня.

— Какого рода мыслей? — я спрашиваю.

— Например, вернуться и трахнуть тебя — такие вот мысли, Рейна.

Мои щеки пылают, и я подавляю желание сказать: *«Тогда почему ты этого не сделал?»*

— Что насчет тебя? — он вырывает меня из моих мыслей.

— Что насчет меня?

— Как у тебя складывалась жизнь? — он делает паузу. — Забудь, ты не помнишь...

— Одиноко, — обрываю я его.

Его зеленый взгляд скользит в мою сторону, как будто он не ожидал, что я это скажу.

Теперь, когда я начала, я не могу остановить поток слов.

— Возможно, я не все помню, но я отчетливо помню одиночество и страх перед возможностью никогда не найти свою сестру. Эти чувства разъедали меня изнутри, но я должна была поддерживать видимость, которую все от меня ожидают.

— Не я. — его голос низкий, глубокий и такой грубый, что я чувствую это в своей душе. —

Мне больше нравится, когда ты естественна. Эти маски однажды задушат тебя. Они не ты.

Я борюсь со слезами, таращась на него. Как долго я ждала, когда кто-нибудь скажет мне именно эти слова? Черт, как долго я ждала, что он скажет что-нибудь подобное?

— Откуда ты знаешь, что это не я?

Я не могла бы говорить громче, даже если бы захотела.

— Я просто знаю, Рейна. Я знаю тебя.

И я знаю тебя.

Но я не говорю этого вслух. Если я скажу, то превращусь в эмоциональный беспорядок и потребую, чтобы он обнял меня или что-то в этом роде. В данных обстоятельствах у нас нет на это времени.

Мустанг медленно останавливается на подъездной дорожке. Я беру свою сумку и выхожу из машины. Как только на меня обрушивается свежий воздух, я останавливаюсь как вкопанная.

Детектив Дэниелс.

Он стоит перед полицейской машиной и разговаривает с одним из сотрудников, Джо, который, вероятно, не пустил его внутрь.

Ашер вылезает и ругается себе под нос.

— Возвращайся в машину.

Знаете что? С меня хватит. Этот детектив меня не пугает. Мысль о том, что я никогда не найду свою сестру, вот, что пугает.

— Нет, — говорю я Ашеру.

Перекинув сумку через плечо, я шагаю к нему, все мое тело напрягается, будто готовясь к неминуемой битве.

— Мисс Рейна.

Джо, кажется, ошеломлен моим появлением.

— Здравствуйте, Джо. — я приветствую его, затем сосредотачиваюсь на детективе. — Есть ли причина для вашего визита?

Он на мгновение прищуривается, глядя на меня, прежде чем скрыть свою реакцию.

— Мисс Эллис, я надеялся поговорить с вами.

— Тогда говорите. Я вас слушаю.

— Вы вспомнили что-нибудь о том, что произошло с вами той ночью?

— Он берет фото и браслет и тычет их мне в лицо. — Я вызову вас в суд с этим и ДНК.

Я сопротивляюсь желанию вырвать браслет. Это единственное воспоминание, оставшееся у меня от мамы, и единственное, что я сохранила как Рай.

— Очевидно, вы ничего не могли с ними сделать. Я собираюсь попросить своих адвокатов забрать мои вещи.

Он отталкивается от машины, и Джо встает рядом со мной. Я не отступаю и не съеживаюсь. Глупо было бояться его в самом начале, или, может, я боялась не его, а неизвестности и мысли о том, что я кому-то причинила боль. Теперь, когда я вспоминаю свою встречу с Рейной и прекрасно понимаю, что мы обе были жертвами, детектив Дэниелс ни черта не может со мной сделать.

Мы стоим лицом к лицу. Он выше, так что мне приходится смотреть на него снизу вверх, но это не уменьшает моего вызывающего взгляда.

— Думаете, я сдамся, вы, избалованная маленькая девочка?

— О, я уверена, что вы не сдадитесь, и мне будет приятно наблюдать, как вы терпите неудачу. — Я скрещиваю руки на груди. — Итак, где мое кольцо?

— Ваше кольцо? — его брови хмурятся, будто он не понимает, о чем я говорю.

Я указываю на фотографию.

— В тот вечер я надела обручальное кольцо — где оно?

— Мы не нашли никакого кольца.

Мое сердце трепещет, когда я шепчу:

— Значит, она взяла его.

О, Боже.

Рейна примеряла мое обручальное кольцо, и оно слегка болталось у нее на пальце, так что, если бы она действительно поранилась или упала без сознания, кольцо бы соскользнуло.

Или это то, во что я хочу верить.

Мне нужно думать, что она сохранила его, потому что оно было достаточно драгоценным, чтобы его не выбрасывать.

— Она взяла его? — глаза детектива впиваются в меня, как у ястреба.
— Кто она?

Дерьмо.

Я не хотела произносить эту часть информации вслух.

Нечто большее, чем жизнь, останавливается позади меня. Его тепло окутывает меня, как кокон. Мне даже не нужно оглядываться, чтобы узнать, кто это.

— Если вы закончили, уходите, — говорит Ашер детективу твердым голосом, который слишком похож на тон адвоката Алекса.

— Мы еще не закончили. — что-то блеснуло в глазах детектива. — Мисс Эллис только что рассказывала мне о *ней*.

— Это должно быть, экономка. — Ашер обнимает меня за талию, и это кажется более защищающим, чем все, что он когда-либо делал раньше. — А теперь уходите, пока я не вызвал на вас других копов, тех, кто может вас отстранить.

Детектив Дэниелс плюет на землю, прежде чем открыть дверь своей полицейской машины и скользнуть внутрь. Он смотрит на меня через окно на секунду дольше, чем нужно.

— Однажды я доберусь до вас, мисс Эллис.

А потом его машина набирает скорость, и он уезжает.

— Ублюдок.

Вызванный яростью голос Ашера покалывает мою кожу.

— Извините, сэр. — Джо слегка склоняет голову. — Охранник у ворот новенький. Он не знал, что мы не впускаем полицию.

— Все в порядке, Джо. — я улыбаюсь ему.

Кроме того, даже моим сотрудникам службы безопасности не разрешается общаться с полицией. В конце концов, они являются законным бизнесом и могут стать мишенью властей, если наживут себе врагов.

Как только Джо исчезает внутри, Ашер разворачивает меня так, чтобы его руки обхватывают мою талию спереди.

Выражение его лица напряженное и на грани того, чтобы вырваться на свободу.

— Какого черта ты с ним разговаривала? Он охотится за тобой, и ему нельзя доверять.

— Ты думаешь, я ему доверяю?

— Тогда не разговаривай с ним.

— Я не позволю ему ходить вокруг да около или заставлять меня прятаться. Я не сделала ничего плохого, Эш.

Он смиренно вздыхает. Теперь он начал делать это каждый раз, когда я называю его Эшем. Я, очевидно, не собираюсь менять то, как я обращаюсь к нему, так что у него нет другого выбора, кроме как справиться с этим.

— Тц должна быть осторожна, черт возьми. — он проводит рукой по своим черным как смоль волосам. — Ты продолжаешь притягивать опасность, как магнит. Даже не знаю, что, черт возьми, с тобой теперь делать.

Желание, которому я сопротивлялась с самого утра, переполняет меня сейчас. Я не могу остановить это, даже если захочу.

Мои ногти впиваются в его кожаную куртку, и я тяну его вниз, поднимаясь на цыпочки. Мои губы встречаются с его губами, и я запечатлеваю поцелуй, который хотела подарить ему с сегодняшнего утра.

Это утешение, благодарность и все, что между ними. Тот факт, что он беспокоится обо мне, заставляет меня вылезать из кожи вон. Это все равно что быть под кайфом от прилива дофамина без намерения когда-либо спуститься.

Ашер стонет, когда его сильная рука обхватывает мою поясницу, и он прижимает меня к своему тазу.

Мой мягкий, медленный поцелуй прекращается, и настает очередь Ашера заявить на меня права, поглотить меня, почти как он сделал посреди ночи, когда разбудил меня, чтобы заняться сексом.

Мне нравится, когда он целует меня так, будто он изголодался по мне, будто он не может выжить, не поцеловав меня.

Ашер и я должны были целоваться годами.

Почему нам потребовалось так много времени, чтобы сделать что-то настолько естественное?

Прочищение горла заставляет меня отпрянуть от его губ. Ашер, однако, не отпускает меня, его рука остается, как клетка, вокруг моей талии.

Я забыла, что мы снаружи и что Алекс мог нас видеть. *Дерьмо*. Просто потому, что он молчит о том факте, что мы с Ашером живем вместе, это не значит, что я должна давать ему какие-то идеи.

Однако тот, кто прервал нас, не Алекс. Джейсон стоит рядом со своим грузовиком, выглядя немного неловко.

Я кладу обе ладони на плечи Ашера и шепчу так, чтобы только он мог меня услышать.

— Отпусти меня.

— Почему? — этом напряженный собственнический взгляд возвращается. — Ты моя невеста, не забыла?

— Эш.

— Прекрати вести себя так, будто ты не моя, или я докажу это прямо здесь, прямо сейчас.

Я ахаю, уставившись на него с недоверием. Если я думаю, что это пустая угроза, то только обманываю себя. Он достаточно сумасшедший, чтобы сделать это, черт бы его побрал.

— Хорошо, я не буду. — я понижаю голос. — Отпусти меня, и я сделаю что-нибудь, чтобы доказать это.

Он прищуривает глаза, словно не верит мне.

— Доверься мне.

Я не ожидаю от него этого, так как он никогда не подавал признаков того, что когда-либо доверится мне, но он медленно отпускает меня. На мгновение я ошеломленно замолкаю. Значит ли это, что он действительно доверяет мне?

Нет, нет, мозг. Не смей питать никаких больших надежд.

Как только рука Ашера опускается с моей спины, я просовываю свою руку в его, переплетая наши пальцы.

Он смотрит на выражение моего лица, затем на наши соединенные руки с легким благоговением на лице.

— Наверное, я тоже никогда раньше этого не делала? — я спрашиваю.

— Ты делала это. — он с ностальгией поглаживает большим пальцем тыльную сторону моей ладони. — Когда нам было по тринадцать.

— Но не после?

Он качает головой один раз.

Будь ты проклята, Старая Рейна.

Я выхожу из этого транса и сосредотачиваюсь на настоящем моменте.

— Дай мне поговорить с Джейсоном наедине.

Небольшое улучшение его настроения исчезает, и он крепче сжимает мою руку.

— Черт. нет.

— Выслушай меня.

— Нет, и это окончательное решение. Я ни за что, блядь, не оставлю тебя с ним наедине.

Сейчас не время для его ревнивых приступов собственничества, черт возьми.

— Мы друзья, Эш. Ты нет. Джейсону будет комфортнее разговаривать со мной наедине.

— Мы сделаем это вместе или никак.

— Ты такой чертовски упрямый, знаешь это? — я пристально смотрю на него.

— Не такой упрямый, как ты.

С этими словами мы оба направляемся к Джейсону, который внимательно наблюдал за нашим взаимодействием.

— Привет, Рейна.

Он улыбается, его взгляд скользит к пальцам Ашера в моих.

— Привет, Джейсон. — я улыбаюсь в ответ, пытаюсь рассеять напряжение, витающее в воздухе. — Я надеялась, что мы могли бы поговорить с тобой?

— Мы?

Он выглядит настороженным, переводя взгляд с меня на шарик напряжения рядом со мной.

— Да, *мы*, — говорит Ашер со спокойствием, которого он, черт возьми, не чувствует. — У тебя с этим проблемы?

— Нет. — Джейсон делает паузу. — Просто мне не о чем с тобой говорить.

Это нехорошо. Если Джейсон это имеет в виду, то он ничего не станет разглашать в присутствии Ашера.

— Когда дело доходит до любых отношений, которые у тебя были с моей сестрой, да, есть о чем поговорить.

Я впиваюсь ногтями в кожу Ашера, пытаюсь заставить его замолчать. Уверена, он видит, как Джейсон выпрямился. Он задел за живое, и если он не отступит прямо сейчас, мы потеряем нашу единственную нить к правде.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. — Джейсон сохраняет свой невозмутимый вид.

— Что Ари сказала тебе в тот день?

Угрожающая аура Ашера с таким же успехом могла бы превратиться в дым и нависнуть над нами.

— Она просто сказала мне быть осторожным.

Ашер делает шаг вперед, и я знаю, что он собирается схватить Джейсона или, что еще хуже, ударить его кулаком в лицо. Он провоцирует его, а Ашер с утра уже такой вспыльчивый. Это почти похоже на возрождение прежнего Ашера с его быстрым кулаком и постоянно меняющимися настроениями.

Я хватаю его за руку свободной рукой и говорю:

— Ты знаешь что-нибудь еще? Что-то, что могло бы помочь нам в раскрытии причины ее смерти?

Джейсон приподнимает плечо.

— Нет, не совсем.

Он лжет.

Даже при том, что очевидных подсказок нет, я чувствую, что он что-то скрывает. Как я и предсказывала, он никогда не скажет этого при Ашере.

Джейсон улыбается мне.

— Если тебе что-нибудь понадобится, ты знаешь, где меня найти.

И с этими словами он садится в свой грузовик и покидает особняк.

Вздых вырывается из меня, когда я смотрю на Ашера.

— Теперь доволен?

— Почему я должен быть доволен?

— Ты только что все испортил. Я могла бы получить ответы на некоторые вопросы, если бы ты позволил мне поговорить с ним наедине.

— Этого не произойдет, и это окончательно.

Тьфу!

Я убираю свою руку с его.

— Пойду поздороваюсь с Иззи и Алексом.

Два шага это все, что требуется, прежде чем он хватается за руку и тянет назад. Я ахаю, когда спотыкаюсь и чуть не падаю. Ашер выпрямляет меня и хватается за подбородок, заставляя посмотреть в эти бездонные зеленые глаза.

Сегодня они были мрачны, как лес в пасмурную погоду, и хотя я хочу утешить его, его упрямство прямо сейчас приводит меня в ярость.

— Ты что, только что набросилась на меня? — спрашивает он опасным тоном.

— Да! Ты приводишь меня в бешенство. Я даже не знаю, почему я...
...продолжаю так сильно любить тебя.

Черт. Я чуть не произнесла эти слова вслух.

Что пугает меня больше, так это то, насколько эти слова правдивы, как сильно я действительно люблю его, всегда любила, и как больно находиться вдали от него и знать, что он никогда не был моим в первую очередь.

Думаю, я смирилась с этим фактом только после того, как потеряла свои воспоминания и обрела некоторую свободу.

Боже, я люблю его.

Я влюблена в него.

Я никогда не чувствовала себя такой настроенной на человека, как на Ашера. Моя орбита продолжает вращаться вокруг него, или, скорее, я продолжаю плавать по *его* орбите.

Хотя я не помню всего о прошлом, я помню свою связь с ним. Может, именно поэтому было так легко отпустить меня после того, как я потеряла свои воспоминания.

— Почему ты что? — он пристально смотрит на меня, будто может расколоть мой череп и заглянуть в мои мысли.

— Ничего. — я высвобождаюсь. — Я собираюсь повидаться с Иззи.

Если я останусь с ним еще на минуту, я действительно могу произнести эти слова вслух и поставить нас обоих в положение, в котором никто из нас не может позволить себе оказаться.

Я разберусь со всеми этими эмоциями позже.

После того, как я найду свою сестру и раскрою правду о смерти Арианны.

Потому что то, что я испытываю к Ашеру, слишком глубоко, чтобы так легко разрешиться.

На этот раз он не останавливает меня, и я благодарна ему за это.

Иzzi встречает меня у входа, ее лицо пепельно-серого цвета. Она продолжает снова и снова вытирать свои сухие, чистые руки о фартук. Увидев меня, она лезет в карман, а затем быстро качает головой.

Она была там все это время? Видела ли она наш разговор с Джейсоном?

— Привет, Иззи.

Я наклоняюсь, чтобы обнять ее, и она отвечает на это натянутой улыбкой. Как только мы отрываемся друг от друга, я замечаю, что она все еще наблюдает за Ашером, который направился обратно к своей машине. В этом нет ничего удивительного. Он не заинтересован во встрече с Алексом, и теперь, когда он убедился, что Джейсона нет в доме, он останется в машине, пока я не выйду. В конце концов, он вышел только для того, чтобы побыть со мной — и предотвратить любое время один на один с Джейсоном.

— Алекс здесь? — спрашиваю я, входя внутрь.

— Да... э-э... он в своем кабинете.

— Спасибо, Иззи. — я улыбаюсь, не понимая, почему она в дерганом настроении. — Ты в порядке?

— Я?

Она почти кричит, а затем останавливается как вкопанная у лестницы. Капли пота выступают у нее на лбу, и она продолжает вытирать руки о фартук.

— Если что-то происходит, ты можешь сказать мне. — я смотрю на нее, смягчая свой голос. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. Ты так много сделала для меня с тех пор, как я пришла в себя без воспоминаний, и никогда этого не забуду.

Внезапный всхлип вырывается из ее горла, и мои глаза расширяются. Это первый раз, когда я вижу Иззи в таком состоянии. Она всегда является воплощением заботы и доброты.

— Иззи. — я хватаю ее за плечо. — Пожалуйста, скажи мне. Я хочу помочь.

— Почему ты должна быть такой? — она шмыгает носом. — Все было бы намного проще, если бы ты была прежней Рейной. С тех пор как я нашел это, я не могу уснуть.

— Нашла что?

— Даже если бы я отдала за него свою жизнь, я не могу поступить так с вами или с мистером Карсоном. Он мой спаситель, и я обязана ему своей жизнью.

— В твоих словах нет никакого смысла, Иззи.

— Просто... просто пообещай мне, что ты не разрушишь его карьеру, пожалуйста. Пожалуйста, Рейна.

— Кто...

Я замолкаю, когда она достает что-то из своего фартука и сует мне в руку.

— *Пожалуйста.* Если я вам хоть немного небезразлична, исполни мое желание.

С этими словами она исчезает в коридоре.

Я пытаюсь догнать ее, но Алекс зовет меня с верхнего этажа.

Я смотрю на маленький предмет, который Иззи сунула мне в руки: флешку.

О чем все это может быть? Я думаю, это должно подождать. Засунув флешку в сумку, я присоединяюсь к Алексу.

В своем кабинете он говорит мне, что до сих пор нет никаких новостей о Рейне. Тем не менее, он близок к тому, чтобы найти своего связного.

Это вселяет в меня такую надежду, что я не могу удержаться, чтобы не встать и не обнять Алекса. Сам по себе он не очень теплый человек, но он всегда хорошо относился ко мне от имени моего отца.

Мой телефон вибрирует, когда я выхожу из кабинета Алекса.

Ашер: *Выходи.*

Нетерпение этого человека.

Рейна: *Почему бы тебе не войти?*

Ашер: *Единственное место, куда я войду сегодня, это в твою киску.*

Мои щеки пылают, и я так рада, что уже покинула кабинет Алекса.

Рейна: *Мудак.*

Ашер: *И в твою задницу тоже, если продолжишь меня искушать.*

Боже, этот парень станет моей смертью.

Прежде чем выйти на улицу, я открываю Инстаграм и пишу сообщение Cloud003. Моя грудь сжимается от мысли о том, что я делаю это за спиной Ашера, но он не оставил мне выбора.

Джейсону и мне нужно поговорить один на один и решить все проблемы, которые у нас есть. Я также уверена, что он расскажет мне об Арианне, если Ашера не будет рядом.

Рейна Эллис: *Мы можем встретиться?*

Мои пальцы одеревенели, когда я добавляю следующее слово.

Рейна Эллис: *Пожалуйста?*

Я не жду, что он ответит. Это большая натяжка, но я готова попробовать все варианты прямо сейчас. Мне нужно не только очистить свое имя, мне также нужно, чтобы Ашер избавился от призраков прошлого.

Мой экран загорается.

Cloud003: *Завтра. В семь. Блэквуд Гранд-отель. Номер 1003.*

Глава 23

Рейна

Я стою перед номером 1003 в семь часов.

Из того, что я узнала о моих странных отношениях с Cloud003, мы никогда не встречались лично. У нас никогда не было встреч за пределами вечеринок на Хэллоуин.

Так почему этот зал кажется знакомым? Почему мне кажется, что я уже стояла в подобном коридоре раньше? У меня было такое же чувство неизвестности.

Нет.

Я должна это сделать. Кроме того, я просто поговорю с ним и уйду. Я взяла с собой свою охрану. Если я не выйду через пятнадцать минут, они позвонят, а если я не отвечу, они придут за мной.

Я натягиваю рукава своей джинсовой куртки. Я оделась в джинсы и белый топ, ничего лишнего.

Может, вся эта напряженность из-за того, что я не хочу делать ничего из этого за спиной Ашера.

Я сказала ему, что встречаюсь с Люси и Наоми, и я действительно поехала с ними, но как только мы отъехали от кампуса, я попросила своих охранников отвезти меня сюда.

Они отчитываются только перед Алексом, и он не спросит, что я здесь делала. Даже если он поинтересуется, он не скажет Ашеру.

Кроме того, я делаю все это ради этого мудака. Если бы он позволил мне поговорить с Джейсоном прошлой ночью, я бы не была вынуждена встречаться с ним в гостиничном номере, будто я изменщица.

Я не изменщица.

Сделав последний глубокий вдох, я стучу в дверь. Проходит несколько секунд, но ответа не приходит.

Я снова стучу. Может, его еще здесь нет? Ну, сейчас семь, и он, кажется, пунктуален, так что...

Мои мысли разбиваются вдребезги, когда открывается дверь. Парень, стоящий передо мной, не Джейсон.

Нет.

Он последний человек, которого я ожидала здесь найти.

Темные джинсы подчеркивают его мощные бедра, а серая футболка обтягивает выпуклые мышцы.

Глаза, которые не должны были смотреть на меня прямо сейчас, захватывают мою душу в свои безжалостные объятия.

— А-Ашер?

— Единственная и неповторимая, моя шлюха.

Он хватает меня за руку и тащит внутрь.

Я слишком ошеломлена, чтобы реагировать или даже двигаться. Только когда дверь закрывается, и он прижимает меня к ней, я медленно выхожу из ступора.

— Ч-что ты здесь делаешь?

О, Боже. О, нет.

Моя шлюха.

Он назвал меня своей шлюхой. Только один человек называет меня так, и это не должен быть он. Но, может, Ашер видел нашу переписку? Может, он знал, что я встречаюсь с Джейсоном, и пришел, чтобы все испортить?

Почему ни один из этих вариантов не регистрируется в моей голове? Почему он продолжает отвергать их, будто они не имеют никакого веса?

Как будто моя голова уже знает ответ, а это не так.

— Что ты здесь делаешь? — он проводит большим пальцем по моей щеке, затем сжимает мой подбородок обоими пальцами. — Разве ты не должна была провести вечер с *девочками*?

— Я... я...

— Ты солгала. Вот что ты сделала. Знаешь, что происходит, когда ты лжешь мне?

Он проводит носом по моей щеке, и я задерживаю дыхание.

— Эш, я... — я прочищаю горло, словно этого достаточно, чтобы рассеять душасщее меня облако. — Я думал, ты Джейсон.

— Ты думала, что я Джейсон, — повторяет он, и его голос приобретает смертельную остроту. — Сначала ты солгала, а потом подумала, что я Джейсон. Это два удара, моя шлюха.

— Н-не называй меня так.

Даже когда я произношу эти слова, я не имею их в виду. В глубине души мне нравится, когда он так называет меня, как и раньше.

Как и раньше?

О, Боже. Это он. Это действительно он.

— Но ты же... — он высовывает язык и проводит им по моей нижней губе, заставляя меня дрожать. — Моя шлюха.

У меня слишком кружится голова, чтобы думать или формулировать какие-либо слова.

Я просто стою, как олень, попавший в свет фар.

— Н-но Люси показала мне твою фотографию на вечеринке в честь Хэллоуина в Англии в прошлом году. Ты... тебя не мог быть там.

— Это было днем раньше. Я попросил друга опубликовать снимок позже.

— Почему?

— Потому что.

Что это должно означать? Он не хотел, чтобы я узнала? Он морочил мне голову? Что именно?

— Я здесь. — он снова облизывает мои губы, будто пробуя их на вкус в первый раз. — Почему ты хотела встретиться?

Когда я молчу, его пальцы оставляют мою челюсть и обхватывают мое горло так крепко, что я чуть не задыхаюсь.

— Чем ты планировала заниматься с Джейсоном?

— Н-ничем. — выдыхаю я.

— Думаешь, я поверю в это? — он рычит мне в лицо.

— Я только хотела спросить его об Арианне. И все.

— Почему ты стала такой искусной лгуньей?

Я смотрю на него со всей энергией, которая у меня есть, учитывая, что его рука перекрывает мне доступ воздуха.

— Я не лгу. Ты лжешь.

Это заставляет его немного ослабить хватку, но он все еще прижимает меня к двери. Его свободная рука взлетает над моей головой, так что он опирается на нее и смотрит на меня сверху вниз.

— Я?

— Ты все это время знал, кто я такая, но тебе ни разу не пришло в голову сказать мне, кто ты такой. Ты чертов лжец, Эш.

Тогда меня осенило — все, что я сказала ему через сообщения, все темные мысли, о которых я говорила и признавалась, не говоря уже обо всех сексуальных вещах, которые мы делали в прошлом.

Он владел частью меня и заставлял меня чувствовать себя плохо, думая, что я ему изменила.

Мудак.

Он поглаживает большим пальцем точку моего пульса.

— Ты знал.

— Я.. знала?

— Ты хорошо это скрывала, но да, ты знала. В прошлом году я трахала тебя сзади, пока ты была в полусне, и ты выкрикнула мое имя. — он вздыхает, звук долгий и сбитый с толку. — Ты даже попросила меня остаться. Какого черта ты попросила меня остаться?

Все это возвращается ко мне.

Не в флэшбэках, а в небольших осязаемых воспоминаниях. То, как он держал меня за волосы, когда трахал с настойчивостью умирающего, то, как он целовал меня жестко и грубо и заставлял кончать снова и снова.

Он был жестоким, непримиримым и использовал меня всеми возможными способами. Впрочем, он мне тоже понравился. Он смотрел на меня своими ярко-зелеными глазами сквозь черную маску и без слов говорил мне, как сильно он одержим мной, почти так же сильно, как я одержима им. Он показывал мне своими действиями, насколько долгое отсутствие никогда не стирало ту связь, которая у нас была.

Конечно, я знала, кто он такой. Я поняла это в тот момент, когда увидела его глаза, когда он вошел на вечеринку. Во всем мире нет таких пар, как они, — по крайней мере, для меня.

У осторожной, сдержанной Рейны ни за что не было бы связи на одну ночь. Я была расчетливым человеком, который всегда смотрел вперед и все продумывал. Связи на одну ночь не вписывались в мои планы.

Единственная причина, по которой я это сделала, заключалась в том, что я знала, что это был Ашер. Костюм давал мне анонимность, в которой я нуждалась, сдаваясь ему.

— Потому что я этого хотела, — легко говорю я. — Я хотела, чтобы ты остался, Эш.

Он делает паузу, его палец застывает у моего горла.

— Ты помнишь?

— Несколько вещей, — бормочу я. — Эти два раза были не единственными, не так ли? До того, как ты уехал в Англию, был еще один.

Воспоминания просачиваются медленно, почти так, будто они витают в воздухе, и мне приходится подпрыгивать, чтобы поймать их.

Он говорит так, словно погружает меня в эти воспоминания.

— В доме Себастьяна у озера. Было темно, и мы оба были пьяны. Я знал, что это была ты, потому что я следил за твоей задницей, но не ты. По

крайней мере, я думал, что ты не следишь за мной. — его ноздри раздуваются. — Ты также знала об этом?

— Конечно, я знала. — я слегка улыбаюсь. — Я тоже следила за твоей задницей. Я просто не была так очевидна в этом. Это то, что я сделала, знаешь. Я наблюдала издали, кралась издали и говорила себе, что этого достаточно. Но не в ту ночь. Возможно, это был алкоголь или тот факт, что ты уезжал на следующее утро, и я никогда тебя больше не увижу, но я должна была остаться с тобой, даже на одну ночь.

Слезы текут по моим щекам, когда интенсивность моих эмоций в то время захлестывает меня. Несмотря на то, что я была пьяна, ничто не могло уменьшить боль или тот факт, что мне придется жить в мире без него.

Это было тогда, когда мрачное облако ударило сильнее всего.

— Поэтому я пробралась в дом Бастиана у озера, зная, что ты последуешь за мной. Я даже специально сняла куртку и ботинки. Мне нужно было почувствовать тебя, хотя бы один раз.

— Черт, Рейна. — он хлопает рукой рядом с моей головой. — Черт! Почему ты ничего не сказала?

— Это разрушило бы чары. Ты ненавидел меня тогда, Эш, — я сглатываю. — Больше, чем когда-либо, я имею в виду.

— Значит, ты заставила меня поверить, что тебя устраивает секс на одну ночь с никем после того, как ты всегда отталкивала меня?

В его голосе звучит почти горечь.

— Ты не был никем. Ты был собой.

— Я думал, ты позволила незнакомцу трахнуть тебя, Рейна. Я чертовски ненавидел тебя за это, хотя это был я.

— Думаю, небольшая цена, которую нужно заплатить. Кроме того, я бы не отдала свою девственность незнакомцу.

Он делает паузу, и я тоже, осознав, в чем я только что призналась.

Ашер лишил меня девственности. Черт возьми.

— Я этого не знал. — его брови хмурятся. — У тебя не шла кровь или что-то в этом роде. Тебе также не было больно.

Я пожимаю плечами, мои щеки пылают.

— Потому что это не было больно.

В тот момент я так долго хотела Ашера, что секс с ним стал моей любимой фантазией, поэтому, когда это действительно произошло, я не могла смириться с тем фактом, что это было лучше, чем любая фантазия, которую я могла бы иметь.

Конечно, это не было больно; я была слишком возбуждена для этого.

Он поднимает меня на руки и сокращает расстояние от гостиной отеля до спальни. Я визжу, когда он бросает меня на кровать в чисто пещерной манере. Мое сердце колотится громко и сильно, когда я лежу на спине. Ашер стягивает с меня джинсы, и я хватаю его за руку.

— П-подожди.

— Я ждал достаточно долго. И больше не буду.

— Позволь мне позвонить моей охране — они поднимутся, если я не вернусь.

Он неодобрительно стонет, но бросает мне мою сумку.

— Ты приехала с ними для Джейсона?

— Как я уже сказала, меня не интересовало ничего, кроме разговора с ним.

Что явно не относится к Ашеру.

Мне требуется слишком много времени, чтобы дрожащими пальцами достать телефон и набрать номер начальника моей службы безопасности Гейджа.

— Мисс Рейна.

Ашер не прерывает зрительный контакт, когда стягивает футболку через голову, обнажая свой рельефный пресс. Татуировка колыхается на его бицепсе, когда он тянется к джинсам и мучительно медленно расстегивает

пуговицу. Затем он одним движением стягивает джинсы и боксерские трусы с ног.

О, Боже.

Он твердый, толстый и готовый. Мои собственные бедра сжимаются в предвкушении.

— Мисс Рейна? — хрипый голос Гейджа вытаскивает меня из стриптиз-шоу.

— Э-э, да. Я в порядке, Гейдж. Я проведу ночь с Ашером. Ты можешь вернуться.

— Мы также останемся здесь.

— Все хорошо. — я стараюсь не звучать хрипло. — Со мной здесь ничего не случится.

И я говорю серьезно. Я чувствую себя в большей безопасности, чем когда-либо, когда нахожусь рядом с этим приводящим в бешенство, но глубоко раненым человеком.

Я тоже ранена, была ранена с детства, и пребывание с ним дало мне надежду, что я смогу исцелиться.

Мы сможем исцелить друг друга.

— Очень хорошо, мисс Рейна. Я останусь на всякий случай. Позвоните мне, если что-нибудь случится.

Ашер приближается ко мне, и я не смогла бы ни на чем сосредоточиться, даже если бы попыталась.

— Э-э... да. Спокойной ночи, Гейдж.

Я нажимаю кнопку и убираю телефон и сумку.

— Так ты была девственницей, да?

Он ползет ко мне, его твердые бедра по обе стороны от меня.

Он стягивает мои джинсы и трусики вниз по ногам одним безжалостным движением, а я вожусь со своей курткой и кофточкой. Ремешки застревают у меня в волосах, и я чуть не выдираю пряди. Ашер

распутывает и расстегивает мой лифчик, позволяя ему упасть на кучу одежды на полу.

От толчка я приподнимаюсь на локтях, когда его тело нависает над моим. Эта поза такая интимная и... правильная. Вот какими мы с Ашером всегда должны были быть.

— Ответь мне, — ворчит он возле моего рта, нависая, но не целуя.

Поддразнивание.

— Да, я была девственницей. — у меня перехватывает дыхание, когда я признаюсь. — И ты единственный, Эш.

— Единственный?

— Да. Никто ни до тебя, ни после тебя. Я знаю это точно.

Обе его ладони обхватывают мое лицо, когда он опускает свой лоб к моему.

— Я думал, что я единственный, кто так безнадежен для тебя.

— Я тоже была безнадежна для тебя, Эш.

Я вдыхаю его аромат сандалового дерева и цитруса, впитывая его тихие признания.

Тот факт, что он Cloud003, тот, кто знает все мои секреты и все равно хочет меня, тот факт, что он хотел ненавидеть меня, но не мог не возвращаться каждый год, чтобы быть со мной.

Я вдыхаю все это.

— Ты тоже была моей первой и единственной, Рейна.

Мои губы приоткрываются, сердце колотится и колотится.

— Но ты был в Англии и... О, Боже мой. Подождите. Ты был *девственником*?

— В восемнадцать. Насколько это, блядь, жалко? — он улыбается, но за этим нет никакого юмора. — Думаю, мне повезло, что ты была слишком пьяна, чтобы заметить.

— Эш...

— Ты была единственной девушкой, которую я хотел поцеловать с тех пор, как узнал, что такое поцелуй, и единственной, кого я хотел трахнуть с тех пор, как узнал, что значит трахаться. Все остальные были ничем по сравнению с тобой. Я даже не мог возбудиться при виде них, и это не изменилось, когда я отправился в Англию. Каждый раз, когда я чувствовал желание, я вытаскивал твою фотографию или думал о ночах, которые мы проводили вместе, и дрочил на них. Возможно, я и хотел погубить тебя, но я никогда не мог избавиться от потребности владеть тобой тоже.

Лоб Ашера остается соединенным с моим. С каждым словом, слетающим с его губ, мое дыхание становится глубже и поверхностнее, тяжелее и быстрее.

У нас даже не было настоящих отношений, и он ненавидел меня, но все равно оставался мне верен.

Он не думал о других девушках, потому что не мог перестать думать обо мне.

— Я никогда не хотела другого, кроме тебя, и никогда не захочу. — я обнимаю его за шею. — Ты испортил меня для всех остальных.

Его ворчание звучит как музыка для моих ушей, когда он устраивается между моих ног.

— Это моя шлюха.

Возбуждение охватывает мои бедра от грохота его голоса.

— Скажи это.

Его пальцы обхватывают мое горло, движение эротичное и такое совершенно доминирующее.

— Я... я...

— Не то слово.

— Я твоя... шлюха.

Святое дерьмо, почему меня так заводит произносить это вслух?

— И ты моя.

— Я твоя.

Слова застревают у меня в горле, когда он входит в меня во всю длину. Все мое тело отрывается от кровати, но его безжалостная хватка на шее удерживает на месте. Я обхватываю рукой руку, держащую меня, в то время как другая моя рука остается на его шее.

— Ты всегда позволяешь мне трахать тебя грязно и жестко. — он ворчит, ускоряясь. — Я требовал и твою киску, и твою задницу снова и снова.

О Боже, вот почему в другой раз это не было больно и даже приятно. Это было не в первый и даже не во второй раз.

— Ты принадлежишь мне, королева выпускного. Полностью.

— Да...

Я задыхаюсь, мое сердцебиение учащается в такт его толчкам.

Он действительно трахает меня, будто я его шлюха. Он разворачивает меня и врезается в меня сзади так, что моя задница свисает с края, а затем шлепает меня по бедрам и ягодицам, пока я не выкрикиваю его имя.

Он еще не закончил.

Когда я дрожу и хнычу от силы освобождения, он поворачивает меня так, чтобы сесть на кровать, а я устраиваюсь у него на коленях с его твердым членом, все еще пульсирующим внутри меня. Он берет меня медленнее и неторопливее, пока наши груди синхронно встречаются.

С каждым вдохом и выдохом мое тело воспламеняется, а звезды вспыхивают за веками. Я обнимаю его за шею, когда обе его сильные руки обвиваются вокруг моей спины, не давая мне упасть.

Мы обнимаем друг друга, пока он медленно движется внутри меня. Со слезами на глазах я понимаю, что теперь я не его шлюха; я почти его... королева.

Его единственная и неповторимая.

Одна эта мысль толкает меня к приятным высотам еще одного сокрушительного оргазма. Я выкрикиваю его имя, мои зубы находят его

плечо, а ногти впиваются в кожу. Его губы находят впадинку на моей шее, когда он рычит и изливается в меня.

Мои глаза закрываются, усталость охватывает нервные окончания. Он всегда трахает меня так тщательно, что после этого у меня хватает сил только на сон.

Это все, чего я когда-либо хотела.

Все, что мне когда-либо было нужно в жизни, это спать в его объятиях и чувствовать себя в полной безопасности.

— Но почему Cloud003? — я бормочу в своей сонной дымке.

— Облако из-за Грея, моего второго имени. 003 из-за того дня, когда я впервые встретил тебя, 3 января. Это также причина этого номера — 1003.

Я улыбаюсь, прижимаясь к его коже. Будь проклят этот человек и то, на что он ради этого пошел.

Я люблю тебя, кричит мой разум. Я так сильно люблю тебя, и меня убивает мысль, что ты не чувствуешь того же.

Глава 24

Рейна

Звук вибрации вырывает меня из глубокого сна. Я стону, переворачиваясь на бок и пытаюсь пошарить, но сильная рука удерживает меня на месте.

Улыбка появляется на моих губах, когда я медленно открываю глаза. Неземное лицо Ашера находится в нескольких сантиметрах от моего, в глубоком сне. Вероятно, он плохо спал два дня назад, и его густые брови нахмурены.

Я кладу палец посередине и пытаюсь разгладить складку.

Разве это не несправедливо для кого-то быть таким красивым, даже когда он спит?

Телефон продолжает вибрировать.

Часы на стене показывают одиннадцать вечера; мы были так измучены, что погрузились в глубокий сон.

Лицо Ашера снова становится умиротворенным, как только я разглаживаю борозду. Я медленно убираю его руку со своего живота и соскальзываю с изгиба его тела.

Телефон перестает вибрировать, и я подумываю о том, чтобы снова лечь спать, пока не вижу пропущенный вызов.

Иззи.

Она бы не позвонила мне так поздно без причины. Что-то случилось с Алексом?

Я бегу в ванную, надеваю халат, а затем возвращаюсь в комнату, хватаю сумку и телефон и ныряю в другую половину комнаты.

Как только я оказываюсь вне пределов слышимости Ашера, я перезваниваю Иззи.

Она отвечает после первого гудка.

— В чем дело, Иззи? — я тяжело дышу. — Все в порядке?

— Я... э-э... Извините, что звоню так поздно. Никто не пострадал, не волнуйтесь.

Слава Богу. Я плюхаюсь на диван, облегченно вздыхая.

— Тогда в чем дело? Ты что-то хочешь?

— Мне было интересно, смотрели ли вы видео.

— Видео?

— То, что на флешке.

Верно. Она передала мне это вчера. Я отвлеклась, скрывая от Ашера свою встречу с Cloud003, поэтому забыла об этом.

— Еще нет.

— Вы должны, — шепчет она. — Пожалуйста, посмотрите. И Рейна?

— Да?

— Мне так жаль.

Линия обрывается.

Я слишком долго смотрю на черный экран. Со вчерашнего дня Иззи ведет себя странно. Может, если я посмотрю эти кадры, то пойму, почему.

Я роюсь в своей сумке, пока не нахожу маленькую черную флешку. Я подключаю ее к телевизору отеля и уменьшаю громкость, открывая видеофайл.

Качество кажется странным, угол скрыт, почти как на том видео, которое Джейсон показывал мне в прошлый раз.

Только теперь ракурс запечатлевает Арианну спереди. Она смотрит вверх, вероятно, на человека, снимающего это.

Сидя на одной из подушек в домике у бассейна, она вертит лифчик на пальце и смеется.

— Можешь поверить, как эта сука клюнула на лифчик в сумке Грея? Она думает, что она такая умная, но ею слишком легко манипулировать.

— Ашером тоже.

Джейсон — это его голос.

— К сожалению, да, — говорит она с притворным сарказмом. — Все, что мне нужно было сделать, это пригрозить Стэнфорду разоблачением его коллекции фотографий педофилов, и он назвал имя Рейны, как попугай, когда я отсасывала ему.

— Тебе было хорошо? — спрашивает Джейсон слегка хриплым голосом.

— Хорошо? — она смеется. — Мне ничего не кажется хорошим, Джейс. Все похоже на отрепетированную пьесу. Это было похоже на сосание пластика. Но так как я знала, на какие кнопки нужно нажимать, я заставила его почувствовать себя хорошо. Кроме того, Грей поверил. Беспроигрышный вариант.

— Ты ужасна.

В голосе Джейсона слышится улыбка.

— Спасибо. — она притворно приседает в реверансе. — Знаешь, играть с ними становится скучно. Грей и Рейна были этими двумя людьми, которые смотрели друг на друга так, словно нашли спасение. Было интересно наблюдать, как они растворяются, держаться за это что-то, даже несмотря на то, что они продолжают причинять боль. Я должна была знать, что это за приводящая в бешенство связь, которую я не могла понять. Помогло то, что они заботились обо мне. Это облегчало им жизнь. Слух здесь, какой-то хаос там, и они просто продолжают трещать. *Это завораживает.* Грей даже поверил, что Рейна стояла за всеми этими дерзостями, и Рейна подумала, что это месть Грея ей, поэтому она держала рот на замке, когда все обвиняли ее.

Глубокий смех исходит от Джейсона.

— Только ты можешь погубить двух людей, которые любят тебя больше всего, Ари.

— Любовь. — она наклоняет голову набок, как маньяк. — Что это? И почему меня это должно волновать? Единственная причина, по которой я держу Грея и Рейну рядом, это то, что с ними весело играть. Король и

королева школы находится под каблуком у самого незначительного ученика.

Хэштег: Падение Королевства.

— Да ладно, ты никогда не заботилась о них?

— Нет. Они просто существуют для того, чтобы служить нужной мне цели, а потом исчезают. Мама учила меня быть заботливой и внимательной, и это чертовски раздражало. Я рада, что эта сука умерла и оставила меня в покое. По крайней мере, отцу наплевать на дерьмо, и Грея стало легче обмануть, когда мы выросли.

— И что теперь? — спрашивает Джейсон. — Ты что-то сказала о том, что Рейна узнала?

— Хм, да. — она постукивает пальцем по губам. — Я думаю, она кое-что поняла после того, как я призналась сегодня, что люблю Грея. Он ничего не заподозрил, когда я призналась, что люблю Рейну, но эта сука умнее, чем я думаю. Она разрушила мой план, и я заставлю ее заплатить.

— Как?

Она вздыхает.

— Это все равно становится скучным, так что я могу пойти на грандиозный финал.

— Какой? — спрашивает Джейсон.

— Порвать с ними раз и навсегда. И Джейс?

— Да?

— Продолжай мое наследие. Знаю, что глубоко внутри ты жаждешь хаоса, поэтому, как только я разожгу огонь, не дай ему погаснуть.

— Ты имеешь в виду держать Ашера и Рейну порознь?

— Да. После того, как я закончу с ними, они все равно больше никогда не сойдутся, но на всякий случай не позволяй им воссоединиться.

— Почему бы тебе не убедиться в этом самой, Ари?

Она смотрит в камеру так, будто знала, что она была там все это время. Мои ладони становятся липкими от пустого взгляда в ее глазах.

Это не человек, это монстр.

— Этот мир слишком мал для меня.

Экран темнеет, но я продолжаю смотреть на него. Слеза скатывается по моей щеке, затем следует еще одна, и еще. Я не могу остановить их, даже если бы захотела.

Я любила Арианну. Я думала о ней как о чем-то вроде замены Рейне, но она никогда не заботилась обо мне. Все, в чем она была заинтересована, это проявить себя, манипулируя моей любовью и любовью Ашера к ней.

И Джейсон...

Дерьмо.

Он был замешан в этом с самого начала. Он разделял безумие Ари и заставил меня думать, что Ашер был моим злейшим врагом, и хотя в некотором смысле он был таким, это была не его вина. Он сделал это не потому, что действительно ненавидел меня; он сделал это, потому что был вынужден.

Я бы сделала то же самое, если бы оказалась на его месте.

Это такое уродливое положение, в котором можно оказаться.

Я тянусь за пультом, чтобы выключить телевизор, и тут в моем периферийном зрении появляется присутствие. Я ахаю, пульт выпадает из моих пальцев и с грохотом падает на пол.

Ашер стоит у входа в спальню, одетый только в боксерские трусы. Он все еще смотрит на пустой экран, как и я несколько секунд назад.

Судя по его отсутствующему выражению лица, он наблюдал за происходящим — или, по крайней мере, за большей его частью. Он продолжает смотреть телевизор, будто Арианна все еще там, говорит, что она никогда не заботилась о нас, говорит, что ее брат, который пожертвовал своей молодостью ради ее счастья и рано повзрослел, став ее родителем, и ее поддержку было легко обмануть, говоря, что все, о чем она заботилась, это уничтожить его.

Боже, он не реагирует — совсем не реагирует.

Это даже страшнее, чем если бы он разгромил это место.

Даже его руки падают по обе стороны от него, как безжизненные части тела. Он не сжимает кулаки и не двигает челюстью.

Он оцепенел.

Нет, я не позволю ей забрать его у меня. Только не снова.

Арианна не высунет голову из могилы, чтобы еще раз разрушить наши жизни. В прошлом ей это удавалось, но больше этого не повторится.

Я шатаюсь на нетвердых ногах и на цыпочках подкрадываюсь к нему, будто боюсь, что он сорвется в любую секунду. Он не двигается, даже когда я встаю перед ним, мои пальцы почти касаются его.

— Эш... — уговариваю я.

Никакого ответа.

Я беру его за руку в свою. Она тяжелая, неподвижная и... холодная. Такая чертовски холодная.

— Эш, посмотри на меня.

Его взгляд блуждает от телевизора к моему. Там так много боли, так много лет потрачено на ненависть, месть, насилие.

Так много упущенного времени.

— Это была не твоя вина. — мой голос полон эмоций несмотря на то, что я пытаюсь говорить нейтральным тоном. — Это была не наша вина. Мы просто слишком сильно любили ее, чтобы заметить это.

Он ничего не говорит, но его челюсть сжимается так сильно, что я боюсь, что с ним что-нибудь случится.

Что, если я его потеряю?

Что, если ей это удастся, и это конец?

Что, если...

— Мне так жаль.

Его голос едва слышен выше шепота.

Мои брови хмурятся.

— Что?

Его руки обхватывают меня в крепком объятии, от которого у меня почти перехватывает дыхание.

— Мне так чертовски жаль, Рейна.

Если возможно, его объятия сжимаются вокруг меня сильнее. Это говорит гораздо больше, чем говорят мне его слова. Это говорит о том, как сильно он сожалеет о прошлом, как сильно он хотел никогда не отпускать меня.

Поэтому я обнимаю его в ответ, потому что у меня те же самые сожаления.

Мы потеряли так много времени. Мы барахтались, тонули и так долго не могли вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха.

Вся эта боль теперь исчезает, словно ее никогда и не было.

Я позволяю ему отнести меня обратно в постель. После этого мы не разговариваем.

Мы просто смотрим друг на друга, обхватив друг друга руками и ногами, когда засыпаем.

Мы оба ранены и нуждаемся в восстановлении сил.

Ночной кошмар заставляет меня проснуться. Там были суровые сине-зеленые глаза, смеющиеся надо мной, насмехающиеся надо мной, говорящие мне, что я никогда не смогу избежать своей судьбы.

Слеза скатывается по моей щеке, когда я открываю веки. Большим пальцем вытираю слезу.

Эти темно-зеленые глаза встречаются с моими, когда он медленно вытирает слезу. Его рука не покидает моего лица даже после того, как все слезы высохли. Его сильная рука гладит мою щеку, пока он пристально смотрит на меня, как будто я превращусь в дым и зеркала.

Уже поздно, примерно два или три часа ночи, но, похоже, он слишком мало спал, если вообще спал.

Видеть, как ему так больно, и не иметь возможности поговорить об этом, медленно убивает меня. Ашер всегда был молчаливым типом, который направлял свою боль внутрь вместо того, чтобы очищать ее, и это убивало его медленно, но верно.

Я не могу позволить ему держать все это в себе, только не после того, через что мы оба прошли.

— Проблемы со сном, — бормочу я, будто более громкий голос поднимет плащ, окружающий нас.

— Я не могу выкинуть из головы ее голос или лицо. — его слова тихие и наполнены такой болью, что они выворачивают меня наизнанку. — Я не могу поверить, что это моя младшая сестра, та самая Ари, ради которой я так многим пожертвовала. Я должен был увидеть знаки или остановиться и спросить, когда я увидел эти гребанные знаки.

— Эй. — я провожу ладонью по его обнаженной груди и кладу ее на его спокойное сердцебиение, его почти мертвый пульс. — Мы не могли знать, она была слишком стратегична в этом, а мы были слишком молоды и у нас было слишком много проблем с общением.

— Проблемы со связью, которыми она питалась и которые использовала против нас.

— К сожалению.

— К сожалению? — его голос немного повышается. — Я думаю, что это требует более сильного слова, чем это. Наши жизни были разбиты на чертовы куски.

— Не вся наша жизнь, — говорю я с надеждой, почти жалобно.

— Не вся наша жизнь.

Мое сердце колотится так громко, что требуется мгновение, чтобы собраться с мыслями и спросить, чтобы быть уверенной.

— Только прошлое?

— Только прошлое.

— Я так скучала по тебе, Эш, — признаюсь я, и еще одна слеза скатывается по моей щеке. — Эти три года были сущим адом, абсолютной пустотой. Я так сильно ненавидела тебя за то, что ты оставил меня позади, за то, что ты никогда не оглядывался назад и не пытался привести меня к тебе. Арианна могла бы убить нас, но ты убил меня, бросив меня. Ты был единственной ниточкой, которая осталась у меня в жизни после смерти папы, и ты просто так жестоко оборвал меня.

— Мне жаль. — он вытирает мою слезу подушечкой большого пальца.
— Если это тебя утешит, я тоже убил себя. Не было ни минуты, чтобы я не думал о тебе.

Я не могу остановить слезы, даже если захочу.

Чем больше он их вытирает, тем сильнее они падают.

— Рейна... — он бормочет мое имя, как молитву, которую ему до смерти хотелось произнести.

— Я не хочу сражаться. Не сегодня.

Я обнимаю его за талию и утыкаюсь лицом ему в грудь.

Его сильная рука накрывает мою поясницу, когда он зарывается носом в мои волосы, вдыхая меня.

— Я тоже не хочу сражаться. Ни сегодня, ни когда-либо.

Мы просыпаемся от резкого стука в дверь. Я стону, когда вижу тень Ашера, выходящую из комнаты и собирающуюся ответить на звонок.

— Какого хрена ты здесь делаешь?

Его серьезный голос вырывает меня из тумана, вызванного сном.

Я вскакиваю с кровати, плотнее запахиваясь в халат.

— Убирайся отсюда.

Голос Ашера становится убийственным.

Я выглядываю и останавливаюсь.

Детектив Дэниелс стоит посреди гостиной с самодовольной ухмылкой и показывает Ашеру листок бумаги.

— Не сегодня, Карсон. У меня есть ордер на арест мисс Рейны Эллис.

Глава 25

Рейна

Я выхожу только после того, как переодеваюсь обратно в свою одежду и делаю макияж. Теперь я понимаю, почему Старой Рейне нужно было делать это всякий раз, когда она выходила. Мне не нравилось находиться в центре внимания, если у меня не было какого-то щита.

Мое идеальное лицо и внешность были именно такими.

Это защитный механизм, скрывающий мои истинные чувства. В этом я была профессионалом.

Детектив Дэниелс ждет меня с двумя полицейскими в шляпах у двери. На его лице самодовольная ухмылка с тех пор, как он показал ордер на арест.

Пот покрывает мою кожу, когда одна мрачная мысль за другой врывается в мой разум. Что, если они действительно нашли тело Рейны?

Нет. Алекс сказал, что его человек прислал сообщение после той ночи, сказав, что она в безопасности.

Моя сестра боец, она бы просто так не умерла.

Ашер меряет шагами комнату, прижимая телефон к уху.

— Возьми трубку, Александр.

— Все в порядке. — я кладу руку ему на плечо, заставляя его остановиться. — Поезжай и найди его в фирме. Он, наверное, на совещании.

Все еще сжимая телефон, он кладет ладони мне на обе щеки и тянет вверх, так что я смотрю прямо в его полные боли глаза.

— Я вытащу тебя оттуда. Обещаю.

Мои конечности начинают дрожать, будто я вот-вот сдамся. Если он продолжит прикасаться ко мне, я предамся всем этим мрачным мыслям и сломаюсь.

Я не могу этого сделать, когда мне нужно найти свою сестру.

Я пытаюсь увернуться от его прикосновения, но он пригвождает меня к месту, лесной зеленый цвет его глаз становится мрачным.

— Ты убегаешь от меня, королева выпускного?

— Нет.

Да.

— Ты не можешь оставить меня, больше нет. — его губы касаются моих в коротком, душераздирающем поцелуе. — Теперь ты мой мир.

Слезы наворачиваются мне на глаза, и я отстраняюсь от него, прежде чем начинаю плакать.

Я не могу этого сделать. Не сейчас.

Я шагаю к детективу и офицерам. Мое сердце молит в последний раз взглянуть на Ашера, но я отвергаю эту просьбу. Мне нужно быть сильной для этого, и я не смогу этого сделать, если буду продолжать думать о последних словах Ашера.

Как только я оказываюсь перед ними, детектив Дэниелс говорит мне, что я арестована за убийство, и зачитывает мне мои права, затем наклоняется, чтобы прошептать:

— Я же говорил, что доберусь до вас.

Выражение моего лица не меняется, но пульс учащается от презрения в его тоне.

Я иду с ними по коридору и через вестибюль, где люди всю дорогу пялятся на меня. Гейдж бежит ко мне, нахмутив брови, но я останавливаю его.

— Все в порядке, просто попытайся дозвониться до Алекса.

Он резко кивает и достает телефон. Мой единственный выход молчать, пока не появится Алекс. Уверена, что он сможет устранить детектива, как и раньше, то есть если они действительно не нашли тело.

Офицеры не произносят ни слова. Они громоздкие, с татуировками, спускающимися по рукавам. У одного неукротимая борода, а у другого постоянная насмешка. Это шрам у него на челюсти?

Один из офицеров садится за руль, а другой открывает заднюю дверь. Дэнниелс достает наручники и пытается удержать меня.

Я высвобождаю руки.

— Я не сопротивлялась аресту — в этом нет необходимости.

— Я тот, кто решает, сопротивлялись вы или нет, — рычит он, затем защелкивает наручники на моих запястьях.

Я сглатываю от ощущения, что со мной обращаются как с преступником. Я ненавижу это.

Детектив заталкивает меня внутрь, так что я оказываюсь зажатой между ним и другим офицером.

Резкий запах кофе и дыма наполняет машину, а окна надежно закрыты. Конечно. Я пытаюсь дышать ртом, пока мы едем по улицам Блэквуда.

Мы идем минут пятнадцать в удушливой тишине. Они не разговаривают, и я полна решимости сохранить свое право хранить молчание.

Почему отдел так далеко?

Что-то вибрирует рядом со мной, прежде чем офицер рядом поднимает трубку. Он говорит по-русски, и хотя мой язык заржавел, я узнаю слова громко и ясно.

Мы поймали ее.

О, Боже. О, нет.

Я стараюсь сохранять нейтральное выражение лица, чтобы не показать, что знаю, о чем он говорит.

Это, должно быть, Иван Соколов, убийца моей мамы, причина исчезновения Рейны.

Теперь он идет за мной.

Я смотрю в окно и, конечно же, мы выезжаем из цивилизованной зоны и направляемся к шоссе, ведущему в лес.

Черт, черт.

Думать. Мне нужно подумать о том, как из этого выбраться. Что бы сделала мама в таких обстоятельствах?

— Я хочу в туалет, — говорю я скучающим голосом.

— Вы сходите, когда мы приедем в участок, — говорит детектив Дэниелс.

Он тоже в этом замешан. Он должен. Вот почему он был так сосредоточен на моем деле, как паразит. Это было не ради справедливости, а потому, что он работает на Ивана.

— Ну, это срочно. Вы арестовали меня в спешке. — я закатываю глаза.
— Я в порядке, если вы хотите, чтобы я обмочила ваше сиденье.

Офицер рядом со мной проклинает меня по-русски.

Ну и пошел ты тоже.

Он постукивает по барьеру, отделяющему нас от водителя, и что-то ему говорит. Они немного обмениваются напряженными словами, и я сохраняю скучающий вид, пытаюсь понять, о чем они говорят.

Один из них говорит «нет», а другой, что босс будет недоволен, если со мной что-то случится. Наконец, они решают сделать остановку на заправке. Детектив Дэниелс тот, кто будет сопровождать меня.

— Ведите себя прилично.

Он показывает мне свой пистолет, стоя у входа.

Я захожу внутрь и сопротивляюсь желанию растаять на полу и устроить сумасшедшую вечеринку.

Черт. Они везут меня к русской мафии.

Мой телефон и сумка находятся в гостиничном номере, так что сейчас у меня с собой ничего нет.

Расхаживая, я останавливаюсь возле зеркала. Я вижу отколотую часть, которая почти отваливается.

Я без колебаний хватаю ее и прячу в карман джинсовой куртки, когда открываю кран.

Мой единственный выход — избавиться от Дэниелса. Остальные в машине, так что у меня есть минут пять, прежде чем они придут за мной.

Ты дочь Миш Соколовой и внучка Николая Соколова. Ты можешь это сделать.

Снаружи доносится громкий хлопок.

— Вы закончили?

Я в последний раз смотрю на себя в зеркало.

Ты выживаешь, как и твоя мать, как и Рейна.

Ручка поворачивается одновременно с тем, как я открываю дверь.

— Наконец-то, — ворчит он. — Вперед.

Это единственный шанс, который у меня есть. Мои пальцы дрожат над краем осколка, разрезая кожу.

Сейчас или никогда.

Я притворяюсь, что иду перед Дэниелсом, затем резко поворачиваюсь и вонзаю осколок стекла ему в шею, чуть выше ключицы. Его глаза расширяются, и ему требуется секунда, чтобы понять, что произошло.

Когда он отступает, я роюсь в его кармане и выхватываю пластиковый пакет с моим браслетом, а затем надежно прячу его в карман.

Это мое, и он не имел права забирать.

Он протягивает ко мне руку, но я уже ухожу.

Я не сосредотачиваюсь на нем или на глухом ударе, который я слышу, когда он падает на пол. Я не сосредотачиваюсь на сочащейся крови, окружающей его в луже, когда он хрипит.

Единственное, на чем я сосредотачиваюсь, это мой путь к отступлению.

Я бросаюсь мимо него к магазину на заправке. Я воспользуюсь их телефоном и позову на помощь. Тогда я продолжу бежать или прятаться, пока парни в машине не уедут.

Я стою перед магазином, когда сильный удар обрушивается мне на затылок. Мои ноги подводят меня, и я падаю на колени, а затем на бок, зрение становится размытым.

Русские голоса нависают надо мной, то далеко, то близко, то почти так, будто они говорят из колодца. Кто-то пинает меня в ребра. Я хочу закричать, но не могу произнести ни слова.

Вместо этого тьма поглощает меня полостью.

Мне так жаль, мама.

Глава 26

Ашер

Я врываюсь в кабинет Александра, мой гнев вот-вот закипит. Секретарша бежит за мной, говорит, что у него встреча и все такое бла-бла-бла, но я ее не слышу.

Путь сюда был чертовски размытым. Я гнал как сумасшедший и, к счастью, не убил ни себя, ни кого-либо еще.

Я не могу стереть из памяти то, как выглядела Рейна, когда шла с ними. Эта уязвимость, которую она так хорошо скрывает, была видна по легкой дрожи в ее руках и по тому, как она пыталась уйти от меня так быстро, как только могла.

Но она никогда не уйдет.

Теперь, когда я знаю, что сделала Ари, я никогда не выпущу Рейну из виду. Еще до того, как я узнал о планах Ари, я уже придумывал способ удержать Рейну.

Я имел в виду это — я не могу оставаться в стороне.

Ари, моя младшая сестра Ари... она была в еще большем беспорядке, чем я мог предположить, и мне было чертовски больно слышать, как она произносит эти слова.

С другой стороны, это дало мне некоторое успокоение.

Мне всегда будет больно, когда я буду думать о своей единственной сестре, о той, ради кого я когда-то жил. Будут дни, когда я остановлюсь и спрошу себя, мог ли я поступить лучше, понять ее лучше, но этот день наступит не сейчас.

Александр замолкает на полуслове, когда я выхожу в центр конференц-зала. Когда он понимает, что я не уйду, он обращается к своей аудитории.

— На сегодня все. Пришлите мне по электронной почте первый черновик.

Просто так, крутые юристы, сидевшие за столом, разбегаются.

Секретарша извиняется, говоря ему, что не смогла меня остановить, но он тоже просит ее уйти. Когда дверь с шипением закрывается за ней, он наклоняется.

— Чему я обязан этим визитом?

— Рейна была арестована этим гребаным детективом.

— Что?

Он выпрямляется, беззаботное настроение исчезает.

— У него был ордер на арест.

— У него не может быть ордера на арест — тела не найдено.

— Ну, сделай что-нибудь.

Мой гнев вспыхивает, почти взяв надо мной верх.

— Я не позволю тебе командовать мной, Ашер.

Я бросаюсь к нему, пока не оказываюсь с ним лицом к лицу. Мы одного роста, но я шире его. Единственная причина, по которой я не бью его, это то, что Рейне нужны его навыки.

— Ты никогда не был отцом для нас с Ари, но ты всегда был тем, на кого она могла положиться. Не подведи и ее тоже.

— Мне не нужно, чтобы ты мне это говорил.

Он достает свой телефон из кармана и набирает номер.

Через несколько секунд он говорит:

— Александр Карсон слушает. Моя клиентка Рейна Эллис была арестована детективом Дэниелсом, и я хотел бы знать подробности.

Он слушает несколько секунд, затем его брови хмурятся.

Блядь. Это нехороший знак.

— Где детектив? — спрашиваю я. Выслушав, он с проклятием вешает трубку. — Что? —

спрашиваю я, хотя и не хочу слышать ответ.

— Их нет в участке.

— Но прошло больше получаса с тех пор, как они уехали.

— Они не знают, где находится детектив.

Он ударяет кулаком по столу.

Я впервые вижу его таким взволнованным.

— Что ты имеешь в виду, они не знают о его местонахождении? Там были офицеры и... — я замолкаю. — Ты думаешь... — мои слова обрываются, когда звонит его телефон.

Он поднимает руку вверх.

— Это мой человек. — я молчу, пока он говорит. — Александр Карсон... да... что ты имеешь в виду, она с ними? ... Что насчет Рай? Где она? — он остается неподвижным, затем опускает руку, держащую телефон, на бок. — Чертов ад.

Сухожилия на моей шее вздуваются.

— Что теперь?

— Она у Русской мафии. Она с Иваном Соколовым.

У меня кружится голова, и мои худшие кошмары начинают материализовываться.

Рейне причиняют боль.

Рейну пытаются.

Рейна..

Я качаю головой. Не позволю этому случиться, не сейчас, после всего того расстояния, которое мы преодолели. Кроме того, я обещал найти ее.

Я, блядь, *обещал*.

— Что мы теперь будем делать? — мой голос спокоен, учитывая беспорядок в мозгу.

— Мой человек сказал, что они с Рай вышли из этой ситуации. Это слишком рискованно.

— Мы не можем просто ничего не делать.

Он делает вдох.

— Я думаю.

Я расхаживаю по комнате, моя голова заполняется сценариями, в которых могла оказаться Рейна.

Каждый из них ужаснее предыдущего.

Возможно, в прошлом она жила в бегах, но это было очень давно. Теперь она ничего не знает о жизни мафии.

Рейна так же невежественна, как и любой другой нормальный гражданин.

Мой телефон вибрирует, и я достаю его, собираясь заставить замолчать. Неизвестный номер заставляет меня остановиться как вкопанный.

Я отвечаю:

— Кто это?

Голос на другом конце провода это последнее, что я ожидал услышать.

— Привет, Ашер.

Глава 27

Рейна

Удар по лицу заставляет меня вздрогнуть и проснуться.

На секунду я слишком дезориентирована, чтобы понять, где нахожусь.

Здесь темно, странно и пахнет сыростью.

А потом все обрушивается на меня одним махом.

Дэниелс, офицеры, которые говорили по-русски, а потом...

Моя голова резко поднимается, и я замираю.

Светло-голубые глаза смотрят на меня сверху вниз со злобой, такой осязаемой, что я чувствую, как она ползет по моей коже. Он одет в черный костюм, а его белесые светлые волосы коротко подстрижены, подчеркивая квадратную линию подбородка.

Я знаю, кто он, еще до того, как он произнесет хоть слово.

Кошмар моей мамы.

Тот, кто убил ее, а потом забрал мою сестру.

Тот, кто убил моего отца.

Тот, кто превратил мое детство в ад и сделал меня сиротой.

Иван Соколов.

Я ерзаю, но крепко закрепленные веревки удерживают меня на месте. Я сижу на металлическом стуле посреди стерильной комнаты. Прежний запах влажности сменяется чем-то более сильным: кровью. Нет — мочой и кровью.

Дрожь пробегает по мне при мысли о том, что они здесь делают.

Лампа, свисающая с потолка, едва дает мне ощущение времени или пространства. Я понятия не имею, как долго я отсутствовала и вообще находимся ли мы все еще на американской земле. Может, мы уже в России? Это ужасная мысль, но мне нужно взвесить все возможности. Это тот, кто убил всю мою семью и без колебаний покончил бы с моей жизнью.

Я смотрю на него со всей ненавистью, которую испытывала годами, злобой, жадной мести.

— Если это не другая *сука*. — его голос с легким акцентом, но в остальном утонченный. — Вы двое так похожи на Мию. Жаль, что она не дожила до того, чтобы увидеть, как ты вырастешь.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не наброситься. Я понимаю, что он делает, пытаюсь выплеснуть свой гнев, чтобы я была у него на ладони, но он должен знать, что внешность не единственное, что мы с Рейной получили от мамы. У нас тоже есть ее остроумие.

Понимая, что я не попадусь на его удочку, Иван улыбается, и улыбка слишком безумная, слишком... испорченная, почти как своего рода больная игра.

— Итак, Рейна, птичка сказала мне, что к тебе возвращаются воспоминания, и я хотел бы знать, куда исчезла твоя сестра.

— Ну, твоя птичка ошибается.

Я внутренне проклиная себя. Должно быть, это был детектив Дэниелс. Этот мудака все это время присматривал за мной от имени Ивана, пока не убедился, что у меня есть информация для этого придурка.

Должно быть, он понял, что ко мне возвращаются воспоминания о нашей последней встрече.

Иван так сильно бьет меня по лицу, что мое тело дергается от боли. *Это больно.*

— Избавься от этого проклятого поведения. Всем вам, отродьям Николая, необходимы уроки хороших манер.

Я сдерживаю боль и пристально смотрю на него. Это касается только нас с ним, и, если он думает, что я легко сдамся, он, должно быть, не знает, как сильно во мне живет мамин инстинкт самосохранения.

— Я буду милым. — он присаживается передо мной на корточки, почти как любящий дядя. — Скажи мне, где Рай, и я отпущу тебя.

Острое чувство облегчения захлестывает меня при его словах. Если он ищет ее, значит, думает, что она жива, и если он не может ее найти, это должно означать, что она в безопасности.

По крайней мере, это то, на что надеется мой мозг.

— Ты хочешь, чтобы я поверила, что ты меня отпустишь?

— Ты права — я не отпущу. — он смеется; смех короткий и резкий. — Я не могу судить, будет ли жить хоть капля грязной крови Николая. Если бы этот ублюдок-телохранитель не забрал Рай в тот день, вы обе были бы уже мертвы. Мне пришлось оставить тебя в живых, чтобы вытащить ее.

Она жива. Рейна жива. Теперь я почти чувствую ее дыхание.

— Я великодушный человек, Рейна. Если ты скажешь мне, где она, обещаю, что твой конец не будет болезненным — всего одна пуля, как у Мии. Если ты этого не сделаешь, что ж... ты просто умрешь от пыток, и я брошу твою голову перед Рай, прежде чем она сделает свой последний вздох. — он встает во весь рост, почти отбрасывая на меня тень. — Что это будет?

Мой позвоночник дергается, и по нему танцуют спазмы страха. Не сомневаюсь, что он выполнит свои угрозы. Он, должно быть, испытывает сильное давление со стороны других лидеров, и слишком хорошо знает, что не сможет править без книги, которая у Рейны.

Он отчаянный человек, а у отчаявшихся нет границ, особенно у отчаявшихся, опасных людей.

Чего он не понимает, так это того, что я тоже отчаявшаяся девушка. С тех пор как я потеряла маму девять лет назад, я была наполовину пуста, ожидая того дня, когда смогу отплатить Рейне за то, что она спасла меня, надеясь вопреки всему, что она выжила и где-то жива.

Этот шанс есть сегодня. Теперь я отчаянно хочу спасти ее, отчаянно хочу снова увидеть этот свет в ее глазах.

Сказать, что я не боюсь того, что Иван может со мной сделать, было бы ложью. Он не только член мафии, но и успешно совершил множество

убийств. Мои конечности слегка дрожат, и я не смогла бы остановить, даже если бы захотела.

Возможно, у меня и раньше были мрачные мысли, но я ни разу не осуществила их, потому что в глубине души я знала, что есть гораздо больше, ради чего я должна жить. Есть люди, которые любят меня несмотря на то, что я была самозванкой с двенадцати лет.

Был еще кое-кто, мальчик, который превратился в испорченного парня, мальчик, которого я любила, и парень, в которого я влюбилась снова и снова.

Есть много причин, по которым я должна держаться за жизнь, но теперь, когда на карту поставлена жизнь моей сестры, я скорее умру, чем снова повернусь к ней спиной.

Кроме того, это не ложь, когда я говорю:

— Я не знаю.

Он поднимает руку, и я готовлюсь к пощечине, но он бьет меня по лицу. Я дергаюсь на своем сиденье, когда кровь капает на мою нижнюю губу, и я чувствую привкус металла. Кашляя, я снова встречаюсь с ним взглядом.

Он наполнен жадной властью, необходимостью подняться, сокрушить всех. Это почти смешно, насколько он очевиден. Я, конечно, не смеюсь, потому что мне все еще нужна моя жизнь.

— Моя приятная фаза подходит к концу, Рейна. — он хлопает ладонью по моему лицу, позволяя мне смотреть на него только сквозь его толстые мясистые пальцы. — Где. Она?

— Я н-не знаю.

Я задыхаюсь от слов.

Его следующий удар заставляет меня увидеть звезды. Мои зубы стучат, а пальцы сжимаются друг против друга за спиной. Я кашляю кровью, которая собирается у меня во рту.

— Последний шанс. — он приближается ко мне, его лицо всего в нескольких сантиметрах от моего. — Где она, черт возьми?

Люди говорят, что ты никогда не увидишь, как придет твой конец. Это происходит слишком внезапно, и как только вы это осознаете, будет уже слишком поздно.

Но я вижу это — мой конец. Я вижу это в его бесчувственных голубых глазах и в том отчаянии, которым они пахнут. Он убьет меня, что бы я ни сделала или ни сказала. Он планировал это с того момента, как приказал своим людям похитить меня.

Возможно, я не смогу прикончить его, но я верю, что Рейна сделает это. Надеюсь, что она заставит его пожалеть о том дне, когда он родился. Я знаю, что она добьется справедливости для мамы, папы и меня.

— Я не знаю. — мой голос прерывается из-за того, что я говорю через кровь. — Даже если бы я знала, я бы никогда тебе не сказала.

Тогда я делаю единственное, что могу в данных обстоятельствах. Я плюю кровью на его чисто выбритое лицо, капли падают на его кожу.

— Ты умрешь, как гребаная свинья.

Секунду он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, будто никогда не ожидал, что я это сделаю. Я торжествующе улыбаюсь, но это длится недолго, потому что он снова бьет меня.

На этот раз стул опрокидывается, и я падаю. Мои конечности не ловят меня, так как они связаны, а голова ударяется о землю. Боль взрывается в моем теле, когда ботинок врезается в мои ребра, выбивая воздух из легких.

Я хватаю ртом воздух и ничего не нахожу. В моем теле раздается хлопок, когда он пинает меня снова и снова.

— Я сделаю твою смерть как можно более мучительной.

Он называет имя, и дверь открывается. Я едва слышу слова или различаю свое окружение.

Все расплывчато и темно, тени танцуют в моем поле зрения, будто они настоящие.

— Принеси мне мои инструменты, — говорит Иван с ухмылкой. — У нас впереди долгая ночь.

Это должно было напугать меня, но я слишком оцепенела для этого, слишком... не от мира сего.

Одно лицо продолжает мелькать у меня в голове, пока мое зрение медленно угасает.

Ашер... наша последняя встреча и то, как я убежала от него...

Лучше бы я этого не делала. Жаль, что я не поцеловала его крепче и не сказала ему, что люблю его. Жаль, что я не освободилась от своих оков и не призналась в своих чувствах раньше.

Может, все было бы по-другому. Может, я бы не лежала здесь, захлебываясь собственной кровью, и не покидала бы мир со столькими сожалениями.

Но уже слишком поздно.

Это правда, знаете. Конец наступает, как только ты понимаешь, что уже слишком поздно.

Ботинок Ивана врезается мне в ребра, и тьма засасывает меня в свои объятия.

Глава 28

Ашер

Александр не хотел, чтобы я приезжал сюда, но к черту его и всех, кто думает, что я останусь на месте, когда судьба Рейны неизвестна.

После того, как я получил этот телефонный звонок, мы приступили к делу.

Единственный, кто сейчас имеет значение, это Рейна.

Я не мог дышать с тех пор, как она исчезла из поля моего зрения этим утром. Как будто я живу в чужом времени и чужом воздухе, пока не найду ее.

И я найду ее, даже если это будет последнее, что я сделаю.

— Проверь свой жилет, — говорит мужчина рядом со мной.

Его зовут Кайл, как представил нас Александр. Понятия не имею, настоящее это имя или псевдоним, но сейчас мне наплевать.

Если у него есть навыки, чтобы вытащить Рейну из этой адской дыры, тогда он может быть инопланетянином, мне все равно.

— Все в порядке.

— Так говорят дилетанты.

У него легкий североирландский акцент, и на вид ему от двадцати до тридцати лет. Понятия не имею, почему он звучит знакомо, когда мы никогда раньше не встречались.

Он слишком расслаблен для всей той работы наемного убийцы, которую, по словам Александра, он выполняет. По словам отца, он лучше всего подходит для работы, связанной с мафией, и я верю, что Александр всегда найдет лучших для сомнительной работы.

Кайл щелкает пистолетом, прячет несколько ножей за пояс и предлагает мне один. Есть только я, он и еще один наемный убийца, который бежит в его толпе.

Естественно, Кайл и его друг-снайпер плохо ладят с полицией, поэтому они займутся спасением и исчезнут до того, как появятся копы.

Снайпер находится где-то на противоположном здании. Поскольку я его не вижу — а я смотрю, — это должно означать, что он в порядке.

— Если ты будешь мне мешать, я тебя вырублю. — Кайл не отрывает взгляда от своего оружия, когда произносит эти слова. — Дай мне пистолет. — он делает паузу. — Ты хоть знаешь, как им пользоваться?

— Да, я знаю. Я брал уроки стрельбы.

И боксерские, и еще куча дерьмового дерьма, которое, как я думал, удержит меня от проявления моей одержимости Рейной. Они не помогли.

— Уроки и реальная жизнь это разные вещи. — он направляет пистолет мне в грудь и щелкает магазином. — Здесь оказалась бы дыра и много крови. Просто говорю на случай, если ты брезглив.

— Я замучил человека почти до смерти из-за нее. Если думаешь, что я бы передумал стрелять в любого ублюдка, который причинит ей боль, ты не знаешь, с кем имеешь дело.

Тот факт, что он держит пистолет прямо у моей груди, не смущает и не пугает меня. Решимость струится по моим венам, и все, о чем я могу думать, это найти ее.

Кайл бросает пистолет мне в руку.

— Считай свои пули и никогда не оставляй себя без прикрытия.

Я коротко киваю, когда мы проскальзываем в задний вход того, что выглядит как старая фабрика. Как в каком-то апокалипсисе, местность пустынна, и безлюдно. Это идеальное место, чтобы избавиться от тела.

Эти мысли не поглотят меня.

С Рейной все будет в порядке. Она живчик.

Как и велел Кайл, я остаюсь позади него. На нем белая футболка и черные брюки, будто он только что ушел с деловой встречи. У него высокое и подтянутое телосложение, и он не издает ни звука.

Я стараюсь идти как можно тише, но не соответствую тому, как он движется в тени, словно он принадлежит им.

Внутри фабрика выглядит более убого, чем снаружи. Окна наполовину разбиты, что позволяет ветру проникать в помещение. Я смотрю на крышу, размышляя, хорошо ли отсюда стреляет снайпер.

— Забудь о нем, — говорит Кайл своим скучающим голосом. — Представь, что ты сам по себе. Если ты будешь продолжать ждать, пока другие спасут тебя, ты умрешь.

В некотором смысле это правда.

— Почему ты согласился на это? — я спрашиваю.

— За это мне платят.

Внезапно он останавливается на углу и прикладывает палец ко рту, прежде чем схватить пистолет обеими руками. Он жестом велит мне оставаться на месте. Я так и делаю, крепче сжимая свой собственный пистолет.

Это значит, что у нас компания. Я выглядываю из-за угла и, конечно же, детектив Дэниелс и два офицера, которые забрали Рейну, стоят перед металлической дверью.

Они смеются и пьют, будто это какой-то праздник.

Кровь пульсирует в моих венах от желания убить их. Я знал, что Дэниелс подозрителен. Я должен был заподозрить, что он работает с этими ублюдками.

Я ожидаю, что Кайл подкрадется или останется здесь, пока опасность не минует, но он достает глушитель, прикрепляет его к кончику пистолета и выходит. Вот так просто он выходит.

Его глаза остаются прежними, скучающими и неподвижными, когда он щелкает несколько раз. Оттуда, куда он целится, раздаются проклятия и шум на русском, но звук его приглушенных выстрелов становится громче.

Затем все звуки исчезают, когда он жестом приглашает меня следовать за ним.

Перед дверью лежат трое мужчин с тремя точными выстрелами в лоб. Шея Дэниелса покрыта повязкой, но это наименьшая из его проблем. У него и у других мужчин широко открыты рты, а глаза смотрят в никуда.

Впечатляюще.

Неудивительно, что Александр высокого мнения о Кайле, хотя он редко делает это с кем-либо.

Наверное, я должен что-то чувствовать, видя, как убивают трех человек, но я не чувствую. Они забрали у меня Рейну и заслуживают участи худшей, чем смерть.

Кайл пинает тела, чтобы подойти к двери.

— Иван должен быть там, и он хороший стрелок. Оставайся здесь.

— Нет. Рейна тоже там.

Он смотрит на меня, его пистолет рядом.

— Если ты умрешь, я скажу твоему отцу, что ты покончил с собой.

— Меня это устраивает.

Ухмылка кривит его губы.

— Договорились.

— Никакого договора.

Голос раздается у нас за спиной, и мы оба оборачиваемся.

Рейна.

Она одета в джинсы и черную толстовку с капюшоном, которая скрывает половину ее лица, но я знаю, что это она — или, скорее, настоящая Рейна, а не *моя* Рейна.

Они так похожи, что я подумал, что Рейна была той, кто звонил мне сегодня утром. Они так похожи — лицо, телосложение, все.

За исключением того, что я понимаю, что это не моя Рейна. Она не та девушка, которая выпорола меня, потом уничтожила, а потом медленно собрала воедино.

Кайл наклоняет голову.

— Что ты здесь делаешь?

— Покончим с этим.

— Мы решили, что сделаем это по-моему, Рай.

— Ты решил. Я никогда не соглашалась на это. — она вырывается из его объятий. — Если ты войдешь туда, подняв пистолет, Иван, не колеблясь, застрелит ее.

— Ну что ж, гений. — он говорит с насмешкой. — Если ты войдешь туда, он без колебаний застрелит и тебя тоже.

— Да.

Спокойствие и решимость в ее голосе и лице так похожи на Рейну, когда она собирается что-то сделать.

Ее мнение не переубедишь.

— У меня есть то, что ему нужно, — говорит Рай.

— Твой единственный спасательный круг.

— Нет. — она улыбается. — Его.

Она протискивается мимо него к двери. Кайл снова пытается схватить ее, но она отталкивает его, прижимает телефон к уху и что-то говорит по-русски. Это звучит гладко и авторитетно, как у человека, который точно знает, что он делает и почему он это делает.

Поскольку она позвонила, когда я находился в офисе Александра, я знал, что у Рай был план посерьезнее, чем послать Кайла и его убийцу за Иваном.

— Ради всего святого, — говорит Кайл после того, как она вешает трубку, но больше не пытается ее остановить.

Она улыбается мне; улыбка слабая и едва заметная.

— Давайте вернем мою сестру.

Целеустремленными шагами она колотит в металлическую дверь и даже не моргает, глядя на трупы, лежащие перед ней.

— Я здесь, Иван. У меня бухгалтерская книга.

Кайл подкрадывается справа от нее, а я стою слева, пока мы ждем ответа.

Проходит секунда, две..

Дверь со скрипом открывается. Светловолосый мужчина стоит у входа, заполняя его и не позволяя заглянуть внутрь.

— Рай... — говорит он с акцентом, ухмыляясь. — Разве это не сюрприз?

Ты даже привела предателя

Кайл приподнимает плечо.

— Я никогда не был с тобой.

Теперь я знаю, почему его голос показался мне знакомым. Хотя в то время он притворялся с русским акцентом, это тот человек, который был в лесу в ту ночь, когда Рейна — и предположительно Рай — подверглись нападению. Он притворялся, что был с ними, но на самом деле спасал Рай. Вот почему с тех пор она была в относительной безопасности.

— Если тебе нужна бухгалтерская книга, ты можешь ее получить. —

Рай делает шаг вперед.

— Где она? — юмор, который Иван пытался изобразить, исчезает.

— Где моя сестра?

Красная капля падает на землю, и я следую за линией, понимая, что источник его руки, которые он прятал с тех пор, как открыл дверь.

Рейна...?

— Видишь ли, уже немного поздно. Она не хотела говорить, а ты знаешь, что я ненавижу молчаливых. — он делает паузу. — Но она еще не умерла, так что дай мне книгу, и я, возможно, дам ей вздохнуть еще секунду.

Потребность нажать на курок и выстрелить ему в голову переполняет меня, но я не могу этого сделать, не зная, сколько там людей. Что, если я причиню ему боль, а остальные убьют Рейну?

— Сначала моя сестра. — голос Рай не меняется.

Он протягивает руку.

— Бухгалтерская книга, Рай. Не усложняй и не пытайся забрать то, что никогда не было твоим.

— Я не усложняю, а ты. Но ладно, думаю, ты победил.

— Я всегда побеждаю, сука. Теперь отдай.

Рай засовывает руку под толстовку, и глаза Ивана загораются, как у ребенка. Вместо книги она вытаскивает что-то блестящее и хватается за руку, направляясь прямо к его глазам с ножом.

Его рев боли слышен в длинном пустом коридоре. Он слепо тянется к ней. Нож в его правом глазу заливает кровью всю его щеку и шею и стекает на рубашку.

Я отталкиваю его в сторону в его оцепенении и забегая внутрь. Если там кто-то есть и он ранен..

Зрелище передо мной останавливает меня на полпути. Рейна лежит на земле, привязанная к стулу. Ее светлые пряди испачканы красным. Все красное — ее лицо, руки и даже одежда.

Черт!

Я бегу к ней, стараясь не обращать внимания на перепалку между Рай, Кайлом и Иваном. Присев на корточки перед Рейной, я убираю пряди с ее щек и обнаруживаю, что один ее глаз опух, а другой закрыт. Ее губы окровавлены и разбиты. Если бы я издали не узнал в ней свою Рейну, я бы не понял, что это действительно она.

Я перерезаю верёвки вокруг ее запястья, как маньяк, ножом, который дал мне Кайл. Я держу ее за руку и жду, затаив дыхание, чтобы увидеть, как поднимается и опускается ее грудь, доказательство того, что она жива и больше не заставит меня страдать от жизни без нее.

Из нее вырывается тихий звук, что-то похожее на всхлип или стон боли — или и то, и другое.

Я выдыхаю и встаю.

Этот ублюдок пытал ее. Он избивал ее до тех пор, пока не стер ее черты и не сделал неузнаваемой.

Иван все еще отбивается от Рай, когда Кайл держит его обеими руками, сцепленными за спиной. В тот момент, когда Рай видит Рейну, она бросает

Ивана и бежит ко мне. Я не думаю дважды. Я даже не в счет, как велел мне Кайл.

Я целюсь из пистолета, взвожу курок, а затем стреляю прямо в грудь ублюдка. Кайл пристально смотрит на меня, когда Иван безвольно падает в его объятиях.

Я игнорирую его и снова сосредотачиваюсь на Рейне. Рай опускается на колени рядом с ней, умоляя ее открыть глаза, требуя, чтобы она сдержала свое обещание.

Рейна всегда говорила всякую чушь о том, что хочет уйти, и лучше бы сейчас это не то время, когда она решит это сделать.

Я больше не могу жить в мире без нее.

Глава 29

Рейна

Конец это странное чувство.

Это просто... случается. Или, может, этого не происходит, и вы застряли где-то в неизвестности.

Вот что я чувствую в тот момент, когда открываю глаза. Здесь слишком тихо, слишком бело, слишком пусто. Я думаю, что нахожусь в своего рода загробной жизни. Все закончилось в камере пыток Ивана, и теперь я встречаюсь с мамой и папой.

Но потом начинается боль. Она пронизывает меня от затылка до висков. Мои глаза, которые, как мне казалось, я открыла секунду назад, теперь полуоткрыты, опущены и... опухли?

Я высовываю язык, смачивая сухие губы, и морщусь, когда он соприкасается с нежной, поврежденной кожей.

Затем появляются запахи, сильные и мощные. Антисептик и чистота больницы поглощают чувства.

Звуки тоже становятся четкими, по мере того как размытость постепенно исчезает. Знакомое лицо смотрит на меня сверху вниз. Она зовет меня по имени, слезы наворачиваются на ее глаза.

Это.. я.

Нет, это не я. Это Рейна.

О, Боже. Мое сердце набирает скорость, и машины сходят с ума от звукового сигнала.

Она не может быть здесь. Если это так, это может означать, что она в загробной жизни со мной. Она..

— Доктор, позовите доктора!

Чья-то рука обхватывает мою, теплая и знакомая, как у мамы. Такая же, как у мамы.

Доктор подносит свет к моим глазам и говорит мне следовать за ним. Сначала я не подчиняюсь, потому что не хочу прерывать зрительный контакт с Рейной. Что, если она исчезнет?

Она кивает мне, ободряюще сжимая мою руку, и я следую указаниям доктора. Он просит меня заговорить и назвать свое имя.

— Рейна, — шепчу я хриплым голосом. — Рейна Эллис.

Некоторые люди, возможно, знают тот факт, что я не такая, но мы обещали, что я буду Рейной Эллис, а она будет Рай Соколовой. Пока она не вернет себе свою жизнь, я буду защищать ее. Я сделаю все возможное, чтобы удержать это на плаву.

На лице Рейны отражается так много эмоций. Мое собственное было бы таким же, если бы я могла его сдвинуть.

Доктор и медсестры суетятся вокруг нас с Рейной, следят за каждым их движением, слушают доктора и время от времени сжимают мою руку для поддержки. Движения и вопросы это почти дежавю того последнего раза, когда я проснулась в такой же постели с начисто стертыми воспоминаниями.

Только на этот раз это причиняет больше боли.

И на этот раз... Я медленно поворачиваю голову, но от Ашера не остается и следа. Забавный тип пустоты сжимает центр моей груди.

Доктор прописывает мне какие-то обезболивающие лекарства, и медсестра вводит их мне в капельницу. Затем они уходят, дверь с шипением закрывается за ними.

Теперь только Рейна и я.

Точно так же, как все эти годы назад.

Она садится на край кровати, все еще держа меня за руку, стараясь не толкнуть в бок. Судя по тому, что сказал доктор, у меня сломано одно ребро, а два в ушибах.

Мне страшно взглянуть на свое лицо и увидеть весь тот ущерб, который причинил Иван.

— Он мертв? — я спрашиваю Рейну.

Она, должно быть, точно понимает, о ком я говорю, так как напряженно кивает.

— Я вонзила ему нож в гребаный глаз.

— Хорошо. — мой голос становится эмоциональным. — Мама и папа теперь могут покоиться с миром.

Я ожидала, что Рейна разделит мою эмоциональную реакцию, но выражение ее лица становится жестким, как у воина перед битвой.

— Я хотела сделать это раньше, но я не могла причинить ему боль. Лидеры в ближайшей комнате дедушки считали его законным наследником, будучи мужчиной и все такое. Иван играл в долгосрочную игру и выставил маму и меня злодеями, будто мы промыли мозги дедушке. Сначала я должна была получить их благословение, и мне удалось убедить некоторых сильных союзников, но остальные не сдвинулись с места. Однако, когда я услышала о твоём похищении, я не могла просто стоять на месте.

Союзники и лидеры... Все эти разговоры о мафии исходят из уст Рейны, будто это вторая натура, будто это единственный способ, которым она знает, как жить.

— Не могли бы ты... — я сглатываю. — Теперь с тобой все будет в порядке?

Она слегка улыбается.

— В порядке это мое второе имя, озорница. Ты та, кому всегда причиняют боль.

— Ну, меня не учили закалывать людям глаза.

Ее ухмылка становится шире.

— Дедушка научил меня. — затем ее лицо вытягивается. — Я бы хотела, чтобы ты с ним познакомилась. Он был твердым человеком с хорошим характером, но он просто не знал, как заставить маму почувствовать себя в безопасности. Вот почему она сбежала.

Я сглатываю слюну, скопившуюся в задней части моего горла.

— Думаю, она сбежала, потому что не хотела такой жизни для нас, Рей.

— Ну, у нее ничего не получилось. Уже слишком поздно.

Она гладит тыльную сторону моей руки.

— Я должна вернуться в свой мир.

— Твой мир? — я задыхаюсь и морщусь, когда у меня болит рот.

— Да. — она пожимает плечами. — Я не позволю тем, кто тайно вступил в союз с ублюдком Иваном, запятнать наследие дедушки. Он доверил мне это, и мой долг как Соколовой — довести дело до конца.

— Н-но мы говорим о мафии, Рей. Чертовой Мафии — они смертельно опасны.

— Я тоже смертельно опасна. Дедушка воспитывал меня не для того, чтобы я кланялась этим гребаным свиньям.

Ее плечи расправляются, а глаза теряют свой блеск, становясь холодными и смертоносными. Это почти как совершенно другая Рейна.

Она не моя милая сестра и не та девушка, которая дрожала вместе со мной в темноте, когда мы прятались от людей Ивана. Теперь она больше похожа на тех мужчин, если не более бесчувственна.

Что они делали с моей сестрой-близнецом все эти годы? Во что они ее превратили?

— Р-Рейна, мы обещали быть вместе, помнишь?

— И мы это сделаем. Мы вместе. — выражение ее лица немного смягчается. — Нам просто придется пересечься, как это делали мы с папой, ты в своем мире, а я в своем.

— Нет! — кричу я, и мой голос срывается. — Не об этом мы договаривались.

— Мы просто обещали встретиться снова. — она приподнимает бровь.
— Мы никогда ни о чем другом не договаривались.

— Не прикидывайся умницей, Рей.

— Это правда.

— Тогда... — я начинаю облизывать губы, но останавливаюсь, когда вспоминаю, что они, скорее всего, разбиты и будут болеть. — Тогда я вернусь к своей личности, а ты вернешься к своей.

По правде говоря, то, что я снова Рай Соколов, пугает меня до чертиков. Эта маленькая девочка была беглянкой, всегда голодной и опустошенной. Она была оболочкой человека, у которого не было цели в этом мире, и не за кого было держаться, кроме мамы, поэтому, когда ее убили, я потеряла всякое чувство цели.

Пока я не встретила папу и Ашера.

Они дали мне повод стремиться к высоте. Вот почему после смерти папы и исчезновения Ашера я снова стала более опустошенной и позволила мрачному облаку взять верх.

Я жила только верой в то, что не должна портить жизнь Рейне, потому что однажды она вернется за этим.

Сегодня тот день, когда каждая из нас возвращает себе свою жизнь.

Она бросает на меня косой взгляд.

— Ты бы и дня не прожила в моем мире, Рай.

— Эй!

— Я серьезно. Я бы тоже не выжила в твоем мире. Он слишком... нормальный. Я больше не могу вести себя нормально.

— Но...

— Никаких «но». Ты Рейна Эллис, а я Рай Соколов.

— Ты хочешь, чтобы я... — я кашляю, проглатывая комок в горле. — Ты хочешь, чтобы я была Рейной?

— Ты уже Рейна. Просто перестань думать об этом как о роли.

Мои губы приоткрываются.

— Как ты... о Боже мой, ты тоже так думала?

Она резко кивает.

— Я всегда думала, что это просто роль, и мне нужно будет вернуть ее, но в последний раз, когда мы встретились, я поняла, как сильно тебе

нравилось быть Рейной, и я хотела сказать тебе, что мы должны перестать играть роли.

Мой рот остается открытым, пока мозг пытается найти правильные слова для ответа. Я совсем не ожидала этого, и это просто поражает меня из ниоткуда.

— Что... что насчет Ашера? Знаешь, помолвка и...

Она лезет в карман и достает кольцо, очень знакомое кольцо с бриллиантом.

— Я хранила его для тебя. Я собиралась найти тебя после того, как тебя выпишут из больницы, но Кайл запретил мне видеться с тобой, так как за тобой наблюдали люди Ивана.

— Кайл?

— Мой телохранитель и правая рука. Он помог спасти тебя.

Я должна буду поблагодарить его за это позже.

— В любом случае. — она сует кольцо мне в ладонь. — Вот, держи.

Ненавижу держаться за эти драгоценные вещи.

— Но разве ты этого не хочешь?

Ее брови хмурятся.

— С чего бы, черт возьми, мне этого хотеть? Я надела его в тот день только потому, что ты заставила меня, сказав, что оно будет отлично смотреться на мне и прочее дерьмо. Нет. Оно твое. Ашер никогда не был помолвлен со мной, он всегда был помолвлен с тобой, Рай. Он меня совершенно не интересуется.

Почему я подумала, что она им интересуется? Я всегда верила, что Рейна потребует его, как только вернется, что все в моей жизни принадлежит ей, а не мне.

Но хорошо только потому, что я так по уши влюблена в Ашера, это не значит, что мой близнец была тоже.

Меня охватывает чувство облегчения. Как будто с моей груди свалилась тяжесть.

— Где... — я прочищаю горло. — Где он?

Она замолкает на секунду, словно пытаюсь взвесить свои слова.

— Его здесь нет.

Пустота, возникшая раньше, углубляется и становится тяжестью, которая почти раздавливает мою и без того поврежденную грудную клетку. Я надеялась, что он будет здесь ради меня, как только я проснусь.

Мы даже толком не поговорили после того, как посмотрели то видео с Арианной и Джейсоном.

— Тогда, где он?

— Ну, помнишь, как я сказала тебе, что Иван мертв?

— Да, ты ударила его ножом.

— В глаз, да, но не я убила его. Ашер всадил пулю в грудь этому подонку.

Я задыхаюсь, а затем останавливаюсь, когда боль пронзает мою шею сзади.

Как будто меня бросают в глубину океана, мое дыхание прерывается, и приходится втягивать воздух, чтобы накормить свои изголодавшиеся легкие.

— Он... в порядке?

— Он в участке со своим отцом.

Из того, что доктор сказал ранее, я не приходила в себя почти два дня, так что это должно означать, что Ашер отсутствовал столько же времени.

О, Боже. Означает ли это, что он будет осужден за убийство? Я не могу позволить этому ублюдку Ивану забрать у меня еще одного человека.

Я пытаюсь сесть, но Рейна заставляет меня снова лечь.

— Что ты делаешь? — она огрызается.

— Я должна пойти и помочь, я должна что-то...сделать. Я не могу просто сидеть здесь.

— С ним его отец. Александр Карсон один из лучших юристов в стране, не забыла? Он вытащит его из этого. Кроме того, я сделала заявление и

сказала им, что это была самооборона. Просто отдохни, Рай. Уверена, что Ашер выйдет в мгновение ока.

Как я могу успокоиться, когда судьба Ашера неизвестна?

Глава 30

Рейна

Я не могу успокоиться.

Медсестра должна дать мне успокоительное, чтобы я поспала.

На следующий день медсестра и Рейна помогают мне умыться. Лицо, которое я вижу в зеркале, слишком изуродовано, чтобы считаться человеческим. Фиолетовые и зеленые синяки разбросаны по всей коже; это еще хуже, чем в прошлый раз.

Когда я смотрю на это, я не выдерживаю и плачу. Я держусь за раковину и отпускаю все эмоции, которые подавляла долгие годы.

Я плачу по маленькой девочке, которой пришлось бежать из одного города в другой, по подростку, который жаждал кого-то, кто, как она думала, ей не принадлежал, и по девушку, которая снова потеряла его.

Ашер и я всегда скучаем друг по другу. Как параллельные линии, это почти так же, как если бы нам никогда не суждено было пересечься. Всякий раз, когда мы пересекаемся, происходит катастрофа, и нам приходится возвращаться к этому параллельному существованию, к этой беспомощной попытке сохранить порядок, и в результате мы становимся несчастными.

В этот момент я начинаю думать, что мы прокляты. Может, Арианна перед смертью сотворила какую-то черную магию и позаботилась о том, чтобы мы никогда не воссоединились.

Медсестра похлопывает меня по спине, говоря, что ни одна из моих травм не зарубцуется, что через несколько недель все вернется на круги своя.

Она думает, что я плачу из-за этого, и это заставляет меня плакать еще сильнее. Я не останавливаюсь, пока Рейна не заходит внутрь и не помогает увести меня обратно в кровать.

И тут я замечаю людей в черном, стоящих перед дверью. Вначале я думала, что это моя охрана, но я не вижу среди них Гейджа и других.

Вот тогда я понимаю, что они, должно быть, люди Рейны. Она действительно ведет другой образ жизни.

— Тебе лучше?

Она убирает стакан после того, как я проглатываю обезболивающую таблетку, которую дала мне медсестра.

Я качаю головой и закрываю глаза. Мне никогда не станет лучше, пока с ним не будет все в порядке.

Это безумие, но со временем благополучие Ашера стало ощущаться как мое собственное.

Почему не делают обезболивающие таблетки для сердца?

Когда я снова просыпаюсь, уже темно. У меня пересохло и першит в горле.

Тень спит на стуле рядом со мной, а это значит, что Рейна снова останется на ночь. Последние два дня она почти не отходила от меня. Она выходила только тогда, когда приходили Люси, Наоми, Себастьян, Оуэн и члены команды поддержки.

Даже они не знали о судьбе Ашера. Единственная доступная информация заключается в том, что Александр не покинул его. Я пыталась дозвониться, но его телефон выключен.

Садясь, я пытаюсь дотянуться до бутылки и останавливаюсь.

Тело, лежащее на стуле, принадлежит не Рейне. Она не такая широкая и высокая и... о Боже.

— Ты не спишь?

Тон его голоса, этот знакомый глубокий тон заставляет меня вздрогнуть.

— Ашер?

Пожалуйста, скажите мне, что это не сон. Это было бы самое жестокое из всех возможных.

Сильные руки обхватывают мои, и рыдание застревает у меня в горле.

Это Ашер. Определенно Ашер.

То, как моя кожа оживает, и то, как мое тело настраивается на его, не может быть ошибкой.

Только он мог вызвать такую реакцию.

Это не сон и не галлюцинация, это реальность.

— Я здесь, королева выпускного. Ты не сможешь так легко от меня избавиться.

— Это действительно ты. — мой голос дрожит от силы моих эмоций. —
Что случилось? Они тебя отпускают?

— Александру удалось заставить их признать это самообороной.

Показания Рай помогли.

— Слава Богу. Я думала, тебя... посадят.

— И оставить тебя на произвол судьбы? Этого не случится, королева выпускного.

В мягком свете, льющемся из окна позади меня, он выглядит измученным, его лицо уставшее. Должно быть, он не спал несколько дней, но все равно пришел ко мне, как только его освободили. Это согревает мое сердце и позволяет маленьким бабочкам взрываться в животе.

— Ты в порядке?

Я не могу не спросить.

— Я в порядке, но ты?

Он пристально смотрит на меня, и даже в темноте я чувствую, как его взгляд поглощает меня целиком. Быть в центре внимания Ашера это вот так, ошеломляюще и необработанно.

Он протягивает руку к моему лицу, но останавливается на полпути, сжимая ее в кулак и позволяя ей упасть к нему на колени.

— Я должен был убить этого ублюдка медленнее.

Меня должно пугать, что он думает об убийстве и уничтожении жизни, но я слишком сильно ненавидела Ивана, чтобы беспокоиться. Кроме того, у Ашера всегда была эта сторона, еще со старшей школы, сторона, которая должна причинять боль и калечить, сторона, которая однажды была выпущена на меня.

Но он остановил себя; он всегда останавливал себя, когда дело касалось меня. Часть его, возможно, хотела убить меня из-за обиды, которую Арианна оставила, между нами, но другая часть не могла перестать хотеть быть рядом со мной.

— Рейна или Рай, или кем бы ты ни хотела быть. — его хватка на моей руке усиливается, когда он выпрямляется и понижает голос. — Я облажался. Знаю, что сделал это, и это было ужасно. Я могу солгать тебе и сказать, что никогда не хотел причинить тебе боль, но это было бы ложью, и я пообещал себе, что никогда больше не стану лгать тебе. Так что, вот версия без цензуры, королева выпускного. Я хотел причинить тебе боль. Думал, что если сделаю тебе больно, если сотру тебя из этого мира, то это остановит чертово желание, которое охватывало меня в течение трех лет. Но чем ближе я подходил к своей цели, тем пустее я себя ощущал. Это было еще более чертовски жалко, чем в старшей школе, когда я избивал людей за то, что они разговаривали с тобой. Смотря, как ты свисаешь с крыши в тот день, я хотел удержать тебя, и с тех пор, несмотря на все, что я делал, ты встала на ноги, и это заставило меня хотеть тебя еще больше. Это то, что я хочу делать с тобой все время, Рейна. Я хочу доминировать над тобой, причинять тебе боль, но только для того, чтобы услышать, как ты кричишь от удовольствия. Я хочу удержать тебя, обладать тобой, играть с тобой в игры, а не против тебя. Если ты не хочешь иметь со мной ничего общего, это был бы разумный выбор. Никто не стал бы винить тебя.

Я пристально смотрю на него после того, как он заканчивает говорить. Его слова затронули глубокое место внутри меня, которое жаждало чего-то подобного, чего-то настоящего и искреннего от него.

В некотором смысле он все еще псих, и я не могу полностью простить то, что он сделал со мной, как мучил меня, но я понимаю, почему он был вынужден это делать.

Я также вижу, как он каждый раз останавливался. Я также вижу мальчика, с которым раньше сидела, потому что его присутствие приглушало хаос внешнего мира. Он сделал это безопасным и приятным, а потом мне пришлось обмануть его и вести себя холодно, потому что я боялась его, того, что он предлагал, того, что я чувствовала.

Да, я могла бы заставить его пресмыкаться за его действия, могла бы отложить это, удержаться и заставить его упасть на колени. Но когда Иван избивал меня, на меня снизошло озарение: жизнь слишком коротка, чтобы откладывать что-то на потом. Вы никогда не знаете, что произойдет завтра, поэтому настоящее это все, что у вас есть для перемен.

Кроме того, он может пресмыкаться, пока он приклеен ко мне.

— Просто чтобы ты знала, — говорит он, когда я молчу, — Если ты действительно хочешь держаться подальше, я не могу обещать, что буду. Я буду продолжать пытаться, пока ты снова не овладеешь мной.

— А что, если я не хочу?

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал беззаботно.

— Я буду продолжать пытаться, пока ты не примешь меня.

— Я люблю тебя, Эш. Я всегда тебя любила.

Слова вырываются из меня так легко, что меня сбивает с толку то, что я никогда раньше не произносила их вслух.

Он делает паузу, его дыхание становится резким, почти животным.

— Всегда?

— Всегда.

— Даже когда ты была холодна и сдержана?

Я смеюсь.

— Особенно когда я была холодна и сдержана. Это был фасад, Эш. Чем глубже были мои чувства к тебе, тем сильнее я пыталась их убить.

Он на секунду замолкает, будто обдумывает мои слова.

Когда он говорит, мое сердце замирает.

— Я тоже люблю тебя, Рейна. Ты моя первая и ты моя последняя.

— Ты мой первый и ты мой последний тоже.

Я достаю кольцо, которое дала мне Рейна.

— А теперь сделай мне достойное предложение, потому что я не помню последнего.

Эпилог

Рейна

Пять лет спустя

— Эш... Эш...

— В чем дело, королева выпускного?

Он замедляется, его бедра двигаются в неторопливом ритме, когда он прижимает мое горло к полу.

Он трахает меня сбоку у входа. В тот момент, когда я вошла в нашу квартиру, он схватил меня за горло, а другой рукой закрыл мне глаза, делая мир черным и более... захватывающим.

Затем повалил меня на пол, сорвал с меня одежду, как пещерный человек, и заставил лечь на бок, чтобы он мог трахнуть меня глубоко и быстро.

Это игра, в которую мы иногда играем, в неизвестность. Это всегда делает меня такой распутной, и я кончаю сильнее, чем когда-либо прежде.

Сильная сторона Ашера это мой рай. С каждым прикосновением и поглаживанием я погружаюсь в него все глубже и сильнее.

На публике я его королева; в постели я его самая послушная шлюха, которую он ублажает каждую ночь и утром, прежде чем мы отправимся на работу.

Его рука не покидает моего горла, когда он врезается в меня. Его рука сжимает мою грудь, заставляя соски пульсировать от желания, чтобы он кусал, трогал и мучил меня.

Сейчас, из всех времен, он замедляется. Он не может просто оставить меня в подвешенном состоянии после всего этого накапливания; я вот-вот взорвусь.

— Сильнее, ты гребаный мудак.

Он смеется, звук резкий и мрачный.

— Это не так работает. Произнеси эти слова.

Обычно все, что мне нужно сделать, это сказать «пожалуйста», но сегодня я жажду сильного освобождения, поэтому говорю:

— Я твоя, только твоя, Эш.

— Да, ты моя, — ворчит он, когда уплотняется внутри меня, пока я не чувствую, как он снова растягивает меня.

Он выскальзывает почти полностью, а затем снова входит.

Один раз.

Дважды.

В третий раз мои ногти впиваются в его руку, а губы приоткрываются в бессловесном крике.

Освобождение обрушивается на меня, когда он захватывает мой рот в жадном поцелуе и входит в меня все сильнее и быстрее. Мой пульс учащается, а всхлипы дрожат от его силы.

Я не могу дышать. Нет, я не хочу дышать.

Я хочу увидеть его в его самой грубой форме, полностью неконтролируемым и моим. Моим лучшим другом, моим мужем и моим сторонником номер один.

Его поцелуй становится бездыханным и неконтролируемым, когда сперма наполняет меня. Мы оба одновременно вздыхаем друг другу в рот, но не прекращаем целоваться.

Его рука гладит мое горло, когда он открывает мой рот и трахает мой язык своим. Я не знаю, как долго мы остаемся на ковре, пока он целует меня, излучая вечную любовь.

Все, что я знаю, это то, что я становлюсь слишком сонной и измученной; он всегда так действует на меня. Каждый раз, когда он хорошенько трахает меня, я сплю как младенец — это если он не разбудит меня посреди ночи для очередного раунда.

Он выскальзывает из меня, и я стону от пустоты, когда его сперма струится между моих бедер. Я слишком сильно люблю это чувство.

Как всегда, Ашер несет меня на руках в нашу спальню. Я наклоняюсь и посасываю кожу его шеи, целуя ее всем, что у меня есть.

— Осторожнее, королева выпускного, ты снова просишь об этом. — он ухмыляется мне сверху вниз.

Я ударяю его в грудь.

— Прекрати.

Он повзрослел, как хорошее вино, все еще такой же привлекательный, как грех, если не чуть более смертоносный. Теперь девушки не оставляют его в покое. Меня всегда так и подмывает сунуть им в лицо обручальное кольцо.

Хотя мне это и не нужно. Ашер никогда не смотрел на других. Черт, у него едва хватает времени позаботиться о работе и встретиться со своими друзьями из-за его заикленности на мне. Я сбилась со счета, сколько раз замечала, что он пристально смотрит на меня, словно не верит, что мы на самом деле вместе.

По правде говоря, я тоже так за ним наблюдаю, когда знаю, что он не смотрит. Мы всегда были параллельными линиями, но даже параллельные линии могут столкнуться и стать одним целым. Это даже мощнее, чем две линии, встречающиеся только в одной точке.

Он опускает меня и ложится рядом со мной. Тянет меня на себя так, что моя грудь прижимается к его груди, мои ноги между его ногами, а мое лицо в нескольких сантиметрах от его.

Еще одна позиция, которую я слишком люблю, чтобы признаться.

Секунду мы смотрим друг на друга, его руки пробегают по моим волосам, а мои гладят его татуировку. Арабские слова все еще там, и я рада, что он их не свёл. Мне нравится видеть, как далеко мы продвинулись.

Джейсон признался, что помогал Арианне тогда, и он также был тем, кто стоял за этим сомнительным аккаунтом о колледже Блэквуд. У него

имелись переписки с учениками, которые присылали ему фотографии, и он их публиковал.

После этой стычки он получил взбучку от Ашера, который чуть не сломал ему руку. Когда Алекс узнал о случившемся, он хотел вышвырнуть Джейсона из страны, но я умоляла его не делать этого ради Иззи. Она показала мне это видео, хотя могла бы сохранить его в секрете на всю жизнь, потому что заботилась об Алексе и обо мне.

Она предложила забрать Джейсона и вернуться на юг, где ее семья разберется с ним.

Я могла сказать, что Ашер хотел сделать больше, чем просто избить Джейсона, но я заставила его остановиться. У меня нашлось несколько отборных слов для Джейсона. Я думала, что он мой друг, но он оказался моим злейшим врагом. Однако я не стала тратить на него свое время — оно того не стоило после всего, что произошло.

Прошное это не то, на чем мы должны заикливаться; это будущее.

В том году мы выиграла в штате, или даже больше, как Люси и Прескотт. Их руководство командой, пока я выздоравливала, было потрясающим. Сейчас они счастливы в браке и управляют танцевальной студией.

Оуэн перешел в НФЛ, и мы с Ашером обычно ходим смотреть на его игру. Он такая звезда, что нам нужен пропуск, чтобы увидеть его.

Себастьян и Наоми — ну, это сложно, как любит говорить Наоми.

Рай осталась в своем мире и сделала себе имя в Братве.

Мы часто встречаемся, но это должно быть заранее запланировано и контролироваться, так как она ведет опасный образ жизни и должна держаться в тени.

Я зову ее Рай, а она зовет меня Рейна. Мы решили это около четырех лет назад. Было бесполезно сдерживать это обещание, данное нам в детстве. Теперь мы это только мы. Рай Соколова и Рейна Карсон.

Рейна Карсон.

Я влюбляюсь в эту фамилию, чем больше я о ней думаю.

Мы поженились через год. Ашер недвусмысленно сказал мне, что он слишком долго ждал, чтобы заполучить меня, так что теперь ожидание подошло к концу.

Я продолжила получать степень магистра социологии и теперь помогаю таким детям, как я, на взлетно-посадочных полосах без дома, а иногда и без поддержки.

Ашер начал работать в компании Александра после получения степени в области международного права. Не могу сказать, что отец и сын во всем сходятся во мнениях, но они лучше терпят друг друга. Узнав правду о смерти Арианны, они оба освободились, так как втайне обвиняли друг друга.

Обычно мы встречаемся за ужином с Алексом. Он по-прежнему лучший отец, который у меня мог быть. Он повел меня к алтарю от имени отца в день моей свадьбы.

— Я думал, ты собираешься спать. — Ашер приподнимает бровь.

Ладно, значит, я, возможно, наблюдала за ним как ненормальная в течение нескольких последних секунд... или минут. Неважно.

— Эй, Эш.

— Хм?

Эш теперь стало его любимым именем. Я улыбаюсь про себя, вспоминая, как раньше его это пугало, или, может, его пугала эта сторона меня.

Однажды я вела себя как проказница и продолжала называть его Ашером. Его реакцией стал секс в попку, пока я не закричала — Эш.

Это его путь или шоссе, и я люблю каждую секунду этого.

— Я хочу детей.

Это незапланированно, но не спонтанно. Я думала об этом некоторое время.

В начале нашего брака мы договорились отложить рождение детей ради нашей карьеры, но теперь я хочу родить его ребенка.

— Мысль о том, что ты беременна, возбуждает меня.

Он толкается в меня, утыкаясь между моих бедер.

— Меня это тоже заводит. — я прикусываю нижнюю губу.

— Это моя королева выпускного.

Он захватывает мои губы в поцелуе, раздвигая мои бедра сильной рукой.

Он скользит внутри меня с тем легким давлением, которое заставляет меня дрожать, готовая к нему снова и снова.

— Эш, — шепчу я ему в губы. — Я хочу спать.

— Ты не можешь поднимать мысль о беременности, а потом засыпать.

— он касается своими губами моих. — Я не остановлюсь, пока не сделаю тебе ребенка.

Боже, этот мужчина.

Я так сильно люблю его, что это безумие.

Конец

Бонусная Сцена
(постельная сцена между Рейной и Cloud003)

Рейна

Я лежу на спине, полностью обнаженная. Мое сердце бьется так громко, что я слышу его в тишине комнаты.

Нетерпение гудит внутри, и я смотрю на часы на стене напротив кровати.

Секунды тикают то медленно, то быстро.

Вот как ощущается время, когда он вовлечен. Этого никогда не бывает достаточно. Никогда не слишком медленно, когда он рядом, никогда не слишком быстро, когда он уходит.

Интересно, когда он начал контролировать определение времени в моей голове или когда он начал влиять на меня, даже когда он далеко.

По правде говоря, я знаю ответы на эти вопросы, просто мне не нравится признаваться в них самой себе.

И вот я здесь, играю в прятки, мои ноги слегка раздвинуты, я совершенно голая, если не считать каблучков и маски, закрывающей глаза.

В соответствии с его инструкциями.

Я принадлежу ему для того, чтобы брать. Все полностью принадлежит ему.

И эта мысль дает мне свободу, о которой я никогда не думала, что это возможно.

Дверь со щелчком открывается, и я заметно вздрагиваю. Мои соски напрягаются, и я проклинаяю их и себя. Он даже не прикоснулся ко мне, черт возьми, как я могла стать такой дрянью?

Рейна, в которую я превратилась, не из тех, кто теряет бдительность. Я чертовски уверена, что не связываюсь с незнакомцами на вечеринках в честь Хэллоуина.

Он не незнакомец, шепчет внутренний голос.

У кровати шуршит одежда, но я продолжаю смотреть на часы рядом. Мои внутренности покалывает от удовольствия и горячей ненасытной потребности.

Что-то касается пяток, я понимаю, что это палец.

— Ты оставила туфли. Хорошая шлюха.

Я сглатываю, хотя у меня поднимается температура от того, как он меня называет, но не от гнева, а от чистого волнения.

Затем в поле зрения появляется его лицо. Как и я, он одет в черную маску, которая закрывает половину его лица. Но маска никогда не скрывала его от меня. Ни в прошлом году и уж точно не сейчас.

Его мышцы пульсируют, подчеркивая тот факт, что он тоже совершенно голый. Мы естественны, как и должны были быть в течение многих лет.

— Скучала по мне, моя шлюха? — спрашивает он, приподнимая бровь.

В анонимности есть определенная сила, даже если он знает, кто я, и наоборот.

Этот плащ позволяет мне говорить вещи и действовать так, как я бы никогда не сделала, если бы маски исчезли.

Держась за его глубокие зеленые глаза как за якорь, я говорю:

— Да.

Его челюсть сжимается, но прежде, чем он успевает подумать об этом, я протягиваю руку и прижимаюсь губами к его губам.

Он забирается на меня и пожирает мои губы, его зубы кусают и покусывают, и сводят с ума.

Мое тело маленькое и крошечное по сравнению с его широким телом, но по какой-то причине это кажется таким правильным.

Таким безопасным.

— Знаешь, что я с тобой сделаю? — хрипит он мне в губы.

— Нет, — мой голос дрожит.

— Я собираюсь трахнуть твою киску, потом твой ротик, потом твою задницу, моя шлюха.

Дрожь во всем теле пробегает по мне от этого обещания. От того факта, что он завладеет каждым сантиметром меня.

Что он мой, а я его. Даже если это только на сегодня.

— Раздвинь ноги.

Его властный тон прокатывается по моей коже, как афродизиак.

Я слишком медлительна, чтобы подчиниться, поэтому он раздвигает их сам. Я вскрикиваю, когда влага покрывает внутреннюю сторону моих ног.

Всего одно прикосновение, и я в значительной степени пропала.

— Такая влажная, такая готовая, полностью моя, — он покусывает губу, втягивая ее в рот, прежде чем прикусить мою челюсть, шею, чувствительное место на ключице.

Как будто он отмечает меня, убеждаясь, что я всегда буду принадлежать ему. Я его.

Я всегда была его.

— Ты моя шлюха, не так ли? — рычит он, и я киваю, не в силах говорить.

Он не меняет свой голос, чтобы сохранить анонимность, будто хочет убедиться, что я тоже его знаю.

Мой единственный и неповторимый.

Моя параллельная линия.

Он широко раздвигает мои ноги, его пальцы впиваются в мою мягкую плоть.

— Раскрой их, как ты делаешь в группе поддержки, — приказывает он.

Я подчиняюсь. Даже не думаю об этом.

Его губы возвращаются к пожиранию моих, когда он мучительно медленно входит в меня.

Я кладу руку ему на грудь.

— Быстрее.

Он усмехается, звук низкий и зловещий.

— Ты не можешь командовать, только я.

— *Пожалуйста*, — я приподнимаю бедра в отчаянной потребности в большем.

Я так долго была лишена его, этого. Мне нужна моя доза, чтобы побороть ломку.

— Скажи это еще раз.

— Пожалуйста.

— Пожалуйста, что?

— Пожалуйста, трахни меня.

Он обхватывает рукой мое горло и делает именно это. Он трахает меня.

Жестко, быстро и без всяких границ. Он входит в меня так, словно завтрашнего дня не наступит. Как будто сегодняшний вечер это все, что у нас есть.

И это правильно.

Этот момент все, что мы получаем в течение долгого времени.

Это напоминание вызывает слезы на моих глазах, когда волна накрывает меня. Я кричу, а затем кусаю его за плечо, заглушая звук.

Это один из тех моментов, где я хочу назвать его имя, его настоящее имя, и заплакать. Я хочу держаться за него и никогда не отпускать.

Потом я вспоминаю, что мы параллельные линии, которые не должны пересекаться, поэтому я просто держусь за него. Я держу его как якорь, как спасательный круг.

— Черт, ты так хорошо ощущаешься, — шепчет он мне на ухо. — Узкая, влажная, и чертовски моя.

Все еще прячась у него на шее, я пытаюсь соответствовать его ритму. Я хочу, чтобы это доставляло ему удовольствие, оставляло на нем след, как он всегда оставляет на мне.

Я хочу, чтобы он думал обо мне так, как я буду думать о нем каждую ночь в течение следующего года, пока я касаюсь себя и представляю, что это он.

Его спина напрягается, и я хватаю его за лицо, наши глаза встречаются на секунду слишком долго. Я снова влюбляюсь в эту зелень. Я влюбляюсь в них, как и много лет назад.

Эти глаза — единственные глаза, о которых я когда-либо мечтала или фантазировала.

Мои губы встречаются с его губами, когда его накрывает оргазм. Я целую его сквозь это, рассказывая ему все, что никогда не скажу словами.

Я люблю тебя, Ашер.

Я скучаю по тебе.

Хотела бы я быть с тобой.

